

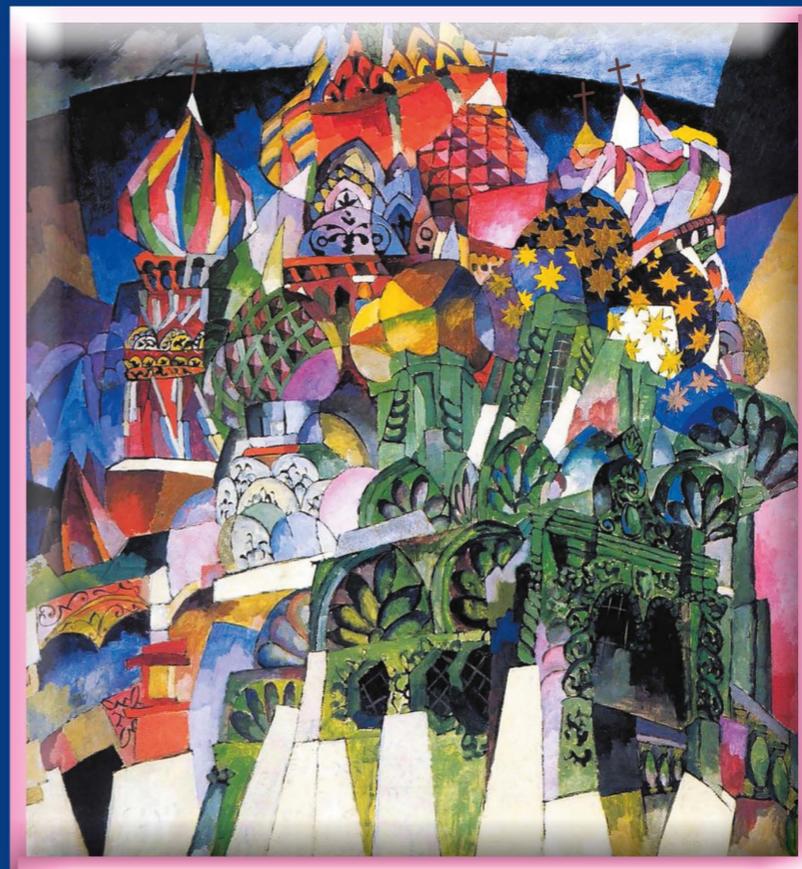
Наталья Николаевна Егорова родилась в Смоленске в 1958 году. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в областной библиотеке, издательстве «Современник», газетах «День», «Завтра». Автор поэтических книг «Золотые шары», «Птицы в городе», «Тысяча лет снегопад», «Русской провинции свет», подборок стихотворений и критических статей в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная», «Берега», «Родная Ладога», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «День», «Завтра», «День литературы», альманахе «День поэзии», в других периодических изданиях, альманахах и сборниках. Лауреат премии св. кн. Александра Невского Александро-Невской лавры, пяти годовых премий журнала «Наш современник», годовых премий других периодических изданий и писательских сайтов. Член Союза писателей России.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА
Сиянье мира, бытующее за край

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

Сиянье мира, бытующее за край

Избранные
стихотворения и поэмы

*Эта книга издана при содействии
Фонда имени священника Илии Попова*

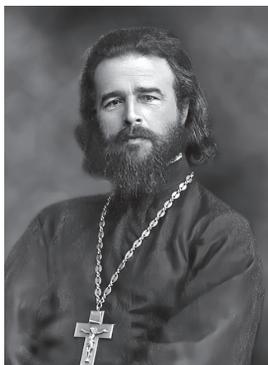

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории России и истории казачества, церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников.

Протоиерей Илия Попов 1871–1937

Протоиерей Илия Попов – сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская).

После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. В настоящее время материалы к канонизации протоиерея Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

***Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)***

Наталья Сосова

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

*Сиянье мира,
бьющее за край*

Избранные
стихотворения и поэмы

издательство

ББК 84(2Рос)5
Е30

Егорова, Наталья Николаевна.

Е30 Сиянье мира, бьющее за край: Избранные стихотворения и поэмы / Н. Н. Егорова. — Смоленск: ИП Минина Е. А. (Издательство «Маджента»), 2026. — 344 с.: ил. ISBN 978-5-6055246-0-1

В поэтическом пространстве Натальи Егоровой сегодняшняя Россия неотделима от Древней Руси, древние христианские предания — от современной жизни, бытие русской провинции — от тектонических разломов мировых катастроф, эпическое дыхание сливается здесь с лирическим полётом, яркая образность — с философскими размышлениями, тяга к строгости русской поэтической традиции — со свободными разговорными интонациями, неожиданным характером и поэтическим жестом. В стихах она старается проникнуть в неведомые глубины, соединить несоединимое — Христа и устремлённость России в космос, жизнь русской глубинки и задымлённого мегаполиса, заглянуть в тайники человеческой души и подслушать мысли цветка. Весь мир для поэта пронизан светом Христа, весь мир — живой, весь — мыслящий. В книгу вошли избранные стихотворения и небольшие поэмы.

В оформлении книги использованы картины Аристарха Васильевича Лентулова.

ББК 84(2Рос)5

Егорова Наталья Николаевна

Сиянье мира, бьющее за край:
избранные стихотворения и поэмы

Компьютерная вёрстка П. В. Иванов
Корректор Т. А. Быкова
Дизайн О. В. Попова

Подписано в печать 05.11.2025. Формат 60 x 90^{1/16}.
Гарнитура Журнальная. Печать офсетная. Бумага офс. №1.

Объём 21.5 п. л. Тираж 300 экз.
Издательство «Маджента» (ИП Минина Е. А.)
Тел.: +79203096784, e-mail: magenta-i@bk.ru

ISBN: 978-5-6055246-0-1

9 785605 524601

© Н. Н. Егорова, 2026

© Художественное оформление. ИП Минина Е. А.
(Издательство «Маджента»), 2026

ISBN 978-5-6055246-0-1

Терпеливая муза Натальи Егоровой

Первое, о чём я подумал, увидев в будущей книге выдающейся русской поэтессы Натальи Егоровой строки «Ото всех сохрани свой ребячий секрет, / О моя терпеливая муза!», — это о том, что муза у Натальи Николаевны слишком уж терпеливая. Действительно — при давно замеченном и высоко оценённом таланте (одни только пять годовых премий журнала «Наш современник» чего стоят!), поэтесса годами не имеет возможности издать новую книгу, да и встречи с читателями на страницах хорошей периодики у неё не столь уж часты, что при нынешней мизерности журнальных тиражей и всё меньшей доступности таких изданий для широкого читателя, который, может, и купил бы номер журнала, да только бесполезно нынче искать «толстые» литературные издания в киосках, делает забывчивого потребителя поэтических строк обывателем, имён современных поэтов не знающим. Недаром широко бытует печальный полуанекдот о школьнике, удивлённо вопрошающем учителя: «А разве поэты ещё живы?».

Тем не менее, поэзия действительно не только ещё жива, но и, вопреки всем скептикам, будет жить бесконечно долго — до той самой поры, пока человек ощущает себя человеком. Ибо именно она, Поэзия, несёт в себе высший эмоциональный и гуманистический заряд, являя собой апофеоз чувств и эмоций, которые одни только и сохраняют в эпоху техногенных революций остатки чисто человеческих переживаний во всё больше напоминающем ходячий компьютер нашем современнике. И когда этот

наш современник внезапно начинает испытывать неведомо как сохранившиеся в подсознании чувства неразделённой любви, душевной муки, ощущает полнейшее опустошение, потеряв дорогого человека, он — если не спасают алкоголь и даже молитва, — в отчаянии хватается за самим Богом посланный ему в этой ситуации сборник стихов, в котором находит созвучие своим чувствам, а значит и облегчение страданий. И даже порой сам пытается излить переживаемое в рифмованных откровениях...

Наталья Егорова — из разряда тех самых поэтов, стихи которых не только наполняют душу чистотой, но и, нередко напоминая своего рода молитвы, указывают путь к истине и свету. Раздумчивые и зачастую отнюдь не лаконичные, они будто исполняют роль поводыря, ведущего читателя к спасению от терзающих душу невыносимых мук, неторопливо, но уверенно обходя каждую кочку, каждое топкое место:

*И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы — и ждём
Ответа напряжённой вышины.*

*Над храмом разорённым облака.
И город в новостройках и пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.*

*И навсегда душа потрясена
Незнамо чем — невнятным сном? лучом? —
И дышит напряжённо глубина,
Где всё на свете знает обо всём.
«Дрожит росой небесный белый крин...»*

Или вот это:

*И открыты миры этим духам лесов,
Этой речи без слов, этой вечной любви.
О, как множится в чаще число голосов!
Как свободны в таинственной жизни они!*

*Брать легко им лучи и легко отдавать
Этот хвоей и прелью дрожащий эфир.
И зачем познавать им, и что познавать,
Если в льющемся духе содержится мир?*

*Если в сторону облака тянутся сны
В переводе со света на запах и цвет,
И всё гуще над бором покров тишины —
Ибо тайн у Творца от творения нет.
«И опять упаду я в кислицу и мхи...»*

Над последней строкой процитированного стихотворения задумываешься особенно, ибо если действительно «тайн у Творца от творения нет», то не попытаться понять хотя бы малой толики того, чем Всевышний готов поделиться с нами, попросту кощунственно. И недаром стихотворение подобного плана у Егоровой отнюдь не единственное — поэтесса сознательно соединяет кажущееся несоединимым — божественное начало и жизнь российской глубинки, тайны русской, а, по большому счёту, человеческой души и стремление заглянуть в тайны Вселенной. И всё это, как она сама признаётся в аннотации к сборнику, пронизано светом Христа — «весь мир — живой, весь — мыслящий».

По тому, что каждый из нас ощущал и о чём думал в «лихие девяностые», когда уже не стало великой Державы под названием СССР, и грядущее просматривалось весьма и весьма туманно, не суля ничего хорошего тем, кто остался существовать на мгновенно оказавшихся заброшенными и никому не нужными просторах бывшей могучей страны, можно составить весьма чёткое представление о человеке как таковом, если он оказывается в ситуации, из которой не видно выхода. Обычные наши сограждане за истекшее с той поры время, не замечая того, множество раз меняли свои представления о действительности, а вот поэты в написанных именно в ту жестокую пору стихах, под которыми ещё и даты проставлены, предстают перед нами именно такими, какими они и были тогда, со всем своим ужасом перед происходящим и неведением относительно будущего. В этом плане позволю себе целиком процитировать датированное далёким 1999 годом стихотворение Натальи Егоровой. Именно целиком — потому, что сократить или выбросить здесь ничего нельзя, мгновенно пропадёт пронесённое сквозь десятилетия ощущение того времени:

*В большой стране, которой больше нет,
Я родилась на снежный белый свет.*

*А вера, что веками грела род,
Таится, дремлет, но вот-вот уйдёт.*

*Чугунный мост. Озябшие дома.
Чужая жизнь, сводящая с ума.*

*Чужой Москвы — сухой, чужой снежок.
Поддону снег на алый сапожок.*

*Ты прав, Господь: сама я прах и тлен,
Но больно мне от вечных перемен.*

*С продрогшей шубки сдую иней дней.
...Оставленная вечностью Твоей...
«В большой стране, которой больше нет...»*

О том же и с такой же душевной болью Наталья Егорова почти кричит и во многих других своих стихотворениях:

*Сгоревших звёзд за снегопадом свет.
Ищу друзей, которых больше нет.*

*Я жить хочу — и на себя сержусь.
Скриплю снежком. Ищу былую Русь.*

*Чужих витрин сплетаются огни.
Чужому веку светят фонари.*

*Чужая ночь. Чужой любви закон.
Чужая повесть варварских времён.
«Сгоревших звёзд за снегопадом свет...»*

Цитируя стихи Натальи Егоровой, вообще очень непросто остановиться — настолько захватывает музыка её поэтической речи, где каждая строка, каждое слово как бы рождаются из предыдущих строчек и слов, очаровывая и заставляя читателя дышать с той же частотой и глубиной, что и сама поэтесса:

*Вскинешь голову — полночь, прохлада.
Звук неясный... Невнятная мысль...
И сплит белизною и ладом
Рябь стволов, уходящая ввысь.*

*Словно букву, под веяньем мига
Метку чёрную тронет рука,*

*И раскроется древняя книга
В мерном шелесте березняка.*

*Это наши разлуки и встречи,
Весь наш мир до глубинных основ
Записала усталая вечность
На глаголице дальних миров.*

Берестяная грамота

Поэт такого вселенского масштаба, как Наталья Егорова, в любой ситуации в первую очередь слышит крик невыносимой боли человека-страдальца, и только потом — всё остальное. Особенно, когда речь идёт о скорбной истории родного Отечества:

*Когда отходил от соборов пылающих лях —
Развалины города выли на чёрных костях.
Вой гарей бездонных, детей обречённых глаза.
Всемирная сеча. Безбрежной войны голоса.*

*Снег в очи летел. Брёл к погибели Наполеон.
Развалины выли в сугробах безумных времён.
Гнал немцев на Одер сирот и расстрелянных вой —
Вой ветра в трубе над Отчизной, спалённой судьбой.*

*Я уши зажму в вековой роковой тишине.
Из каждого камешка жалоба слышится мне.
То воет земля о великих и страшных судьбах.
То воют поля, порастая сосной на гробах.
«Когда отходил от соборов пылающих лях...»*

А вот уже совсем, казалось бы, о другой странице истории родной страны, где и сама лирическая героиня Егоровой, вполне тождественная ей самой, принимала самое непосредственное участие. Попросту говоря, прожила этот отрезок, совместив собственную судьбу с судьбами Отечества, даже мысли не допуская о том, что возможно как-то отделить одно от другого:

*В коричневых платьицах выше колена
Застыли у школы в сиренях и сини*

*Морозкина Оля, Крещенская Лена,
Садковская Лена и я вместе с ними.*

— Что будет? — спросила Крещенская Лена.

— Всё будет! — Морозкина Оля сказала.

*А мне показалась судьба сокровенной,
И я, засмуцавшись, в ответ промолчала.*

.....
*Цвели нам сирени, маячили грозы,
Рабочие дни завершала усталость.
Душили проблемы, туманили слёзы,
Но много любилось и много прощалось.*

*А трудно ли было всё это осилить?
На этот вопрос мы ответим едва ли.
Но жизнь мы прошли и сложили Россию,
Какую мы знали и понимали.*

*Простую Россию — с недолей и долей,
Охапкой сирени, крестом небосвода,
Со всем, чему вряд ли научишься в школе,
Но это и есть бытие и свобода.*

«В коричневых платицах выше колена...»

А вот ещё строки из пронзительного стихотворения о давно ушедшем детстве:

*И что мне с того, что копают одною лопатой
Могилу и грядку, поющий колодец и дот.
Мне снится под утро, что детство, и есть ещё папа,
И входит лопата в суглинки небесных пород.*

*И есть ещё — сад. Есть — колодец небесного свода.
Есть — вера и ум. Есть — упрямая твёрдость руки.
И жажду я, Господи. Жажду — как жаждет природа.
И память отца говорит мне, где бьют родники.*

Папин колодец

Внешне простые, но такие человеческие строки, под которыми могли бы подписаться миллионы ровесников поэтессы.

Бог — есть Любовь, не мной изречённая вечная истина. А если так, творчество поэта, настолько почитающего божественное начало во всём, непременно будет питаться любовью — неважно какой, нынешней ли, ожиданием грядущей или скорбной памятью об ушедшей навсегда вместе с дорогим сердцу человеком:

*В последнем из странствий
Да будешь ты светел и свят!
Свернулось пространство
В квадраты могильных оград.*

*Тоску и тревогу
Кузнечик поёт в кулаке.
У вечного Бога
Кончается время в руке.*

*Не дождь и не ветер —
Дыханье живого огня —
Скажи, и за этим
Пределом — ты любишь меня?
«В последнем из странствий...»*

И светло, и горестно от этих строк. Не знаю почему, но светлее больше, чем горестно... И будто бы спеша не только подтвердить, но и усилить такое ощущение, Наталья Егорова в другом, более позднем, стихотворении пишет:

*Горят мне звёзды, говорит мне рок,
Грозит мне смерть, смакуя слово «прах».
Но солнцем жжёт огонь в разрывах строк
И вспыхивает вьюгами в мирах.*

*А в подворотне старенький фонарь
Скрипит всю ночь — киваю фонарю.
В морозный шарф закутавшись, январь
Летит по льдинам... Я опять люблю...*

*И учит непрожитая зима
Вставать со льда, собрав осколки сил.
...Но что мне целый мир, коль я сама —
Вселенная в снегу ночных светил!..
«Горят мне звёзды, говорит мне рок...»*

А разве не о любви великолепнейшее стихотворение «Нищенка с голубями», где поэтесса с удивительной силой показывает непутёвую, но всё равно ведущую в рай, жизнь доживающей в нищете женщины:

*На соборном дворе крыши белых церквей
Плавят золотом синь голубую.
Облепили убогую сто голубей —
Плечи, руки — поют и воркуют.*

*Восседают, как ангелы на облаках —
Божьей стае легко и счастливо
На корявых руках, на убогих платках,
На кофтёнке, заштопанной криво.*

*Эта нищяя жизнь прогала, пропила,
В блуд ушла, в проходимца влюбилась.
Нагулявшись, бог весть от кого родила.
Нарожавшись, от горя топилась.*

*Из-за горьких кручин позабыл её сын.
Хату отняли добрые люди.
А сегодня слетел голубеющий крин
Из-за туч на иссохшие груди.*

*И поют, и цветут небеса-голубень
Над смущённой судьбой бесшабашной.
Так всю жизнь ожидаешь обещанный день,
А увидишь спасенье — и страшно.*

*Вот и нищенка — вольно крылами шумит,
Недоступна мольбам и укорам.
С голубями в зенит поднялась — и летит
Прямо в рай над высоким собором!*

Наталья Егорова, при всей своей обострённости поэтического взгляда на мир и воистину ножевой боли, которую она ощущает от вынужденных конфликтов Поэта и Действительности, сохраняет в стихах и чёткое осознание реальности, весьма недвусмысленно рассуждая о прожитых годах и собственном месте в неласковой к ней действительности. Воспринимая две этих субстанции — действительность и реальность, в качестве чего-то совершенно неотделимого от Времени и Пространства, от божественного

начала и человеческой малости. В подтверждение сказанного думал поначалу хотя бы в этом случае ограничиться цитированием отдельных строф, ан нет, стихи поэтессы настолько плотно и густо написаны, что выхватывать какую-то малую частицу — значит, упустить главное. Поэтому снова, несмотря на то, что стихотворение отнюдь не являет собой миниатюру, привожу его целиком:

*Однажды и мне, если хватит отважного духа
Увидеть судьбу за привычным набором острот,
Придётся признаться — теперь я седая старуха,
И это, пожалуй, уже никогда не пройдёт.*

*Седая старуха — я джинсы куплю помоднее,
И, лихо пройдя переулками жизни своей,
Легко примирившись, скажу беспечно — Бог с нею,
Поскольку Господь отмечался надеждою в ней.*

*И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо,
Озоном любви и грозой сомнений дыша,
Признаюсь я честно, что молодость неистребима,
Как неистребима и в чёрной печали душа.*

*И шаг не замедлив, не сбавив весёлого пыла,
Открыта для всех, словно в мире не видела зла,
Скажу откровенно, что я ничего не забыла,
Но, всё сберегая, — себе ничего не взяла.*

*Скажу беспечно, что вечная чаша хмельная
Ещё не испита на дружеском пире до дна —
Звенит, не смолкая, по кругу плывёт, полая,
И манит, и дразнит — поскольку бездонна она.*

*Ты длись, моя жизнь, в бесконечных проулках весенних,
Пока над холмами в высоком и вольном бреду
Гремят соловьи и грохочут шальные сирени —
Покуда сирени цветут в Гефсиманском саду...
«Однажды и мне, если хватит отважного духа...»*

Можно ещё много и детально анализировать замечательные циклы стихов и поэмы этой удивительной поэтессы, восторгаться образностью её мышления и глубиной проникновения как в минувшее, так и в нашу

повседневность. Суть от этого не изменится, да и читателю этой книги, которую я уже сейчас готов поставить на «золотую полку» над своим рабочим столом, нужно оставить место и время для собственных суждений и выводов. Поэтому позволю себе завершить статью отрывком из великолепнейшего цикла Натальи Егоровой «Днепровские строфы»:

*Черны кресты. Кровав в полях восход.
Солдатской кровью всходят в поймах маки.
Но бьёт, не умолкая, пулемёт
В десантной, смертной, доблестной атаке.*

*Здесь живы все! У Бога мёртвых нет!
И надо смерть пройти и боль осилить.
Ещё горит в пещерах Лавры свет,
И Нестор пишет правду о России.*

Наталью Николаевну я бы и саму назвал Нестором русской поэзии — настолько правдива и глубока её поэтическая строка, настолько могуче и сильно изречённое ею поэтическое слово. Слово, которое исследователям ещё только предстоит оценить по-настоящему. И тогда станет окончательно ясно, какой воистину «памятник нерукотворный» воздвигала и воздвигает Наталья Егорова своим собственным творчеством.

Анатолий Аврутин

Огромная душа
на маленькой Земле

Дрожит росой небесный белый крин*,
Где с милосердьем слита чистота,
Когда монашка с лилией кувшин
Несёт к ногам тишайшего Христа.

И каждый раз — как молния, как стон:
— О, Кто распят был и зачем распят? —
И лилией белеет Твой хитон
В алтарной мгле вселенных и лампад.

Христос мой тихий! Лилия Небес!
По Галилее среди роц и скал
Ты шёл земной судьбе наперерез
И лилии тяжёлые срывал.

Так мы, беспечно споря о своём, —
Смешная озорная детвора, —
Ромашки и гвоздики вольно рвём
В изрытых поймах старого Днепра.

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы — и ждём
Ответа напряженной вышины.

Над храмом разорённым облака.
И город в новостройках и пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

И навсегда душа потрясена
Незнамо чем — невнятным сном? лучом? —
И дышит напряжённо глубина,
Где всё на свете знает обо всём.

И снятся нам цветы в накрапах рос —
В них с милосердьем слит поющий прах.

---

* Лилия (старосл.) — здесь и далее примечания автора.

И судит мир прощающий Христос —
И лилия сияет на устах*.

2015

* * *

Когда я вышла в путь в рассвете детства раннем,
Гудел седым холмам морей глубокий вздох,
И маленькой душе привиделся бескрайним
Поющий шар Земли в подпалинах дорог.

Весь мир играл у ног — огромный, как дорога,
И дружелюбно звал решиться и пойти:
«Ступи один шажок, потом ещё немного,
И не заметишь, как осилишь все пути».

И я шагнула в свет — в разверстый трепет дали,
В лавинный ропот роц, в лебяжью стаю лет,
В широкий шорох волн, где всех веков печали
На золотом песке чертили лёгкий след.

Я полюбила вас — старухи в нищих хатах,
Студенты и бомжи в столичной тьме огней.
И стала я, как Крез, пожизненно богата
Тревогами ветров и вольностью дождей.

И я вместила весь мой мир в рассвете раннем —
Лесов протяжный шум, морей солёный вздох,
Тяжёлые дымы проснувшихся окраин,
Клубящуюся пыль полуденных дорог.

А тихая Земля в прибрежной белой пене
Играла, как дитя с ракушкой в руке,
И вечный океан веков и поколений
Гудел, чертя пути на золотом песке.

И ты летела в путь, срывая звёзд орбиты,
На сильном, молодом, сияющем крыле,

---

* В мировой символике лилия, исходящая из уст Христа во время Страшного суда, является символом милосердия.

Забыв миров печаль, простив веков обиды,
Огромная душа на маленькой Земле.

2021

* * *

В большой стране, которой больше нет,
Я родилась на снежный белый свет.

А вера, что веками грела род,
Таится, дремлет, но вот-вот уйдет.

Чугунный мост. Озябшие дома.
Чужая жизнь, сводящая с ума.

Чужой Москвы — сухой, чужой снежок.
Поддену снег на алый сапожок.

Ты прав, Господь: сама я прах и тлен,
Но больно мне от вечных перемен.

С продрогшей шубки сдую иней дней.
...Оставленная вечностью Твоей...

1999

Прадед

*Ивану Ефимовичу Евфимову,
священнику деревни Ельша
Поречского уезда Смоленской
губернии, расстрелянному за веру
в 1937 году*

Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба — мученик простой.
Вновь горит на чёрной рясе алым
Крест церковный, чисто золотой.

Под распевы древней Литургии
Бьётся грудкой ласточка о склеп.
И выносишь ты Дары Святые
Из алтарных врат — вино и хлеб.

Благодать земли — твоя работа.
Пахарь духа, вставший от сохи,
Не ленясь, поклоны бил до пота,
Пел псалмы, замаливал грехи.

И, смеясь, цвела твоя округа
От молитвы древней и простой
Синей-синей васильковой вьюгой —
Осиянной Богом красотой.

Мы до сей поры не знаем точно,
Где искать твой неотпетый прах.
Увели тебя чекисты ночью,
Расстреляли в заполярных льдах.

Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы — да не нашли.
Лишь сиял над вымершею далью
Светлый столп от неба до земли.

Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
Чёрны избы. Луч зари угас.
Только ангел посреди острога
Всё поёт: «Помилуй, Боже, нас!»

1998

Берестяная грамота

Вскинешь голову — полночь, прохлада.
Звук неясный... Невнятная мысль...
И спит белизною и ладом
Рябь стволов, уходящая ввысь.

Словно букву, под веяньем мига
Метку чёрную тронет рука,
И раскроется древняя книга
В мерном шелесте березняка.

Это наши разлуки и встречи,
Весь наш мир до глубинных основ
Записала усталая вечность
На глаголице дальних миров.

Почему ж мы горели — не этим,
Потеряв ариаднину нить?
С каждым днём нам труднее ответить
На короткое: «Незачем жить!»

Но уж мне-то, распятой на лире,
Не бросай свою боль, как упрёк:
В разорённом разграбленном мире
Каждый смертен и каждый жесток.

И за жизнь, что дарована даром
Вместе с белой берестою дней,
Как за короб, набитый товаром,
Каждый просит цены — покрупней.

Но ведь мы-то бессмертны, как боги*,
В блеске звёзд, на дорогах страны.
И не зря этих рощиц чертоги
Шепчут в полночь, что мы спасены.

И не вся наша правда — о хлебе,
Если лёгкий, как Божий сквозняк,
Разметавшись в темнеющем небе,
Спит и грезит во сне березняк.

1998

---

* «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы...» (Пс. 81: 1,6-7) — единственные слова из Ветхого Завета, которые в Новом Завете повторяет Христос: «Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?» (Ин 10:34).

Похвала Александру Невскому

На свет он явился под утро — как Божие диво.
И храбрый, и кроткий, и мудрый душой отродясь.
И лик не опишешь — уж больно собою красивый —
Каким с колыбели и должен быть воин и князь.

Но я воспою — не в хоругвях летящих Победу,
Не меч беспощадный, не плавающий доблестью взгляд,
Не то, как он шёл за тевтонцем и шведом по следу,
Не плащ его алый, как в льдинах Чудского закат —

Нет, я воспою, что на княжьем столе над Россией
Он церкви украсил смарагдами и кумачом,
Что твёрдой душою он правду поставил — над силой,
И кротость — над гневом, и милость — над острым мечом.

И был он смиренным — со свечкой таких не отыщешь
На древних просторах, где рыщет разруха, ярьась.
Любил он крестьян. Раздавал свои житницы нищим.
И хлебушек сеял — как истинный воин и князь.

А дальше явилось — крапивное подлое семя
Князей и князьков, растащивших на части страну.
И каждый приبلуда возносит себя надо всеми
И в жирное брюхо швыряет миры, как в мошну.

А если с экранов признаться обманутым тыщам,
Что вы поблудили и кровушки попили — всласть?
А если раздать всё, что вы понаграбили, — нищим?
А если достойным отдать, как положено, — власть?

Но если не можете правду поставить над силой —
Смотрите: из ночи гнилых иноземных свобод
Огромное солнце встает над замёрзшей Россией,
И в рать на Чудском собирается нищий народ.

И огненный плащ развевая над пеплом пожарищ,
Летит над страной и коня поднимает, ярьсь,
И меч вынимает святой Александр Ярославич
На правое дело — как истинный воин и князь.

2015

* * *

И опять упаду я в кислицу и мхи
И вдохну этот запах, понятный до слёз,
Будто плакал ребёнок, слагая стихи,
Да слова потрясённые ветер унёс.

И пойду я туда, где мурашек следы,
Где погладит черёмуха по голове,
И дурманом фиалки пахнёт от воды,
И пронзительно ландыш запахнет в траве.

Этой речью без слов в трепетанье лучей,
И с Творцом, и с творением соединены,
Пахнут Богу леса на исходе ночей,
Пахнут Богу цветы на исходе весны.

И открыты миры этим духам лесов,
Этой речи без слов, этой вечной любви.
О, как множится в чаще число голосов!
Как свободны в таинственной жизни они!

Брать легко им лучи и легко отдавать
Этот хвоей и прелью дрожащий эфир.
И зачем познавать им и что познавать,
Если в льющемся духе содержится мир?

Если в сторону облака тянутся сны
В переводе со света на запах и цвет,
И всё гуще над бором покров тишины —
Ибо тайн у Творца от творения нет.

2014

Ни зги не видно в глубях ночи тёмной.
Лишь гул шоссе и дальний лай собак.
И снова беспредельную огромность
Земного мира — выявляет мрак.

А в кронах сосен, в черноту вздетых,
Ещё громадней всей земли обочь,
Летят планеты, движутся кометы,
Мерцают, звёзды шествуют сквозь ночь.

Равнины спят. Материи унылой
Уже не встать над смертным в полный рост:
Ты, Космос, — Царь. Но беспредельной силой
Связал тебя спасающий Христос.

И потому над речкою и полем
В разумной, шевелящей звёзды мгле
Огромною, безбрежной Божьей волей
Всё движется на небе и земле.

А я — песчинка — говорю с Тобою
Сквозь шелест крон над далью вековой,
И благодать прощенья надо мною
Сильнее смертных звёзд над головой.

Ты дал нам дар дерзанья и свободы,
Чтобы смогли мы, жизнь пройдя и смерть,
Преодолеть земную власть природы
И вечным словом — звёздам повелеть.

2016

Волоковая

Черны чугулки, и старинные живы ухваты,
И угли в золе полыхают, как звёзды в ночи.
Ты крестишь порог и гостей приглашаешь у хату,
И ставишь картоху в остывшем горшке на печи.

И шепчешь устало, по углям былое читая,
А Каспля шумит и как щуку хранит твою весть,
Что волок лежал за деревнею Волоковая,
Ведь тысячу лет простояла над озером весь.

Ты многое помнишь о веке жестоком и грубом.
Твой парус серел, и была тебе смерть нипочём.
Но сжѐг твои всходы литвинин по имени Ругор
И жар разбросал в твоей печке тяжѐлым мечом.

Ты дрова бросала — ни бед, ни годов не считая.
Но вилы взяла и ушла в партизаны родня.
Под свисты шрапнели ты выпекла хлеб для Баркляя.
А пленный французик дрожал и дрожал у огня.

Пришла немчура — старой бабой, от горя горбатой,
Кричала: «Уйди!» — и внучка заслоняла собой.
Корову убили. Сожгли твою вечную хату.
Осталась лишь печка с дымящею гневно трубой.

И сколько жила ты — войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты всё ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.

Ты чёрные руки положишь на белую скатерть.
Кто был здесь в гостях — позавяжешь на память узлы.
Разломишь картоху — великая вечная Мать,
Вся в чёрных морщинах чернее земли и золы.

Зарю над деревней твоей повернуло на полночь,
И звѐзды над Касплей на волок идут посолонь.
Ты смотришь во мрак и, беззубая, шамкаешь: «Помню!»
И в старой печи поднимается Вечный огонь.

*...по ночам кажется, что развалины воют.
Фёдор Глинка*

Когда отходил от соборов пылающих лях —
Развалины города выли на чёрных костях.
Вой гарей бездонных, детей обречённых глаза.
Всемирная сеча. Безбрежной войны голоса.

Снег в очи летел. Брёл к гибели Наполеон.
Развалины выли в сугробах безумных времён.
Гнал немцев на Одер сирот и расстрелянных вой —
Вой ветра в трубе над Отчизной, спалённой судьбой.

Я уши зажму в вековой роковой тишине.
Из каждого камешка жалоба слышится мне.
То воет земля о великих и страшных судьбах.
То воют поля, порастая сосной на гробах.

То облако воет, и сходят солдаты с ума,
И в вое лесов партизанкою прячется тьма.
То баба о детях в разрушенной воет избе.
То, сидя на угольях, воет Господь о Себе.

А вещая песня — великою вестью красна.
Мы вновь побеждаем. И снова приходит весна.
Но Феникс горит, и сгорает в огне окоём,
И воют развалины в сердце бессонном моём.

2009

Из клубящейся мглы, как из серой золы,
Выступают на свет голубые стволы.
Голубые стволы среди шумной листвы
Пьют из тёмных оврагов настоей синевы.
Свет плывёт ниоткуда, течёт никуда,
И ночная дорога блестит, как вода.

О себе я сказала б — да мысли скользят,
Как по светлым стволам — растревоженный взгляд.
О себе я смолчала б — да, выйдя из мглы,
Говорят обо мне голубые стволы.
Эту правду простую, деревьям под стать,
Не дано мне забыть, не дано мне узнать.

1989

В коричневых платяцах выше колена
Застыли у школы в сиренях и сини
Морозкина Оля, Крещенская Лена,
Садковская Лена и я вместе с ними.

— Что будет? — спросила Крещенская Лена.
— Всё будет! — Морозкина Оля сказала.
А мне показалась судьба сокровенной,
И я, засмуцавшись, в ответ промолчала.

Провинции полдни в проулках таились,
Бросая нам розы и взгляды косые.
А впрочем, не слишком ли мы опустились,
Провинцией называя Россию?

И мы, как могли, полюбили округу,
Сложили окрестность, и землю, и воду,
В заботах насущных промчались по кругу,
Повсюду ища бытие и свободу.

Любовью побило, бедою побило,
Судьбой по другим городам разбросало.
Да сколько всего ещё разного было!
А я подглядела и вскользь записала.

Цвели нам сирени, маячили грозы,
Рабочие дни завершала усталость.
Душили проблемы, туманили слёзы,
Но много любилось и много прощалось.

А трудно ли было всё это осилить?
На этот вопрос мы ответим едва ли.
Но жизнь мы прошли и сложили Россию,
Какую мы знали и понимали.

Простую Россию — с недолей и долей,
Охапкой сирени, крестом небосвода,
Со всем, чему вряд ли научишься в школе,
Но это и есть бытие и свобода.

2016

* * *

Вечный май, горячий бред любовный,
Жар дыханья, локон у лица.
Свищет, свищет Ночка Соловьёвна
В сто залётных глоток у крыльца.

Размечтались пьяные гитары,
Им подпеть гармоника не прочь.
Вновь бредут по тёмным паркам пары
Изживать скупое счастье в ночь.

И никто на миг не усомнится
В безграничной нужности своей,
Если ночка гибельная длится,
Если свищет юный соловей.

Я давно прошла земную малость —
Всё, что было суждено пройти,
В боль души и раннюю усталость
Обратив нелёгкие пути.

Но и мне, поверившей в уроки
Нежных уст на горе и беду,
Снится май, холодный и жестокий,
С соловьём, ликующим в саду.

Снится ночь в кипучей арке сада.
И нельзя поверить до конца:

Даже слёз от прошлого не надо
Этой песне, губящей сердца.

2010

* * *

В последнем из странствий
Да будешь ты светел и свят!
Свернулось пространство
В квадраты могильных оград.

Тоску и тревогу
Кузнечик поёт в кулаке.
У вечного Бога
Кончается время в руке.

Не дождь и не ветер —
Дыханье живого огня —
Скажи, и за этим
Пределом — ты любишь меня?

Сквозь мягкую хвою,
Сквозь шорох пугливых ветвей
Всё смотришь за мною
С печальной улыбкой твоей?

Сереет дорога.
В тумане теряется путь.
У вечного Бога
Меня подожди хоть чуть-чуть!

Не ради свиданья,
Не ради любовных утех,
А ради молчанья —
Последнего знания на всех.

1997

* * *

В. В. Ильину

Разроют волны берег незнакомый.
Славянский витязь — спит в эгейской ночи.
Рокошет меч о золото шелома:
— Русиния, чарующая очи!

О русской Трое — плачет Пенелопа.
Белей берёсты — свет на римских лицах.
О чём поёшь, надменная Европа?
Открыла пасть этрусская волчица.

Вы гнали нас — и с наших копий ели,
Но роет землю нищий археолог.
Поёт дельфин в славянской колыбели,
Что путь вражды, как сон Елены, долог.

А русский витязь — держит солнце битвы.
От тибрских скал — до жерла критской ночи
Семь тысяч лет прибой шумит молитву:
— Русиния, чарующая очи!

Семь тысяч лет — мы сыты русским горем
В бинтах изгнания, в нищих лазаретах.
Плач Ярославны — над Эгейским морем.
Ты, медсестрица, спой Днепру об этом.

Зигзицей взвейся над земным шеломом.
Шмелихой жаль морских течений реи.
В тайге мы — дома, и в пустыне — дома.
Ответь же миру, чьи мы — русичей.

Но горше слёз, сильнее нашей жизни
Тайга, да степь, да избы вдоль обочин —
Тоска земная по земной отчизне —
Русиния, чарующая очи.

2000

Кто мы?

Чудь начудила да меря намерила...

Александр Блок

Кривич ли скривил в лесах дороги,
Лютич лютовал в трясиных зла,
Весь, отмерив, спряталась в остроги,
Меря, взвесив, на Царьград пошла,

Мних ли забелил страницы-числа
Старых книг, а может, ты забыл,
Как преданья дедовского смысла
Умыкнул разбойник Радзивилл.

«Кто мы? Что мы?» — Повторяешь снова.
А в ответ — лесная темнота.
И звучит в ночи другое слово:
Кем мы были в мире без Христа?

Но воздвигли храмы в покаянье
В чащах у речных глубоких вод,
Обнялись — поляне и древляне,
И явился из лесов — народ.

И в свободных городах державы
Говорим, доколе здесь живём:
Мы — собор высокий многоглавый
С благодатным радостным огнём.

По глубинным книгам сокровенным
В нас — породы царской чистота:
Мы — родня по метрикам и генам,
В наших жилах — Плоть и Кровь Христа.

Мы — тысячеустая Россия,
В реках и лесах подзвёздный храм,
На тысячелетней Литургии
Хор, поющий Славу Небесам.

И синий дом за синей хвоей.
И голоса в еловой чаще.
И дауна лицо живое
Среди стволов берёз летящих.

Зачем же он, насупив брови,
Выслушивает свист и пенье,
Как будто мир грозит любовью
Несущим бремя вырожденья?

В нём нету зла — в нём память рода
На сто веков — свободой свищет.
И тщетно мамушка-природа
Ему в себе подобий ищет.

А мост над речкою гниющей
Скрипит доской чёрно-горбатой,
И дева за кипящей кущей
Копает чернозём лопатой.

А мимо дачники проходят.
Он им доверчиво кивает.
От сожалений не уходит.
И родины не понимает.

1986

О, прекрасен ты, мир, в переплёте весны —
И сверкают твои межпланетные сны
Как посланцы мечты — без порока.
А о том, что ты груб и безумно жесток,
Я когда-то забыла дослушать урок,
Навсегда убежавши с урока!

Эти взрослые глупости мне не нужны —
Я люблю в крутобокой плавильне весны
Острый запах запретной свободы —

Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,
Жить распахнутой настезь и душ высоту,
Что идут по судьбе, как по водам.

В древнем мире своём, в вольном детстве своём,
Я, забывшись, слилась навсегда с бытиём —
Безоглядно, всерьёз, без остатка.
Перемазалась солнцем в горячем песке,
Засмеялась, упрятав грозу в кулаке,
Над обрывом сверкнула касаткой.

И простор захватила потоком огня
Жизнь, текущая шире и дальше меня
Золотым полыханьем без края,
В каждом волю сверчащем пропащем сверчке,
В каждом рот разевающем глупом мальке,
В каждом грозном дыхании мая.

Бесконечный, дразнящий поток бытия,
Ты оклики меня — ты наполни меня!
Неоглядный, живой, беспредельный!
Я — девчонка в твоём городском тупике.
Я — словечко на остром твоём языке.
Я — мишень твоей боли прицельной.

Что там перечень дивных чудес и красот —
Вот сейчас — засверкает, пальнёт, громыхнёт!
Встав у края, кулак разжимаю:
— Как тебя называть, молодая гроза?
А она, расsverкавшись, хохочет в глаза
Бесподобным раскатом:

— Не зна-а-а-а-ю!!!

Не вини же виной, не кори меня злом,
Я упрямо жила свою жизнь о другом,
Всё узнав и простивши на свете.
От грозы и любви — всем влюблённым привет!
А о том, что ни смерти, ни тления нет —
Знают даже наивные дети.

С легких вёсел срываются брызги вразлёт.
Острова в красных соснах тихи.
Собери мне кувшинки с окрестных болот
И пусти по теченью в стихи.

В скрипах ржавых уключин возьмём мы взаймы
Тайный говор другой красоты,
И в зелёные струи прогнутся с кормы
Длинных стеблей литые жгуты.

Я жила, как кувшинка озёр и болот:
Донный стебель толкнув в никуда,
Выплывала над глубями тёмных свобод,
Чтоб цветок не накрыла вода.

На губах отцветал неслышанный стих —
Звук крушения, вкус лебеды.
Но держала я голову выше других,
Золотую — над топью беды.

Мир тянулся сорвать, не по-детски жесток,
Заплести меня в чей-то веночек.
Но пружинистый стебель звенел про исток,
Вглубь толкал непокорный цветок.

И посмела я сердцем живым уцелеть
В тёмной тине и омутах вод.
И посмела я песню по-своему спеть
О застойном дыханье болот.

О теченьях и илах на сумрачном дне,
О зелёной речушек крови,
О таинственной древней озёр глубине,
Что меня родила для любви.

2010

Горят мне звёзды, говорит мне рок,
Грозит мне смерть, смакуя слово «прах».
Но солнцем жжёт огонь в разрывах строк
И вспыхивает вьюгами в мирах.

А в подворотне старенький фонарь
Скрипит всю ночь — киваю фонарю.
В морозный шарф закутавшись, январь
Летит по льдинам... Я опять люблю...

И учит непрожитая зима
Вставать со льда, собрав осколки сил.
...Но что мне целый мир, коль я сама —
Вселенная в снегу ночных светил!..

2009

Однажды и мне, если хватит отважного духа
Увидеть судьбу за привычным набором острот,
Придётся признаться — теперь я седая старуха,
И это, пожалуй, уже никогда не пройдёт.

Седая старуха — я джинсы куплю помоднее,
И, лихо пройдя переулками жизни своей,
Легко примирившись, скажу беспечально — Бог с нею,
Поскольку Господь отмечался надеждою в ней.

И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо,
Озоном любви и грозой сомнений дыша,
Признаюсь я честно, что молодость неистребима,
Как неистребима и в чёрной печали душа.

И шаг не замедлив, не сбавив весёлого пыла,
Открыта для всех, словно в мире не видела зла,
Скажу откровенно, что я ничего не забыла,
Но, всё сберегая, — себе ничего не взяла.

Скажу беспечно, что вечная чаша хмельная
Ещё не испита на дружеском пире до дна —
Звенит, не смолкая, по кругу плывёт, полыхая,
И манит, и дразнит — поскольку бездонна она.

Ты длись, моя жизнь, в бесконечных проулках весенних,
Пока над холмами в высоком и вольном бреду
Гремят соловьи и грохочут шальные сирени —
Покуда сирени цветут в Гефсиманском саду...

2017

Нищенка с голубями

На соборном дворе крыши белых церквей
Плавают золотом синь голубую.
Облепили убогую сто голубей —
Плечи, руки — поют и воркуют.

Восседают, как ангелы на облаках —
Божьей стае легко и счастливо
На корявых руках, на убогих платках,
На кофтёнке, заштопанной криво.

Эта нищая жизнь пролгала, пропила,
В блуд ушла, в проходимца влюбилась.
Нагулявшись, бог весть от кого родила.
Нарожавшись, от горя топилась.

Из-за горьких кручин позабыл её сын.
Хату отняли добрые люди.
А сегодня слетел голубеющий крин
Из-за туч на иссохшие груди.

И поют, и цветут небеса-голубень
Над смущённой судьбой бесшабашной.
Так всю жизнь ожидаешь обещанный день,
А увидишь спасенье — и страшно.

Вот и нищенка — вольно крылами шумит,
Недоступна мольбам и укорам.
С голубями в зенит поднялась — и летит
Прямо в рай над высоким собором!

2010

* * *

Поглядит Серафим с почерневших икон —
И опять ты ребёнок, и Богом прощён.

Он в накидочке старой, с сосновой клюкой,
Обнимает медведя и крестит рукой.

Он насквозь тебя видит и ясно твердит
С камня тысячи дней неустанных молитв

В лепет детства, в сияющий свет бытия —
Бесконечное, тихое: «Радость моя!»

Заповеданный лес. Заповеданный свет.
В миг молитвы — запряваны тысячи лет.

Мир, на травы слетающий. Звон соловья.
Неустанное, тихое: «Радость моя!»

Только разве я радость? И разве я свет?
Посмотрю на себя — ничего во мне нет.

Только тихие слёзы от счастья бегут.
Только тихие губы молитву поют.

И твержу, и твержу окаянная я,
Словно главное вспомнила: «Радость моя!».

2016

Мешались в кронах птичий шум и гам.
Ползли в траве цветные арабески.
Я говорила с миром по душам,
Когда поговорить мне было не с кем.

Вот разве что услышат вихри туч
И резко потемневшая природа,
Когда ныряют сосны с жёлтых круч
В бурлящий, чёрный омут небосвода.

Вот разве дождь — секущий, проливной —
Прошёл — и нет. И липнет к телу платье.
Вот разве сини сноп над головой.
Откуда появился — без понятия.

А мне казалось — блики на стволах,
Ромашки и плюща седые плети
Лепечут что-то важное впотьмах
И говорить научатся, как дети.

Они глядят, у тропок вставши в ряд,
И ждут с упорством, нам не представимым,
Когда же с ними вдруг заговорят,
А не пройдут, как прежде, молча мимо.

Мне чудилось, что нужно примирить
Лесов и трав мятущиеся души.
И я дожди учила говорить.
И я цветы учила жадно слушать.

И изменялась в кронах сосен речь.
И, тучам в шумных кронах не переча,
Я замолкала до грядущих встреч.
А дождь шумел в пространстве междуречья.

И впрямь — что толку возражать дождю
Или фиалке в брызгах рыжей хвои,
Когда они бормочут в даль твою
Лирическое что-то, дождевое?

Сяду в травы над алою бездной.
Свешу ноги в обрыв мировой.
Здесь прошёл экскаватор железный,
Сор и землю мешая с травой.

И в земной разорённой пучине
Как в межзвёздной колышутся тьме
Гнёзда ласточек в огненной глине,
Груды ржавого сора в траве.

Свистну в воздух по певчие души.
И тогда, если мне повезет,
Белобрюшки и береговушки
Хлынут в синее пламя высот.

На краю мирового порядка
Что ты свищешь во тьме огневой,
Щебетунья, летунья, касатка,
Птица-ласточка над головой?

Ты поёшь, что в жестокой обиде
Мир смывает полярная мгла,
Что, проснувшись, Земля на орбите
Как касатка в гнезде — ожила.

Что от страшной космической силы,
Затаившейся в бездне родной,
Ни крылатым певцам, ни бескрылым
Не укрыться в ковчег ледяной.

Так прощай, человечье, земное.
От грядущего знания знобит.
Снова разуму снится иное
В диких травах межзвёздных орбит.

И становится даром небесным
Смелость жить разоренью назло,
В чёрной туче над алою бездной
Вольной птицей ложась на крыло.

Но щебечет хвостатое диво
Так легко, словно здесь меня нет,
На краю мирового обрыва
У лица пролетая, как свет.

2006

Русский дуб

1

У Мамврийского дуба в поющем дупле
Блещут царства, и звёзды текут по стволам.
Тыщи лет он стоял на иссохшей земле
Там, где Бога однажды узрел Авраам.

Вспыхнул огненный Свет, порождающий свет.
Заструилось течение любви и тепла.
И хватило на долгие тысячи лет
Жизни той, что от ангелов трёх изошла.

Вырван вечною силой из тока времён —
Ни старенья, ни смерти ему не узнать.
Льётся Небо по листьям играющих крон,
И течёт по корявым корням благодать.

Крестоносец кичливый давал здесь обет.
Чтил законы раввин, голосил муэдзин.
Византии засохла священная ветвь.
Пал разрушенный Иерусалим.

Но в молитвах, звучавших под кроной сквозной,
Не услышал он жаркой прохлады лучей:
— Пусто, Господи, дубу в глуши мировой
Пить безвкусный настой иссушающих дней!

Вот тогда, жаждой Бога великой томим,
Среди жара пустынь не ища своего,

Из России безвестный пришел пилигрим,
И три ангела пели в молитве его.

Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над крестами — бездонных небес снеговой,
Под санями — сугробов таинственный хруст —
Потрясла исполина от крон до корней.

Как летит куполами над реками скит!
Что за пламя молитвы вдали ото всех!
Как Господь над лесами лучами блестит!
Как поёт благодатью божественный снег!

И за сродство молитвы с единственной — той —
Стал он Русским среди палестинских равнин,
И пригрел монастырь под своєю листвою,
И тянулся к России за Богом своим.

Ибо видевший Бога и чующий Дух
Будет Духа искать, не польстившись на прах.
И Россия легла под ветвями его —
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

2

Но века пронеслись, как сметающий вал.
Новый русский явился из шума молвы.
Ветви дуба сломал и кору ободрал,
И продал на крикливых толкучках Москвы.

И настолько он был бездуховен и груб,
Так проникся идеями лжи мировой,
Что засох потрясенный безверием дуб
И ветвями скрипел в пожирающий зной.

И в видении, чье толкованье мудро,
Вдруг увидел мальчишку. Москвы воробей —
Тот просил подаянья в снегу у метро
И молился в слезах о России своей.

И летел в его шапку сияющий снег.
И о Боге Миром он не знал ничего.
Гнал мальчишку безвестного гибельный век —
Но три ангела пели в молитве его!

Те же ангелы пели — сквозь грохот и грязь,
Так же пели — в нахлынувшей мерзости лет.
И ожил, долгожданному чуду дивясь,
Русский дуб — и росток появился на свет.

Херувимы поют в его шумных ветвях.
Стаи ангелов гнёзда в листве его вьют.
Нерушимо Престолы таятся в корнях.
Светоносные Силы по жилам текут.

И среди запустенья Любви торжество —
Ради вечного Духа отвергшая прах, —
Вновь Россия лежит под ветвями его —
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

Русский мир! Снизойшла на тебя благодать —
Суховой ли шумит, или падает снег, —
Ибо каждый, кто Бога стремится узнать,
Будет жив и уже не погибнет вовек.

2015

* * *

По льду проскользивши с разбега,
В ораве шальной детворы
Леплю из подмокшего снега
Старинных преданий миры.

Здесь змея сражает Гаруда,
Звенит Несмеяною смех.
Летит долгожданное чудо —
Преданий податливый снег!

Под крыльями алой жар-птицы
Уносит царевича волк.

Отброшу в сугроб рукавицы —
Я знаю в поэзии толк!

Я вылеплю мир как виденье,
Как терем, как снежный чертог,
Как льдистый пожар вдохновенья
Над свеями зимних дорог.

И пусть, как Снегурка, растает
Мой мир на весеннем огне.
Для жизни мгновенья хватает,
А большее надобно ль мне?

Опустится Божия милость.
Отхлынут беда и нужда.
И всё, что на миг сотворилось,
Останется нам навсегда.

2009

* * *

Когда опускается ночь над твоей головой,
Огромное небо беседует внятно с тобой.

Над крышами всходит огней нескончаемый ток.
Затерянный в вечности, спит небольшой городок.

На дымы из труб лает в будке проснувшийся пёс,
А космос глаголет огнем остывающих звёзд.

И город молчит, замороженный ходом планет:
Кто смотрит из мрака? Кто сеет невидимый свет?

Но снова сквозь тучи приметит рассеянный взгляд,
Как чьи-то следочки на небе огромном блещут.

Пирог сотворив и посуду убрав со стола,
То, видно, соседка в поющую вечность ушла.

По снежной дорожке, по звёздной колючей стерне
С тяжёлою сумкой ушла на побывку к родне.

Дымит во всю вечность трубой там заснеженный дом.
Родня гулеует за снедью богатым столом.

Гремит телевизор которую вечность подряд.
Чадит керосинка. Сосульки на крышах звенят.

Гляжу я всю жизнь — наглядеться никак не могу.
Замерзший колодец. Дома в беловойном снегу.

Снегирь и синица осыпали иней с ветвей.
Следы и миры замечает снежок-легковей.

Всё больше созвездий. Всё больше неведомых снов.
Всё больше над миром горящих огнями миров.

Земля шевельнётся в пространстве, расступится тьма,
И мир неизвестностью сводит, как в детстве, с ума.

И мир искушает, огромностью тайны маня,
Прийти приглашает для жизни — тебя и меня.

Мы ходим с крыльца — прямо в снег и трескучий мороз.
И лаёт нам вслед житель вечного космоса — пёс.

2009

* * *

Жизнь стремилась, смеялась, летела,
Бубенцами надежды звеня.
Некрасивая, ты захотела,
Чтоб красавицей звали тебя.
Совершить невозможное дело
Нам даётся однажды в судьбе.
Подчинить своё смертное тело
Оказалось нетрудным себе.
И пришли целовать твои руки,
Припадали коленом, скользя.
Ты устала от лени и скуки,
И, уставши, открыла глаза.
И обманом усталого тела,
За природою, бравшей своё,

От тебя красота отлетела
Вместе с вечным желаньем её.

1982

* * *

Прощаю смерть в последней глубине,
И мир, что не нуждается во мне,
И жизнь, что, полыхнув, почти прошла.
В земном пути — не поминаю зла.

Прощаю краткий выдох высоты,
Крутой тупик несбывшейся мечты,
Усталость дней в мирском чаду забот,
Где прав — лишь Бог, а праведен — лишь пот.

И говорю: с земной своей судьбой
Смирись — и вспыхнет солнце над тобой.

2009

Маме

1

Мама моя, из-под тихих седин
Глянь своим синим сияньем огня,
Ибо не вырвать тебя из глубин
Сердца — не вырвать тебя из меня.

Жизни не вырвать — что жизнь без любви?
Смерти не вырвать — калеке слепой.
Мама моя, говори, говори!
Гладь мои волосы тихой рукой!

Плод твой, таимый до того дня
В древней, открытой мирам глубине —
Как ты носила когда-то меня,
Так ты сегодня созрела во мне.

Долго ты зрела в дочерней тиши —
Мира основа, вселенская ось.
В необоримых глубинах души
Всё с твоей нежностью тихой срослось.

Всё я запомнила — голос и взгляд,
Синий-пресиний, как небо весной.
Годы твои никуда не летят.
Вечно во мне ты и вечно со мной.

Синие очи — святые огни.
Родина сердца. Печали покров.
Солнцем и светом прогретые дни.
Сладкое детское счастье без слов.

2013

2

Закаты и зори алеют.
Летит одуванчиков пух.
Ещё мою маму жалеют
Крапива, сирень и лопух.

Стоит она с палочкой в арке,
Оставив долги и дела,
Где прыгала я на скакалке,
Где зрелость её протекла.

А старенький двор под ногами
Рисует земные пути,
И старенькой-старенькой маме
Уже далеко не уйти.

И жизнь её тихая сжалась
До листьев шагреновых лип,
До взгляда, где прячется жалость,
До сердца, что вечно болит.

До сердца, до тихого взгляда,
До белых-пребелых седин,

До вырубки старого сада
С прошедшим — один на один.

2014

3

Есть, синеглазая мама, о чём нам с тобой
Поговорить в настигающем нас настоящем.
Помню я детство слепящей глаза синевой,
Светом, лучами из радостных глаз исходящим.

Я, синеглаза, в судьбе своенравной своей
Света такого потом не встречала ни разу.
Верить в добро и любить ты учила людей,
И уважать их простую судьбу, синеглаза.

Дал тебе Бог занебесный наплыв синевы
За доброту и внимание к каждому слову,
За деликатность, за чуткий наклон головы,
За пониманье и нежность к страданью чужому.

Злом за добро отвечали порой и тебе.
Только выходит за рамки скупого рассказа,
Как ты несла чистоту синевы по судьбе
В мире, где люди давно уже не синеглазы.

В мире больном, где никто уже не синеглаз,
Да сохранит тебя высшая вечная сила
От равнодушья чужих нераскаянных глаз,
От нелюбви и нападок печали бескрылой.

Да сохранит, сбережет, оградит, не предаст
Даль, где бегут облака по свинцовой равнине,
В мире больном, где никто уже не синеглаз,
В мире, где небо давно откровенно не сине.

2019

4

Сшей мне, мама, платье с юным пенем
Соловьёв, промокших под дождём,
С рюшами атласного цветенья,
С перекатным кружевом-вьюном.

Платье сшей, как жизнь когда-то сшила,
Чтоб легко по шёлку шла игла,
Чтоб любил возлюбленный и милый —
Ты меня на счастье родила.

Снишься синеглазой мастерицей
С крыльями-годами за спиной.
Над машинкой — лампочка жар-птицей,
За плечами — волосы каймой.

Но себе ты смертный саван сшила.
Снежной стежкой — ровные стежки.
С белою берёзой над могилой,
С льдинкой остывающей руки.

С чёрным знанием, хрипами свистящим,
О котором смертные молчат.
С елью в шишках, над крестами спящей,
С шелестящей вьюгой до пят.

Чтоб из глаз моих катились слёзы
Об огне последней доброты —
Сшила саван с мёрзнущею розой
В снежном поле стынущей мечты.

2010—2024

5

В том детстве, где ангел случайно
Про жизнь просиял мне и смерть,
Открылась мне вечная тайна —
Не может любовь умереть!

Тот ангел сидел в изголовье,
Бессмертный в бессмертной любви,
А мама горела любовью
И гладила косы мои.

Но ангел исчез белокрылый,
И в маминой тихой, живой
Любви — над холодной могилой
С седую стою головой.

И не понимаю упрямо,
Как жизнь наша быстро прошла.
Твержу свое детское: «Мама,
Зачем нас любовь не спасла?»

Зачем в слабине человечьей
Мы жизни твоей не спасли,
И смерти ответить нам нечем
По-прежнему, кроме любви.

И горю ответить нам нечем
По-прежнему, кроме забот,
Пока о прощанье и встрече
Тот ангел продрогший поёт.

Тот ангел, как лунь, сизокрылый,
И жизнь повидавший, и смерть,
Поёт над родною могилой:
«Не может любовь умереть!»

2022

* * *

Здесь, где ивы ветви уронили
В мраки вод — лесные омуты,
Водяных невест, озерных лилий
Жёсткие колыхнутся листья.

Зацветая памятью глубокой,
Не приемля слова «никогда»,

От конца времён и до истока
Всё ты помнишь, матушка-вода.

Припаду к деревьям, чутко спящим,
От беды уставший человек.
Вновь, бессильна перед уходящим,
Загляжусь в дожди и русла рек.

Прокричу в криницей бьющий полдень,
В чёрный омут, лёгший на пути:
«Отрази меня ты и запомни,
И к потоку вечному причти!»

Пусть в потоке вечном отразится
Грач — он пел, сады — они цвели,
Человек, и лилия, и птица —
Всяк, кто шёл простым путём земли.

Я скажу, что сладила с судьбою,
С ливнем лет, что, хлынувши, прошли,
Если этой зрячею водою
Станет память неба и земли.

И тогда, с неясным постоянством
Пробуждая от земного сна,
Бросит в ноги новое пространство
Листья вечных лилий: «Я — волна!»

2008

* * *

Кроны сосен поднимутся выше,
Шишка шлепнется в зыби болот,
Почва прелью весенней задышит,
Отправляя вершины в полёт.

И родит перегнившая хвоя,
Воплощаясь в картинах времён,
Перелески лицо дождевое,
Переливчатый ландыша звон.

Но цветы перепреют. И снова,
Искрой духа суглинки живя,
Те же атомы в образе новом
Телом жабы воздвигнет земля.

В превращеньях вполне откровенных,
Плоть времён замешав на крови,
Слишком призрачны, слишком мгновенны
Миражи многоликой Земли.

Крот ли мудрости в глинах нароет,
Дрозд ли в кронах любви напоёт,
А не знаю я, грешная, кто я
Средь завещанных Богом высот —

Зверь с вместившим планеты сознанием,
Червь, взлетевший весной мотыльком,
Или умный огонь мироздания,
Над лесным полыхнувший цветком.

2014

* * *

В этом солнце сквозном — что мне твой вековечный укор!
Не сотру я со щёк тривиальные глупые слёзы,
А вдохну в свою грудь белой рябью прошитый простор —
Каждым сердцем зелёным трепещут и любят берёзы!

И, нырнув с головой в эту странную явную ночь,
В мир, где каждое сердце округу творит и струится,
В сотый раз я скажу: наша родина — это Любовь,
А не место в пространстве, где выпало жить и родиться.

Как берёзы трепещут, стараясь беду одолеть,
Каждым сердцем в простор превращая заросшую местность, —
Лей в пространство любовь, невзирая на беды и смерть,
Чтоб очнулась в тебе и тебя полюбила окрестность!

Надо свить себе родину, как на берёзе гнездо
Вьёт весной соловей мхом и пухом израненных крылий.

Так и деды твои, улыбаясь за плугом незло,
Тыщи вёсен любя — всё вокруг для тебя налюбили.

И берёзовых рощ водопадом гремящая новь
В тыщу тихих сердец вдруг пошлёт пониманье и чудо.
И пойду я к любви — ибо родина наша — Любовь,
На дорогах земных и в мирах, где не жили покуда.

А когда отгорят все пути на краю синевы
И судьба не подскажет, направо идти иль налево —
Я совью себе родину в плеске любви и листвы
В белоствольном лесу мирового шумящего древа.

Приюти меня в теплые белые рощи твои —
Там, где любящи вечно и всеми безмерно любимы,
Вьют из пуха и веток гнездилища вечной Любви
В белоствольных лесах у престола Творца серафимы.

2019

Третья скорость. Печаль и тревога.
Быстрый промельк летящих огней.
Вновь живешь ты, ночная дорога,
Потаённую жизнью своей.

Плава тени и светы живые,
Спят деревни и реки обочь.
И машины — громады ночные —
Исчезают, как призраки, в ночь.

И, рождаясь во мраке могучем,
На обочине бросив село,
Вся Россия, как звёздная туча,
В лобовое несётся стекло.

Запевай! О великом и вечном,
На спидометре плава простор.
Брызни фарой растерянным встречным
И держись за баранку, шофёр!

За Гагариным к звёздам нетленным
Мы с планеты навеки ушли.
Нам мешают мечтать о вселенной
Адреса и приметы земли.

Нас пленили в пути бесконечном
Не леса и столицы вдоль трасс —
Ясно зрящая звёздами вечность,
Мир, что выше и праведней нас.

Шли КАМАЗы, сигналили ЗИЛы,
Плыли фуры — миров корабли.
Не будили мы звёздные силы,
Подражая титанам земли.

Но на чёрных разбитых дорогах,
Мчась лесами к Полярной звезде,
Ждали правды и вечного Бога,
Забывая легко о себе.

И миры различая во мраке,
Пели песни России своей,
Наплевав на дорожные знаки
В стройном космосе встречных огней.

2007

Старуха

Подайте милостыню ей!
Пьер Жан Беранже

Старуха... Мрак... Глотаешь злые слёзы,
С гармошкой хриплой сидя у ларька.
А всё цветут под мокрым снегом розы
На вдовьем поле чёрного платка.

Белесый глаз дрожит и смотрит косо
Не в мир, не в ночь, а вглубь себя самой.
Как дальше жить? Искать в бачке отбросы
На скорбный ужин — и брести домой.

Брести — по грязным улицам Свободы,
Среди воруя и пьяниц, налегке,
Под тёплым снегом минувшего года,
Легко, как жизнь, растаявшим в руке.

Иди домой. Пускай тебе приснится
Голодный сон — и вещей, и чужой,
О том, как ты... давно... была царицей
На дружеской пирушке фронтовой.

На той пирушке с вами ночь плясала
И пела в лад про степь да облака,
И в честь Победы вился розан алый
По чёрной пашне русского платка.

И снилась всем высокая Свобода
В том юном сне, в том дальнем далеке,
Как древний хор, гремящий с небосвода,
Как ливень роз на свадебном платке.

Ты крепче спи. Пускай тебе приснится,
Что утром хлеба даст тебе сосед,
И кто-нибудь в морозной мгле столицы
Узнав тебя, шепнёт тебе вослед:

— Слезами вдов дорог скрепляя глину,
Под шелест вьюг, под грохот батарей
Она дошла до самого Берлина.
...Подайте ж милостыню ей!..

1998

* * *

Сгоревших звёзд за снегопадом свет.
Ищу друзей, которых больше нет.

Я жить хочу — и на себя сержусь.
Скриплю снежком. Ищу былую Русь.

Чужих витрин сплетаются огни.
Чужому веку светят фонари.

Чужая ночь. Чужой любви закон.
Чужая повесть варварских времён.

Шепчу: «Держись! За льдинку в кулаке,
За тёплый снег, растаявший в руке.

За лиры мёртвых — бьющий вьюгой прах.
За лики нищих в снежных фонарях».

2000

Белые птицы

Артёму Б.

1

Ютятся к домам в холода снегири и синицы,
Грачи и касатки зимуют в далёком краю.
Лишь дикие лебеди — сильные белые птицы —
Плывут среди льдин, согревая в мороз полынью.

Нацелится пьяное дуло бродяги шального,
Заезжий шофёр разворотит снега в колеях —
Кружат в небесах, не спешат улетать от родного.
Да если уж честно, то любят их в этих краях.

Как любят здесь все, кто родился у этих просёлков,
И хрусткий мороз, и огни развалившейся ТЭЦ,
И пятиэтажки, и солнце на инее колком,
И вечный огонь нестареющих русских сердец.

Мы смотрим с окраин, как лебедь над вьюгой кружится,
И вновь повторяем в снега проносящихся дней:
— Россия, Россия, ты — сильная белая птица,
И скроены все мы судьбою по мерке твоей.

2

Наставят ракеты — снега запорошат прицелы.
Нацелятся танки — пурга перекроет пути.
Россия, Россия, покуда мы живы и целы,
Сквозь наши окопы к тебе никому не пройти.

Пусть тучи нависли, пусть смерть по дорогам вихрится,
Мы вновь говорим, не умея сдаваться врагу:
— Мы — дети России. Мы — сильные белые птицы.
Мы выживем в бурю. Мы вместе пройдем сквозь пургу.

И нашим бойцам, что лежат в полевых медсанбатах,
И нашим десантникам в вихре огня — не стонать!
Воюйте, ребята! Держитесь покрепче, ребята!
Живите, ребята! Нельзя нам Россию сдавать!

А дети глядят, как на солнце дорога искрится
И в небе небес, побеждая вселенское зло,
Летит над просёлками сильная белая птица,
Спокойно и вольно расправив литое крыло.

2023

Вся Русь пролегла —
от Боруса до Тлеба

В огне любви сгорели дни и даты.
Но в час, когда предельно больно мне,
Я вспоминаю в пламени заката
Пробитый купол храма на холме.

И вижу, как из глубины Вселенной,
Горя и плавясь в щелбе и пыли,
Лилось в провалы чёрные на стены
Расплавленное золото Любви.

А в туче голубь плавился. И сила,
Что плавит землю, воздух, даль и близь,
В потоках света камни возносила —
И храм из праха поднимала ввысь.

И Бог Любви — Христос — в закатной лаве
Сойдя с Небес в крапиву и репей,
Сидел на троне в Негасимой Славе
Среди развалин родины моей.

2017

Егорий Хоробрый

Чёрно, Господи, солнце, и поле мертво.
Заблудился в безбрежном бурьяне закат.
Лишь Егорий Хоробрый коня своего
Погоняет вдоль в землю врастающих хат.

Сельсовет, как корабль, потонул средь травы.
В средней школе навеки закончен урок.
Пусты, Господи, реки, и пашни мертвы.
Все давно опочили, отживши свой срок.

Вот оно — поражение великой земли.
Той землицы, что мы не сумели сберечь.

Пали, Господи, вои, кресты заросли.
О какой же победе заводим мы речь?

Лишь черёмухи вымокшей брызжет покров,
Да на губы летит одуванчиков пух,
И Егорий Хоробрый пасёт соловьёв,
Соловьёного войска небесный пастух!

Там, где тризна-жнея завершила свой труд,
Где осот и крапива взошли на крови,
Там выходят поэты и песни поют
О священной Победе и вечной Любви.

Ведь известно давно — кто посеет печаль,
Тот великою жатвою песни пожнёт.
Что за птицы мы все, коль себя нам не жаль,
Если отчая тризна нам — песенный мёд!

Разве падальщик ты, разве плакальщик ты,
Что поёшь о любви на пиру воронья?
Но огнём самогоночка в кружке дрожит,
И о павших гармошечка плачет твоя.

Ведь вмещает в себя нашей песни печаль
Всю кручину и кровь, все века и поля —
И клокочет, как колокол, древняя даль
В сердце мокрых черёмух — груди соловья.

Подседай же, Егорий, в редяющий круг,
Подпевай, как враги наши хаты сожгли,
И скажи неутешную правду, сам-друг,
Где хранится Победа великой земли?

За лесами? За звёздами горних миров?
У Творца-Саваофа в мозольной горсти?
Или, можа, у глотках святых соловьёв,
Что ты вышел в черёмушных тучах пасти?

Мы пропели на весь межпланетный эфир
Про войну-да-разруху, — а снова поём.

Если в Слове творящем запахан весь мир,
Значит, наша Победа посеяна в нём.

Но гниют разорённые сёлы без слов,
И без слов потрясённое сердце болит.
Да и ты, расплескав самогоночку вдов,
С партизанкой столетнею плачешь навзрыд.

2015

* * *

Швырнёт Смядынь багряных листьев с неба
Под детский сон несбывшейся мечты —
У белой церкви конь святого Глеба
На клумбе ест осенние цветы.

Он заблудился в медленных столетях
И звёздам ржёт во времени другом.
— Куда забрался! — с ним играют дети,
И старый сторож машет костьюлём.

Он послан был как милость и награда
Не предавшим духовное родство
И в жадном мире жадного распада
Себе не пожелавшим ничего.

В том давнем сне мы главное попросим —
Погладим тихо гриву и бока.
Нас ждёт спасенье, если красный в осень
Небесный конь не сбросит седока.

Внизу качнёт кварталы, опадая,
Железный город, бравший на излом.
Нам в этой жизни снится жизнь другая —
Не с мелким злом и призрачным добром.

Да что терять седым усталым детям,
Над ложью мира вставшим в стремяна!
Лети же, конь! Спасенье есть на свете!
Мы не вмещались в наши времена!

Мы не вмещались в стройные обманы,
В партийный бред, в зарвавшуюся власть,
В гроши, что можно запихнуть в карманы
И, наигравшись, оторваться всласть.

А что манило нас — увь! — туманно,
Как всё, чем с детства раннего горим.
Но жжёт доньне душу пламень странный,
Который трудно объяснить другим.

И в этой мгле проветренной осенней,
Где нищи мы, и нечего с нас взять,
Всё больше ищет веры и спасенья
Душа, давно уставшая терять.

Лети же, конь! Над отчею разрухой,
Над чашей боли, выпитой до дна,
Над областью растоптанного духа —
Навылет пробивая времена!

2017

* * *

В ведре позабытом железном
Мерцает зелёная мгла.
Взгляну в эту ржавую бездну —
Сияют со дна купола.

Они золотятся в водице,
Гниющей, готовой зацвести.
Синице, слетевшей напиться,
Звенит колокольная жесьть.

И в каждой окрестной канаве,
В болотце, в речушке на дне
Град Китеж в неведомой славе
Всплывает в земной глубине.

Качает листвою намокшей
В змеящихся молниях сад.

Но в каплях, бегущих по стёклам,
Сияет таинственный град.

Текучие, древние воды,
От света бегущая мгла!
Утроба, гудящая плодом,
Любви и надежд купола!

Слезой сквозь набухшие веки
Пробьются страдания твои.
Сольются в печальные реки
Все долгие муки земли.

А утром прощенье приснится.
Увидит очищенный взгляд,
Как в каждой слезе на реснице
Всплывает взыскуемый град.

2010

Окраина

*Бесконечная Россия,
Словно вечность на земле.
П. А. Вяземский*

Окраина. Околица. Судьба.
Уткнусь в стекло упрямой гладью лба.
В окне вагона — грязь дорог размытых.
А над забором свет — округи ось —
Рябина держит алых ягод гроздь,
Как тыщу солнц окраин позабытых.

Окраин в мире — как лесных дорог.
И каждый вольный куст и бугорок
Зовёт себя окраиною тёмной.
Горят пространства в беспредельной мгле.
Распахнутая вечность на земле —
Окраина забыла, как огромна.

И всё в тебе от сотворенья — есть.
И мы упрямо выживаем здесь —
В колодцах городов и сёлах древних.
И в полноте бескрайней бытия
Никак не можем осознать себя —
«Россия, глушь, околица, деревня...»

Но есть закон: кто любит — тот и царь.
Кто трудится — тот миру государь.
Кто вышел рано — путь земли осилит.
И сердце захлебнётся от любви,
Когда шальные грянут соловьи
С холмов над хвойной вечностью: «Россия!»

И горькою рябиновой судьбой
Сто тысяч солнц зажгутся над тобой —
Над каждой чёрной хатой — светило,
А над погостом каждым — старый крест.
И без труда мальчишки здешних мест
Расскажут всё, что будет и что было.

Смеясь, мужик поведает о том,
Что центр вселенной — под любим кустом,
Под самогонку — сам себе философ.
И бабка, выйдя утром на порог,
Ответит просто: «Центр земли — где Бог».
И перекрестит небо — без вопросов.

А жизнь течёт, светла в самой себе,
Пустого не мечтая о судьбе,
Не замечая злую скудость быта.
Но как назвать окраинной судьбой
Распахнутую вечность над тобой —
Любви и бытия переизбыток?..

2018

Какой дурной фантазии фантом
Считать дорогу мёртвой? С ивняком,
Травую, пылью, глиной, сбитой в ком,
Асфальтом, хрустким гравием, песком?

О, эта зыбь из глины и камней —
Две колеи с зелёной гривой трав.
Пырей и фиолетовый кипрей
Глядят вперёд дозорными застав.

Летит дорога вечно за тобой,
Куда бы ты — беспечный — ни шагал!
И холм несётся бешеной волной —
Вот-вот тебя сметёт девятый вал!

Смотри — вчера дорога шла туда,
За древний холм, за вечный поворот,
Но точно не узнаешь никогда,
Куда она сегодня приведёт.

А этот цвет земли в ручьях травы —
Глубокий, тёплый, влажный до седин,
В наплывах охры, крапах синевы,
Тенях лиловых, лавах красных глин.

Вползёт дорога на гривастый холм
И раздвоится, как мечты твои,
И расстроится в песнях над леском,
И растечётся в свистах на ручьи.

И ты, чтоб вольный выбор не был плох,
Вдохнув простор, шагнёшь на каждый путь,
Пойдёшь, смеясь, по каждой из дорог
С надеждою прийти куда-нибудь.

И тоже — босиком взбежишь на холм —
И раздвоишься, как мечты твои,

И растроишься в песнях над леском,
И растечёшься в свистах на ручьи.

Ты шар земной за жизнь стоптал до дыр,
Привыкши во все стороны шагать.
Но ты уже не ты, а Божий мир —
Крутых путей Господних благодать.

Не чудо разве? Сын земных тревог,
Своих путей свободный господин,
Ты шёл по миру тысячью дорог,
Но вновь, как прежде, целен и един.

А облако, как холм, меняет вид,
В траву садится, гнёзда в соснах вьёт,
Над старой хатой ястребом парит —
И сердце в рёбра гулко-гулко бьёт.

2017

* * *

В простор претворяйся, любви и огня волшебство
С извечною русскою чаркой всемирной печали!
Нас ввергли в пространство — и мы покорили его,
Навеки своими назвав бесконечные дали.

В характере нашем поют «никогда» и «всегда»
Весёлой надеждой, что всюду мы — странники — дома.
И небо горит нам, и русская светит звезда
Огнём навсегда незнакомым и вечно знакомым.

Не всё ли равно, где шагать — между верб и раки,
Дорогой пылящей, межой, устремившейся в тучи,
Тропинкой у изб, где бродяга-кузнечик скрипит,
Иль звёздной тропой в иван-чаях галактик горячих.

В какую бы даль ни послала причудница-жизнь,
В прекрасном конечном, как мир, бесконечном итоге
Я в пропасть шагну и пространству скажу: «Расступись!» —
И тут же, покорное, ляжет травую под ноги.

2019

Гжатск

Летел Гагарин в небе над страной.
Жила в прибрежном яворе звезда.
У кладбища за Гжатью под луною
Цвела зеленоватая вода.

А в церкви, уцелевшей от разрухи,
Качая ив могильных корабли,
О Боге пели древние старухи
И раскрывали Небо для Земли.

Мы, дети, затаясь в речных ракидах,
Желали знать неведомое нам:
Как в звёздах свечек гроб плывёт открытый,
И, словно космос, дышит светом храм?

Но в голосах, дрожащих перед Богом,
Такая вера была током слёз,
Что смерть ушла. И в дальнюю дорогу
Живою взял почившую Христос.

Истёрлась плоть в горниле превращений.
Истёрло время вкус земной беды.
Старуха, Марьей званная в крещение,
С какой пришла, с какой ушла звезды?

...А Гжатя за храмом делалась всё тише,
И говорил со звёзд могучий Дух,
Что всех орбит и всех планет превыше
Вот это пенье скорбное старух.

Что где-то там, причастный тайнам Духа,
Летит Гагарин в вечной звёздной мгле,
Пока поёт последняя старуха
В забытой церкви Богу — о Земле.

В Тжатске

В тот кладбищенский храм на осколке земли
Мы когда-то случайно детьми забрели
И всю жизнь вспоминали про это.
На краю ойкумены там кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать,
Вытекая в миры из планеты.

Там старухи, взывая к Творцу о мирах,
На глазах рассыпались в кладбищенский прах
И воскреснуть грозили серьёзно.
Там Гагарин летел над затихшей Землёй,
Всех кумиров планеты затмивши собой,
А в ладонях — кувшинки и звёзды.

Но я помню с тех пор — все мы знаем без слов.
Тот восторг потрясенья до первооснов,
Тот священный покой сизокрылый,
Где старухи поют и сияет звезда,
Я себе не могла объяснить никогда.
Только знала — о, что-то там было!

Эта церковь года пролежала на дне
Детской памяти — в донной речной глубине,
И всплыла куполами оттуда.
Прочитала случайно я в книжке одной,
Что служил там в изгнании Никон святой —
Воробьёв. Разве это не чудо?

Там, в забвенье, не споря с нелёгкой судьбой,
Он молился Творцу и боролся с собой
Много горестных лет и счастливых,
Чтоб молчаньем и словом с грехом совладать.
Он ушёл, но стояла звездой благодать
Много лет — в прикладбищенских ивах.

И касалась она душ случайных, как мы,
Заглянувших в ту церковь — взрывая умы,

Рассыпая земные химеры.
Что нам — детям — без слов объяснили тогда?
Русский космос рождает отнюдь не звезда —
А река покаянья и веры.

Помолись же о нас из счастливых миров,
Отче Никон, учитель святой Воробьёв,
Рыцарь в душу летящего света —
На краю ойкумены, где кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать
О Создателе синей планеты.

Чтоб Гагарин летел и горела звезда,
Кто-то должен светить и молиться всегда
В век безверия, полночью поздней —
И тогда встанут сонмы живых из земли,
И к Небесному Царству взлетят корабли,
Обгоня кувшинки и звёзды.

2020

Ёж

Взять рукавицами, чтоб не пораниться.
Ну и колючки, здорово живёшь!
Жизнь на ладонях томится и мается,
Как ошестиненный иглами ёж.

Убереги, удержи и не выпусти,
Если однажды легла на ладонь —
Ведь не от лихости и не от сытости
Горький в глазах затаился огонь!

Пальцы наткнулись на иглы открытые.
Слово откликнулось болью внутри:
— Долгим терпением жизнь не испытывай —
Голой рукою за иглы бери!

1984

Улитка

Ты в этом мире медленнее всех.
Ползёшь к цветку — и время тратить грех,
Чтоб наблюдать за медленным движеньем.
Но нет быстрее урагана звёзд,
Летающих по спирали млечных вёрст
В стремительном витке преображенья.

Куда тебе спешить и почему —
Навек неясно твоему уму
В пространстве продвижений постепенных.
Ведь если время не остановить —
Так можно спрятать или закрутить
В спиральный панцирь медленных вселенных.

Сгорают звёзды, пролетают дни,
Поют пульсары — времени сродни.
А ты ползёшь замедленной дорожкой
По правилам неведомой игры.
Ведь можно так: свернуть в себя миры —
И с лепестка цветка топорщить рожки.

2019

В эту даль не вернуться по воле своей,
Как не встретить ушедшей любви.
Свешу ноги с кувшинки в холодный ручей
И шепну еле слышно: «Плыви!»

Там окраина спит, беззаветно любя
Мир в рассвете седых соловьёв.
Но не пустит она, закрываясь, в себя
Тех, кто знал, как прожить без неё.

А отыщет твой след на песке — полыхнёт
Ивняками сквозь сумерки лет,

Целиком твоё сердце себе заберёт
И окошки откроет в рассвет.

Там тобою, не знавшим, как жить без меня,
В беззаветной и юной тоске
Сотни раз мое имя, ручьями звеня,
Записалось на тёплом песке.

Где теперь воздыхатель сердечных кручин?
Сколько было мучительных лет,
Расставаний без смысла и драм без причин —
Ни героя, ни имени нет.

Подойду к ивнякам в позабытой тоске.
Проведу по глазам — будто сплю.
Вот оно — моё имя на тёплом песке
И размашисто рядом: «Люблю!»

Что за форменный бред и шальная печаль —
Дорогие писать имена!
Но откликнется близь, и откликнется даль,
И шелохнется ряской волна.

И в бездонности жизни, где мир не хранил,
Запоют глубины холода —
Всё покроет навеки струящийся ил,
Все тропинки размочит вода.

И, припомнив в беспечной сердечной тоске,
Что любовью — навек погублю,
Напишу твоё имя на тёплом песке
И размашисто рядом: «Люблю!»

2022

Нашин колодец

Скрипели стволы, обрастая корявой корою,
А кроны смыкались, мерцающей вязью легки.
И вырыл отец мой колодец под старой ветлою,
Ведь ивы живут там, где бьют из земли родники.

Он пот вытирал фронтовую рубахой с исподу,
И ладил лопату под руку — как с детства привык.
И землю носил, и вычерпывал вёдрами воду.
И сруб золотился. И бил потаённый родник.

Там жили — сиянье, лягушки, пугливые тени,
Ручной головастик, весёлый жучок-плавунец.
Мы воду носили под жадные корни растений,
И в небо смотрел с затаённою мыслью отец.

Но годы промчались. Наш дом утонул в сухостое.
И сад наш зарос, не вспоённый водою живой.
А старый колодец давно затянуло землёю,
И след его слабый давно затянуло травой.

Но знаю я точно — под кучами веток и сора
Есть тайный родник, не иссякший за годы утрат.
И тихий колодец сияет в разломе простора,
Где синие ивы над прошлым шатрами шумят.

И что мне с того, что копают одною лопатой
Могилу и грядку, поющий колодец и дот.
Мне снится под утро, что детство, и есть ещё папа,
И входит лопата в суглинки небесных пород.

И есть ещё — сад. Есть — колодец небесного свода.
Есть — вера и ум. Есть — упрямая твёрдость руки.
И жажду я, Господи. Жажду — как жаждет природа.
И память отца говорит мне, где бьют родники.

2017

Сини очи бабушки моей.
Васильков синей, морей синей,
Туч синей в ручьях речной волны,
Звёзд синей, синее синевы.

Отвожу от снимка влажный взгляд,
Как всегда почувствовал: «Ты — тут!»
Так в России больше не глядят.
Так в России больше не живут.

А несла ты эту красоту
Сквозь нужду, рождённую войной,
Принимая данность, как мечту,
В кофточке потрёпанной одной.

Я смотрю на мягкие черты,
На лицо без хитрости и зла.
Больше нет в России красоты —
С вашим поколением ушла.

Сквозь чугун толпящихся оград
Васильков синей, небес синей
Из могилы светит синий взгляд
Родины утерянной моей.

2004

Дочь поколений, выросших во тьме,
В безбожном, холодящем сердце мраке,
Я всей душою приросла к земле,
В земной глуши Небес читая знаки.

Восходит страсть земная надо мной —
Вплетать цветы в слова и слушать лиру.
Но с посохом и нищею сумой
Забросив мир, мне не пойти по миру.

Придут другие — новых нив посев,
И не прельстятся лирой голосистой,
А к Богу, от неправды уцелев,
Легко пойдут душой простой и чистой.

Но мне, что делать мне средь этой тьмы —
Среди земных оставленных колосьев?
Любовь земную взявши не взаимы,
Я не могу их позабыть и бросить.

Не знавших сроду, что такое Бог,
Прошедших жизнь усталою толпою.
Их множество — в безбожии эпох
Не говоривших никогда с Тобою.

А я — из них. Их вечное дитя,
Их порожденье, кара и награда —
Такой же точно выплеск бытия
В таких же точно тьмах земного ада.

И знаю я, поживши на земле,
Легко и зло судившая когда-то,
Что, заблуждаясь и в добре, и в зле,
Они, Господь, ни в чём не виноваты.

А даже если дашь Ты рай взаимы,
Захочет ли душа такого света,
Покуда в тьме кромешной — тьмы и тьмы
Обманутых, родных — томятся где-то?

Пусть такова спасения цена —
Но можно ли такой платить ценою?
Как видно, слишком велика вина
Застывших между Небом и Землёю.

2017

Ворох черёмух

1

Мир продрог и увяз в молодой тишине,
Мокрых дебрях, бормочущих чащах.
И плывет над водой в летаргическом сне
Зябкий шорох черёмух парящих.

В гущу чащи войдешь — а она там стоит,
Влажных гроздьев запутанный ворох.
И ветвями дрожит, и цветами дрожит —
Белый сон, восхитительный морок.

Бросит в ноги гремящий обвал тишины
У коряжин — разлѣгшихся чудищ,
Сгинет спящей царевной в дикаркины сны —
Но её ни за что не разбудишь!

Разбудите черёмуху в чаще лесной,
Наломайте звенящих охапок,
Этих влажных цветов над стоячей водой
Оглушительный выпейте запах!

А не то распахнёт над водой невода,
Поперѣк вашей памяти встанет —
И заманит в продрогшую глушь навсегда,
Навсегда в свои грѣзы утянет!

Брызнет влагой в лицо молодой тишине,
Заморочит сквозящей листвою —
Вечно будете плыть в летаргическом сне
И цветами дрожать над водою.

2

Разбудили черёмуху в чаще лесной,
Наломали цветущих охапок.
Словно пьяную брагу звенящей весной,
Оглушительный выпили запах.

Заломили прозрачные гроздья ветвей,
Накричали, намяли, нарвали.
И всё время себя подгоняли — скорей!
И — ломали-ломали-ломали!

Как она выплывала тревожно из сна
И во сне бормотала невнятно.
Как плыла потрясённо в ветвях тишина,
Раздроблённая в тени и пятна.

Как обрушила гневно цветов снегопад,
Пряча взгляд перепуганный навий,
А потом поняла — и рванула назад —
В сон за гранью настигнувшей яви.

Как кричала она над лесной тишиной,
Над разбуженной чащею сонной,
Над текучей бедой, над стоячей водой,
И ветвями трясла потрясённо.

И замкнула, дикарка, круги бытия,
И сбежала в дрожанье и шорох,
И ушла без возврата и вести в себя,
В белый сон — ослепительный морок.

2016

Из нахлынувших противоречий
Ни исхода, ни выхода нет.
Никогда не мечтала о встрече —
Мы не виделись тысячу лет!

Повстречала в кафе у вокзала,
Растерялась — о чём говорить?
Никогда тебя не вспоминала —
Никогда не пыталась забыть.

Но, ладонью ладони касаясь,
Не скрываясь от прошлого — в лоб —
Говорим мы с тобою, сбиваясь,
Безрассудно, сумбурно, взахлёб.

Чем мы в юности давней горели,
Если так полыхнуло теперь,
Если этот огонь не сумели
Погасить даже годы потерь?

И зачем вдоль перрона и сада,
Вихрь черёмух неся за спиной,
Не скрывая счастливого взгляда,
Вновь идёшь ты покорно за мной?

2016

* * *

Сад созревший знобит. То ли холодно, то ль одиноко.
Мелкий дождик сечёт, да рябина дрожит у пруда.
Зябко кутаюсь в плащ. Хорошо, что не знаем мы срока
До печальной години, когда нам придётся — туда.

Но когда я умру, не вини в моей смерти мгновенной
Ни знобящий простор, ни страну в потрясениях утрат.
И легко не зови эту землю уставшую тленом —
Слишком ярко горит в ливне яблок литых листопад.

Я давно поняла: мы уходим с земли добровольно,
Как созреет душа перейти за знобящий порог —
За опавший лесок. И тогда нам нисколько не больно
Мир в глубины вобрать, принимая назначенный срок.

Только что в нас знобит, созревая с безудержной силой?
Что ломает простор, словно в тучи впечатанный Спас?

Тайной плода созревшего светит любая могила,
Тайной жизни дарованной, скрытой до срока от нас.

Плод, сокрытый от нас, зреет в сердце и тихо святится.
И не наша печаль отвечать на вопросы — когда?
Причаститься бы нам, да покаяться, да отмолиться,
Да проститься со всем, примирившись со всем навсегда.

Или те нас зовут, что уже поселились навеки
В ливнях яблочных крон, в гроздьях галочьих вызревших гнёзд?
Все любимые — там. И текут твои доли и реки
То на дедов курган, то на папин печальный погост.

Может, в этом и есть тайна жизни созревшего плода —
В вечной жажде отдать всё, что есть, — до травинки любой?
В вечной жажде любить без оглядки, тревог и исхода,
В вечной жажде забрать всё, до малой песчинки, с собой?

Но, вобрав этот мир, уходи и не требуй пощады.
Зрел твой солнечный плод — да спасёт тебя Яблочный Спас!
Всё сошлось и сбылось. Значит, всё, тебе данное, надо.
Значит, всё тебе надо, что скрыто до срока от нас.

2015

Цветы под ногами

Снова чёрная тень над твоей головой.
Топчет каждый идущий — любому не лень.
Мы раскрыли глазища в пыли золотой,
Проживая отпущенный солнечный день.

Мы с обочин, из недр, из поющих глубин,
С придорожных канав, с прибольничных лужков,
С приострожных колдобин, забытых равнин,
С приовражных тропинок, сухих бочажков.

Что не так? Ведь никто не просил нас расти
И наивно таращить глаза от земли.

Будто солнце упало и светит в пыли.
А дуют по нему — так должны же идти!

Но, всегда любопытно-глазасты к другим,
— Солнцу, с неба упавшему, мир — не указ! —
Мы застенчиво смотрим и робко молчим,
Если кто-то случайный посмотрит на нас.

И, не зная, зачем понапрасну страдать
О судьбе горемычной — вы это всерьёз? —
Мы особо не сетуем — что горевать?
И особо не плачем — что толку от слёз?

Ты смирись и расти под ногами времён.
Кто идёт — тот сорвёт, кто идёт — тот сомнёт.
И головкой отвешивай низкий поклон,
Если кто-то увидит и кто-то поймёт.

2016

Церковь Петра и Павла. XII век

Других времён осколок в настоящем,
Она стоит на городском торгу
Среди заводов, трубами коптящих,
Как маков цвет на пойменном лугу.

А внутрь войдёшь — и ангел бликом солнца
В цветном стекле лампы задрожит,
И бор навстречу хвоей распахнётся,
И лось на мшистом взгорке вострубит.

И внешний мир ребёнком дерзновенным
Сплетёт цветы и запоёт у ног,
И все пути распахнутой вселенной
Сосновой прелью лягут под сапог.

И, бытию распахнутый до устья,
Поймёшь: доля с живым свой хлеб и кров,

Твой мудрый предок жил не в захолустье,
А в центре Богом созданных миров.

И в этой церкви, поднятой из тлена,
Проплывшей сквозь забвение и тьму,
Остался и святой, и дерзновенный
Высокий дух причастности всему.

А мы живём в глухом углу творенья,
Где выше правды мира боль своя,
Замкнувшись в искаженном измеренье,
Отторгнувшем законы бытия.

Но луч скользнёт — и душу боль отпустит.
Пройдут миры в распахнутой дали.
И вновь предстанут вечным захолустьем
Все дали завоёванной земли.

А дух скорбит, и жжёт, и ждёт чего-то,
И вновь сквозь смог и смрад глядит туда,
Куда не долетают самолёты,
Куда не доезжают поезда.

2014

Смядынь

*Месяца августа в 11-й день... прибыли глубо-
кочтимые гробы... И в тот же... день были до-
ставлены раки для установки останков страст-
номучеников Бориса и Глеба, доставленные из
Вышгорода в Смоленск.*

*«Повесть о перенесении Ветхих гробниц святых
братьев Бориса и Глеба из Вышгорода на Смя-
дынь, в Смоленск». XII век*

Доныне здесь помнит холмистое небо,
Как в русле ладья повстречалась с ладьёю —

Лихие убили невинного Глеба,
А тело, глумясь, не прикрыли землёю.

Двух братьев убитых старинные раки
Лежат до времён, в глинозёмах сокрыты.
И вечность стекает на Днепр и овраги,
И жалобно ропщут над поймой ракиты.

Колодец здесь был со святою водою,
Качал монастырь куполов многоцветье —
Коттеджей крутых возвели над горою,
Загадили всё и снесли за столетья.

Бульдозер зарыл ключевые истоки.
Над речкой поставили памятный камень.
Но бьют из земли благодатные токи
И вольно уходят в зенит с облаками.

А если сидеть у бетонного круга
За храмом, на месте святого колодца —
Увидишь, как столп полыхает над лугом
И братья в ладье проплывают сквозь солнце.

И станешь ты проводом между мирами,
Гудящим упрямо под током небесным,
Светящимся верой поющими снами
В проулках безбожного времени тесных.

И в мире разрушенном вспомнишь ты снова,
О чём позабыть тебя с детства просили —
Что сладко святое страданье за Слово
Христом замороженной кроткой России.

Два красных куста — окровавленных, кровных.
А в сердце поёт благодатное Небо,
Что всё не случайно — и вырос шиповник
Над ракой Бориса и ракою Глеба.

2

Над поймами — ивы, над ивами — холмы,
Над холмами — облачный город. И снова —
Над облаком — просинь долиною ровной,
А дальше — великие Царства Христовы.

И чудится: братьев, безвинно убитых,
Распахнуто кровью священной Небо,
И руслом днепровским в звенящих ракетах
Вся Русь пролегла — от Бориса до Глеба.

И кровь та святая течёт и поныне
По венам и рекам великой наградой
Из Киева в Вышгород — к тихой Смядыни,
И вновь от Смядыни — до Вышнего града.

И в ивах звенит, и в болотцах с осокой,
И в утках, утят выводящих на стрежень,
И в песне старинной, бездонно высокой,
Над вольным раздольем днепровских безбрежий.

Опять от России к далёкому устью
Днепр ищет пути сквозь пороги и броды
К садам Украины и льнам Беларуси,
В Священную Русь собирая народы.

Что древние распри? Что смуты над новью?
Что войны народов? Что морок удачи?
Искуplen и ты драгоценною кровью —
Той братскою кровью — о чём же ты плачешь?

Здесь всё искупили — давно и навеки —
Святые и пахари, земли и воды,
И помнят, струясь, полноводные реки
О том, что давно позабыли народы.

Ты двинешься в путь —
ведь за мшистой тропой не предел! —
Раскроешься бездне сияющей над головой,
И вдруг ощутишь своё вечное сердце везде —
И в кронах, и в звёздах, и в мерном качании хвой.

2016

Отведи меня, дедушка, в детство за белой горой
По тропинке из вечного снега, что лёг между нами.
Там летят рысаки в алых лентах сквозь парк городской,
И с лотков расписных бабы в шубах торгуют блинами.

Там дымят самовары. В аллеях стоят терема.
Праздник Русской зимы — и лепные фигуры из снега.
Там царевич и волк, а на ветке жар-птица сама.
И герой-космонавт рядом с пушкинским вещим Олегом.

Повернулся к концу с середины двадцатый наш век.
Сказка с космосом спорит в пространстве зимы небывалом.
Кто такое слепил? Кто раскрасил сияющий снег
Золотым, голубым, полыхающим синим и алым?!

Стар и мал — мы стоим, счёт седым временам потеряв.
Два ребёнка извечных — большие глаза проглядели!
Посмотри, посмотри, как весёлый Петрушка лукав!
Как на печке летит, обгоняя ракету, Емеля!

Фонари среди хвой. Снегопад. Хорошо-хорошо.
А волшебный фонарь и в метель доведёт до ночлега.
Где ты, дедушка? Поздно. Куда ты тихонько ушёл
По аллее седой, по тропинке из вечного снега?

А с тобою ушёл век двадцатый — кровавый наш век,
Век, разрушивший просто и заново создавший мифы.
А в столетье другом сам себя подменил человек —
Снежный сказочный ком не втащили на гору Сизифы!

А в столетье другом — одиноко замёрзшей душе.
Нету Русской зимы. И в сугробы не прыгнешь с разбега.

Нету снежных фигур на оттаявшей чёрной меже
Пограничных времён. Да и нету почти уже снега.

Мне идти за тобой. Но ещё я не верю тому.
Я играю ещё на снегу у проталины чёрной.
Я ещё запускаю снежок в лихолетье и тьму,
Неизвестно зачем покоряясь мечте непокорной.

2022

* * *

Где травы вились, лету ворожа,
И речи пелись не для посторонних,
Ты подарил мне юркого ежа,
И ёж дрожал, свернувшись на ладонях.

Смешались пряди русые волос,
И не дышали мы, сомкнувшись лбами,
А ёж тревожно морщил чуткий нос
И быстрыми поглядывал глазами.

Ты говорил о том, что наша жизнь
В свободной глубине необорима,
И на развязках с грохотом неслись
Рои машин до Пскова и до Крыма.

И я вздохнула — будто бы сняла
Тяжёлый груз с души, сомненьем мучась:
Не нам, бредя среди добра и зла,
Вершить неумолимо чью-то участь.

И, вольностью люблю дорожа,
На жизнь чужую не имея права,
Я отпустила быстрого ежа
В густые перепутанные травы.

Ты хохотал и о свободе пел,
Предчувствиями глупыми не маясь.
А ёж остановился и смотрел,
Всё понимая тихо и прощаясь, —

Как по шоссе совсем в другую жизнь
Неутомимо и необоримо
Машины с диким грохотом неслись
Распутьями до Пскова и до Крыма.

2023

* * *

Две белые молнии ночь рассекают, светятся.
Ты смотришь сквозь кроны — отличная это примета!
Гонцами Вселенной над соснами вышли на связь
Хвостатые гости — шальные ночные кометы!

А где-то под ними молчит и шевелится ночь
Смолистыми мраками, вспышками в хвойных просветах.
Над крышей и соснами мчатся безудержно прочь
Две молнии быстрых — две белых влюблённых кометы!

В блужданиях извечных, в исканьях, в путях без конца
Несёмся над миром со скоростью вечного света —
Два росчерка неба, два звёздных летящих лица —
Два мира, две веры — две белых влюблённых кометы!

И не удержать, не поймать, не спросить — вы куда?
Ни цели, ни смысла, ни адреса нет у рассвета.
Раскроется сердце — и рухнет, смеясь, во всегда
Порывистым росчерком белой влюблённой кометы!

2024

Сирень — на счастье

Сирень! Сирень! Как мощный взрыв сверхновой,
Сносящий мозг тяжёлою волной —
Четырёхлепестковый куст лиловый,
Смыкающий объятья за спиной!

В парадных белых фартуках крылатых,
— Учиться лень и думать тоже лень! —

Мы забывали целый мир, когда ты
Цвела, непредставимая сирень!

Но был один секрет: в саду у школы
Найти, нырнув в лиловый окоём,
Цветок особый, пятилепестковый,
И съесть его — ведь счастье скрыто в нём!

Наклонишь ветвь с цветком, судьбе раскрытым,
С грядущим, приходящим навсегда —
Гори над головой, сияй над бытом,
Лиловая сверхновая звезда!

И мы, зарывшись в душный куст весенний,
С усердием весёлых дикарей
Искали счастье верное в сирени,
Глотали счастье, утопая в ней!

А кто не верил в тот пятиконечный
Сердечный бред, серьёзно хмуря лбы,
Остался навсегда в сомненье вечном
Без радости, без счастья, без судьбы.

Что ж до меня... В серьёзном или в малом,
Не счастья — о судьбе не привирай! —
Но с той поры всегда тебя хватало,
Сиянье мира, бьющее за край!

Всегда ты был — забытый всеми, душный
Любви и детской нежности придел.
Неважно, что Рахманинов подслушал!
Неважно, что там Врубель подсмотрел!

А важно — если чёрное случится
И совладать не сможешь с миром ты —
Лицом в сирень, наплакавшись, зарыться,
Глотать на счастье горькие цветы.

Ты мне мала, провинция моя,
Ты клеветою жалишь, как змея,
И за спиною сплетней шелестишь,
И за мечты и веру — крепко мстишь.

Ты клонишь в сон, ты вечно гнёшь к земле,
Ты меришь по себе, а не по мне,
Ты травишь, ты земной диктуешь путь,
Ты губишь на корню — не обессудь!

Когда земля уходит из-под ног,
Ты отдаёшь последний свой кусок,
Про слёзы говоришь, что это дождь,
В глаза мне смотришь — и чего-то ждёшь.

Ты мне мала, в тебе мне тесно жить.
Но я не знаю, как тебя вместить.

2023

Разбитое сердце

В доверии детском похоже на лиру,
Сердечко цветка розовело в ладонях,
Легко открывая печаль свою миру,
Наивно не зная сердец посторонних.

И в душу входили с настырностью долга
Любовь и беда, если в память взглядеться —
И эти цветы вспоминала я долго
За меткость названья: «Разбитое сердце».

А дальше... Из мраков и пеплов восстала
Миры сокрушившая дикая сила.
Страну размололо. Друзей разбросало.
Судьбу поломало. Цветы опалило.

Не стало державы — жила на руинах.
Все в землю ушли — и любимый, и враг.
Разбитое сердце мечтаний старинных,
Как сладко тебе от наивных укоров!

Ты счастливо за полчаса до страданья
Не знать, что придётся жестокой порою
Держаться за горестный хлеб выживания —
И выжить. И сердце поднять над землёю.

Я лишь хохочу над наивной мечтою,
Когда от несчастий мне некуда деться:
Разбитое сердце — безумье какое!
Бездумье какое — разбитое сердце!

Его не разбить ни измене, ни страсти,
Ни смерти, ни горю, ни зною, ни вьюге,
И если весь мир разлетится на части —
Оно уцелеет и в дантовом круге.

Что было — то было. Что было — то сплыло.
Как можно разбить, что от Бога не бьётся?
Летит моё сердце над далью унылой
И светит живым. И над болью смеётся

2016

Челночница

Разбросала сирени светящейся ком
По платформе грохочущей старой.
— Эй, таксист, прокати по Москве с ветерком!
Вся страна захлебнётся товаром!

Самолёт не разбился и поезд довёз,
Да торговка-судьба обманула.
Сколько снится тебе нескончаемых вёрст —
Русских слёз — от Москвы до Стамбула?

Ты прошла по столицам в цветастых платках —
Маков розан, глазастое диво.

Наварила барыш в золотых Лужниках,
Сторговалась в Шанхае счастливо.

И горел, разбросавши кичливый товар,
Связки меха и шерсти починок,
Цвёл платками, шумел языками базар —
Мировой несмолкающий рынок.

У панов ты осталась в шелку, как в долгу,
Разорил тебя немец, как дуру,
Привечал персиянин на шумном торгу,
Продад в рабство седеющий турок.

Добывала ты детям копейки свои,
От позора и ужаса плача.
И лежала страна за спиной в забытьи —
Вся в бреду и ознобе горячем.

А когда откровенный зашёл разговор,
Тихо молвила веское слово:
«Обобрали и бросили на произвол
Не судьбы — а чего-то иного...»

Но опять — от Стамбула до Вены летишь,
Вся — азарт и порыв нетерпенья,
И кидает тебе, размечтавшись, Париж
Мокрый ворох московской сирени.

2008

* * *

А метель за окном заметает аллеи и крыши,
И отроги Тянь-Шаня на стёклах рисует мороз,
И январская полночь слезой непролившейся пишет
В азиатских глазах — белый холод замёрзших берёз.

— Надо дочку учить. — Надя варит, и парит, и ладит. —
— А у нас в Фергане столько просят, что негде мне взять. —
И опять убирает, и моет, и гладит.
— Надо дочке помочь. А иначе какая я мать?

А у нас в Фергане абрикосы лежат золотые
Прямо так — на земле — в непонятном сейчас мотовстве.
«Лучше с дерева ешь!» — скажет мама. Но после России
Я гребу их руками, чтоб даром не гнили в траве.

А на кладбищах русских — их много по горным дорогам —
Постоит аксакал, да багряный насеется мак.
Не заходит родня. Нынче русских осталось немного.
Все в Россию вернулись, когда всё случилось не так.

Но ты правду скажи — а возможна ли наша Россия
Без хорезмских дворцов и великих снегов Аткары? —
И пойдем мы друг друга, поскольку давно мы родные,
И поплачем мы с Надею — с Надею из Ферганы.

И в великой стране, где мы жили велением Бога,
Ни на грош не ценя этот чудом дарованный лад,
Мы однажды поймём, оглянувшись, — насколько нас много,
И узнаем однажды — что можно вернуться назад.

Нет, уже не разбить нашу речь на наречья и фразы,
И уже не разъять нас и ложью не взять в оборот —
Ни Тимура из Устюга, ни Святослава с Кавказа,
Ни Ваню с Украины, ни Лесю с памирских высот.

И сойдемся мы в круг, и сольём наши общие слёзы,
И сольём воедино дары нашей общей страны —
И увидим в снегу под замёрзшею русской берёзой
Абрикосы и персики из золотой Ферганы.

2015

* * *

И нас волною времени накрыло.
И для того, кто позже был рождён,
Мы стали словом песни огнекрылой,
Свидетелями минувших времён.

В том лучшем прошлом, в млечных далях света,
Луч ярче бьётся в раму поутру,

И алый флаг летит над сельсоветом,
И девочка смеётся на ветру.

И всё, что было серо и уныло,
Храня Земли таинственный закон,
С любовью новой и бессмертной силой
Горит в волшебном стёклышке времён.

А мы взираем, как с другого света —
Какой ценой дались нам те пути.
Мы шли на смерть, но не испили Леты,
Сумев её глубины перейти.

2011

Ещё черёмуха

1

Не вянь! Не вянь! Ни в темноте ночами,
Ни в солнечной полдневной лопотне,
Ни в за зиму прогнившей старой раме,
Ни в потерявшем русло мутном сне.

Не вянь! Не вянь! Ни в чаше, ни в кувшине!
Всем бедам навалившимся назло
Черёмушными гроздьями тугими
Стучись в моё оконное стекло!

Наверно, мне и впрямь заняться нечем —
Блаженной дуре на уклоне лет,
Как — дикую — тебя очеловечить,
Как будто и людей в округе нет.

А их и нет. До них не достучишься,
Не выбьешь слова, не проникнешь в грудь,
До замкнутых глубин не домолчишься,
Открытым словом не заденешь суть.

Окликнешь их — и нет ответной дрожи,
Как это — в мокрой заросли твоей —
Морозом проходящее по коже
Ответное дрожание ветвей.

2

Неизбывный, протяжный, пронзительный сон
На знобящем черёмухой склоне времён —
Белый свет, из души исходящий.
Там, где сосны застыли и плещет вода,
В грудь вдохнув этот дух — навсегда-навсегда —
Заблудиться в черёмушной чаще.

Под ногами валежник и гривы травы.
Перебраться с трудом через кочки и рвы,
И — с наивною детской отвагой
Окунуться лицом в беловеиную муть,
И смотреть, и смотреть, и бояться вздохнуть,
Захлебнувшись черёмушной влагой.

А отнимешь лицо от знобящих ветвей —
Всё в налипших цветках, как в дрожанье огней,
В листьях, мелких росинках, накрапах,
И лицо — не лицо — белый тающий свет,
И ты есть на земле — а как будто бы нет.
Только душный черёмушный запах.

Да вода ли покоем лицо холодит,
Да промокшая ль ветка у пальцев сквозит,
Да века ли текут над водою,
Да твоя ли дрожит, опускаясь, рука,
Да тебя ли аукают издалека
Через долгий туман:

— Что с тобою?..

Вьюнок завил калитку и забор
И, с правилами общими вразрез,
Закинув плети длинные, как вор,
Через канаву к сливе перелез.

Мне сорняки такие ни к чему.
Задушит всё — смороду и сирень!
Но он растёт упрямо — что ему!
Хоть я тружусь — полю который день!

Обвил пожар жасминовых кустов,
Смородину, скамью, прильнул к окну
И льёт из граммофончиков-цветов
Прозрачную, густую тишину.

Транслируется вечность. Мы должны
Молчать и слушать — лучшей из наград.
И громкоговоритель тишины
Всё чаще говорит в мой дом и сад.

И тишина дробится и дрожит,
В канавах мелкой ряскою цветёт,
Над яблонями царственно висит,
Над соснами давяуще растёт.

А в тишине — такие голоса,
Сиянья, вздохи, лепеты без слов,
Летающие — с крыльями — глаза,
И духи трав, и запахи цветов.

И говорю я из земного сна:
— Забудь безумный мир, проснись и пой!
Греми, не прекращаясь, тишина!
Пусть зарастает всё — Господь с тобой!

2022

Время будто сгустилось в бездонном колодце двора
И не шло, а стояло в просвеченном солнцем эфире.
И огромные жизни к закату, проснувшись с утра,
Проживала душа в переполненном медленном мире.

Было времени столько — о, сколько угодно тебе! —
Можно в прятки играть, нацепив одуванчика платье,
Можно слушать стрижат сквозь дыру в водосточной трубе —
Всё равно-всё равно никогда-никогда не растратить!

Я помчалась тогда за веселой удачей своей,
Заигравшись с детьми — и упала с Небес почему-то.
А чем дальше от Неба, тем время грохочет быстрее,
И мелькают века, превращаясь в скупые минуты.

И оно понеслось — закрутилось в погоне шальной,
В суете, в маете, в жажде знания неутомимой.
Я любила вас всех — только что это стало со мной?
Словно в чёрной дыре — всё не в лад, и напрасно, и мимо!

И душа не поймет, как ей выбраться из чепухи,
Из докучных забот, из досадной прилипчивой дряни,
В старый двор, где — счастливые! — крыльями бьют лопухи,
И доверчивый мир застарелою болью не ранит.

Там, где медленно время течёт в золотистой пыли,
О — почти что стоит! — затаившись в репьях у сарая,
И седой одуванчик поёт лопухам о любви
И по ветру летит — от великой любви не сгорая.

2017

Сто тысяч раз полюбишь и разлюбишь,
Вздохнёшь, облокотясь о край стола.
Уже такую вольною не будешь,
Как в юности немислимой была.

А, в сад входя смеющийся весенний,
Вдруг с ясной неизбежностью поймёшь,
Что жаль ломать бессмертные сирени
И жаль плодить бессмысленную ложь.

Что жаль глядеть на птенчиков и скворок
И жизнь мотать бездумно, на авось,
В ненужных спорах, в глупых разговорах,
Как будто всё давным-давно сбылось.

Как будто жизнь вернулась вдруг кручиной,
А юность между пальцев утекла.
Но что винить судьбу или мужчину,
Когда себя за годы не нашла.

И что дрожать над участью конечной,
Когда, мгновеньем каждым дорожа,
С простой и ясной радостью сердечной
Всё принимает мудрая душа.

2010

Если ты хочешь прожить свою жизнь без беды,
Надо на лодке проплыть, говорили когда-то,
Между закатом над чёрною бездной воды
И отраженьем в озёрной громаде заката.

Лодка скользит вдоль осоки. И кажется нам —
Нету конца этой жизни, простой и счастливой.
Давнее лето. Шальные наезды к друзьям.
Чёрные сосны и звёзды над озером Диво.

Старая лодка вплывает в огромный туман
И осторожно минует песок мелководий.
Где вы сегодня — в какой из заоблачных стран,
Неугомонные путники Вика с Володей?

Сосны гудят на плывущих в огне островах
Над валунами из тьмы ледниковых реликтов.

Где ты сегодня, в каких невозможных мирах,
Рыцарь на вёслах — художник застенчивый Виктор?

Долго искала — но слышала ясно в ответ
Всплески весла над озёрною гладью сознанья:
Не выдаёт всемогущий земной интернет
Ваших имён и паролей в другом мирозданье.

Всё же я верю — останутся с нами везде
Сосен стволы, что над чёрной водою повисли.
Тайна звезды, отразившейся в тёмной воде,
Тайна воды, отраженной в струящихся мыслях.

Тайна безудержной веры всему вопреки.
Тайна сомненья и всплесков текучие звуки.
Тайна весла, равнозначная тайне строки.
Тайна любви, равнозначная тайне разлуки.

Ведь, покоряясь певучей всевластной судьбе,
Мы недоступны привычной земной укоризне.
Лишь, отражённая в чёрной озёрной воде,
Лодка в закате сквозит между жизнью и жизнью.

2018

* * *

Елене Мининой

О счастье и жизни — в дороге какой разговор,
Пока пересекают пространство и небо колёса?
А поле замёрзло, и вмёрз в перелески простор,
И все мы замёрзли — но лишних не надо вопросов.

А там, прилетевший до срока, оставив юга,
Как бомж на морозе, насквозь бесприютный и нищий,
Нахолившись, аист клюёт возле стога снега
И всё не находит душе ни приюта, ни пищи.

Он долго летел, над судьбой распрямляя крыло,
К пустынным холмам, где когда-то случилось родиться.
И долго стремился, прося, чтоб ему повезло,
Как все мы стремимся — ведь надо куда-то стремиться.

Но вспыхнет мгновение — и никогда не пройдёт:
Есть — аист, и ты, и снега, и столбы у дороги.
И щёлкнет в уме указателем на поворот,
Что жизнь — бесконечна, и рано итожить итоги.

И снова потянет — нестись, прожигая бензин,
И что-то искать, и зачем-то к чему-то стремиться.
И выжать спидометр, и долго искать магазин,
И кильку свежайшую требовать у продавщицы.

А после — вернуться, и выйти на снег, не спеша.
И выпить простор в накатившей мольбе суеверной.
И радостно вспомнить — озябшая жива душа.
И аиста килькой кормить на дороге вечерней.

И Бога просить — нет, не чтобы тебе повезло,
Хотя ты не прочь, чтобы это однажды случилось —
А чтобы согрел, и услышал, и взял под крыло —
Ведь всем нам нужна, как дыхание, Божия милость.

2017

* * *

Отхлебни студёной отчей славы.
Вспомяни ушедшие бои.
В ночь у Соловьёвой переправы
С того света свищут соловьи.

Друг мой, мы века не знали тлена,
Ибо смерть умели побороть.
Что ж теперь устали наши гены
Прах наш перемалывать во плоть?

Что же, мир наш — только звался миром,
А сражаться выпало и нам.
Слышишь — свищет огненным трассиром
По гремящим в рощах соловьям?

Эй, товарищ, это — за тобою.
На повестке — штемпель полковой.
Этих войн, гудящих над землёю,
Не утишить мёртвою водой.

Две тропинки в клевере примятом.
Багровеют запад и восток.
Ты скажи — куда идти солдату?
Над державной топью — тишь и мята.
Да пробит походный котелок.

1988

Не говорите со мною.
Пусть эта боль отболит.
Пахнет грядущей войною
От придорожных раки.

Пахнут полынью закаты
Над почерневшей рекой.
Пахнут заросшие хаты
Голодом и нищетой.

Вспомнила? Всё повторится
В вечном вращении лет.
— Прошлое не возвратится! —
Я заклинаю в ответ.

Разве не полнятся списки
Скорбные — кровью солдат?
Разве у нас обелиски
В каждом селе не стоят?

Разве над русской равниной,
Остро горяч и горяч,
Тысячелетьями — длинный
Бабий не носится плач?

Пахнет в полях повилика
Острой тоскою вины.
Пахнет в лесах земляника
Терпкою кровью войны.

Йодом пропахли колодцы.
Дымом пропах суходол.

Гарями пахнет от солнца.

Гибелью пахнет от сёл.

1989—2023

Днепровские строфы

1

Шумят в старинных поймах ковыли
Седые строки повести былинной,
А над Днепром опять закат в крови,
И ничего не скажет о любви
Земной судьбы податливая глина.

Сомни её устало в кулаке,
Слепи в извечном поиске исхода
Солдата, и, поставив на песке,
Подумай, что сомнительна свобода.

А там, в тени под ивами, в воде,
Зелёной тиной — камуфляжа пятна,
И словно кровь — лучи на бороде
Застреленного русского солдата.

И водоросли-волосы скользят
У берега косою девичьей длинной.
Кувшинкой вышит свадебный наряд
Зеленоглазой Мавки с Украины.

Вас Днепр свёл, течением времён
В верховья вечной памяти забросив.
Ведь сказано в преданиях племён —
Любите, дети. С вас никто не спросит.

Отхлынет эхо долгое войны,
Как алый отблеск вечного былого.
Вы были влюблены. Погибли вы.
Но всё пройдет, и всё вернётся снова.

Солдат опять отправится в поход,
И ночью вновь напорется на мины.
И Днепр из трав речных опять совьёт
Венок для Мавки — Мавки с Украины.

Но вы, чья плоть в ручьях речной травы,
В тяжёлых зёрнах зреющих колосьев —
Любите больше. Пусть погибли вы —
Вы всё прошли. С вас вечной мерой спросят.

На мягкой глине и речном песке
Днепровских пойм запишется былина,
И вновь сомнётся медленно в руке
Земной судьбы податливая глина.

2

Гей, батька Днепр! Красна былин ладья,
Полна старин скрипучая телега!
Но шевельнулась древняя змея
В седом кургане вещего Олега.

Гей, старец Днепр! Ты узок стал на вид —
Ни прежних вод, ни прежнего размаха.
Но рощица осенняя горит,
Венчая холм, как шапка Мономаха.

И за неё по-прежнему война
Идёт, и кровь багрит твои равнины.
И бьётся у врагов в плену княжна —
Запроданная Мавка Украина.

И русский князь опять не спит ночей,
Пытая долю в битве сокровенной,
И на лихих ярит степных коней,
И шлёт родимым весточку из плена.

Но утро ясно. Небо высоко.
И ласточки ещё не закричали.
И видно — на столетья далеко,
Как будто мир ещё в своём начале.

Как будто Игорь не попал в полон,
И Муромец ещё в седле и славе,
И жив отважный генерал Скалон,
И Тёркин лишь подходит к переправе.

И Святослав встаёт на стремяна,
В ковыль времён врезая битв подкову.
И мчатся скакуны Бородина,
И рвутся в сечу кони Куликова.

И ясно, что, преданий не ценя,
Мы что-то пропускаем, хоть и знаем —
И вновь родного предаём коня,
И от коня, как прежде, погибаем.

А над рассветом, в огненной броне,
Былиной неразгаданной для внуков
Летит святой Георгий на коне,
И рядом на коне — Георгий Жуков.

3

Здесь всё славянской речью поросло.
Роняют сосны смол янтарных сгустки.
Пускай теченьем ила нанесло —
В днепровском русле льётся древнерусский.

Здесь на прибрежном мху валун седой
Тропой бредёт века к святым печерам,
И буквицы-стрекозы над водой,
В слова слагаясь, дышат вечной верой.

Здесь все кувшинки, перечни имён,
Осоки и предания былого,
Теченья рек, речения племён
Сливаются в священном русле в Слово.

Над соснами и вечным ходом вод
Оно шумит старинною свободой,
И Книгой Жизни синий неба свод
Простёрт над поймой — летописным сводом.

Здесь Третья вавилонская война
Ещё не разделила мир наветом.
Единая речь. И слиты племена
В глаголе — как перед кончиной света.

Здесь можно ясно вспомнить и назвать
Живых и мёртвых предков поимённо,
И над Законом льётся Благодать,
Снимая с мира тяжкий крест Закона.

И снятся руслу ныне и поднесь
Ладья и парус — вечная дорога —
И речь, где тихим выдохом: «Аз есмь!» —
Плывёт сквозь ночь святое Имя Бога.

4

Ой, Днепр, Днипро, река славянских слёз!
О русской славе и о русском горе
Береговушки свищут возле гнёзд,
И с каждым годом всё кровавей зори.

И глиняная летопись времён
Слезой плывёт в подкове берега.
Но чутко спит и видит чёрный сон
Змея в кургане вещего Олега.

В нём танки ищут в брешах века ход —
Немецких свастик пауки косые,
И Киев-Змий к святым мощам ползёт,
И Киев-Вий хватает меч Андрия.

Да ты незряч, как всякий курослеп,
Бендер и ляхов смрадный улей виев!
Но на конях с Небес Борис и Глеб
Летят, спешат в великий город Киев!

А там, в проломе княжьей высоты,
Ещё недавно ясно золотые,
Сияют Лавры чёрные кресты
Над рухнувшим крестом Святой Софии.

Кто нас толкнул? Что значит чёрный сон?
Кто из дружины братского народа
Заморской древней ересью сражён?
Кого страшит славянская свобода?

Да это ты — земных веков шлея,
Смертельная гадюка в корне древа —
Эдемская ползучая змея,
Толкнувшая на грех Адама с Евой!

Шипишь...

А здесь, в плавильнице племён,
В чернобыльских мутантных колбах века,
Где код цивилизаций изменён,
Идёт последний бой за человека.

Не кибера с компьютерной душой,
Не «фрукта» генетических гибридов,
Икона Божья — человек живой —
Не знает оцифрованных подвидов.

Здесь бой идёт за веру, где в цене
Любая жизнь. И в вечном единенье
Живого — скачет всадник на коне,
Как вечный символ Божьего творенья.

А ты, природа, — конь земных кровей,
Мчишь по векам — стремящим воды рекам,
И в зле своём бессилён вечный змей
До той поры, пока ты с человеком.

Ответных санкций экстренный пакет
Пропишем господам америкасам —
От огнёмётов русских и ракет
Отведайте российского «кокоса»!

Но ты, змея, ты — спи! Во мху времён,
В седых курганах. Каждый русский верит,
Что разгадает гибельный твой сон
И не наступит вновь на конский череп.

5

А женских слёз гремучая кудель
Кровь разжижает и лишает славы.
На башнях сечи видевших кремлей
По-бабьи не рыдайте, Ярославны!

О князе не рыдайте золотом —
Он в землю в битве лёг под вражьем станом.
О сыне не рыдайте молодым —
Горят огнём в бинтах кровавых раны.

А мёртвым пал ты в праведном бою,
С победой вышел правою из боя —
Ты отдавал за други жизнь свою.
Здесь в бой выходят. Здесь творят *святое*.

Войной священной вышел здесь народ
Пасть с честью или выжить — за свободу!
В разрывах пуль и мин Христос идёт
По красным водам, по днепровским водам.

Он отдал жизнь — и знает цену ей,
До капельки пролитой без приказа.
И смотрят сквозь прицелы веселей
Глаза бойцов российского спецназа.

Где Тёркин переходит реку вброд,
На переправе горюшко солдатам!
Христос протянет руку и спасёт,
И выведет бойцов, как в сорок пятом.

Рванув вперёд врагам наперекор
Под долгожданный рокот вертолёта,
Бинтами обмотав земной простор,
Работает уставшая пехота.

По свастикам немецким лупит «Град»,
Бьют «Солнцепёки» — новые «Катюши»,

И прямо в рай от красных вод летят
Святых бойцов испуленные души.

— Христос Воскрес! Живой Христос — с тобой!
Ликует солнце в поднебесных сводах.
Мешая кровь бойцов с речной волной,
Владимир крестит Русь в днепровских водах.

Строчит прицельно вражий пулемёт.
В рубахе из холщового тумана
Христос идёт по руслу древних вод.
У сердца — окровавленная рана.

6

Нет, Днепр Славутич, музы не молчат,
Когда прицельно бьют по нашим пушки.
И Нестору о подвигах кричат
И в клювах кровь несут береговушки.

Он пишет кровью павших до утра
Победы повесть с вестью похоронной,
Пока на ивы старого Днепра
Ложится тень от вражеского дрона.

Черны кресты. Кровав в полях восход.
Солдатской кровью всходят в поймах маки.
Но бьёт, не умолкая, пулемёт
В десантной, смертной, доблестной атаке.

Здесь живы все! У Бога мёртвых нет!
И надо смерть пройти и боль осилить.
Ещё горит в пещерах Лавры свет,
И Нестор пишет правду о России.

2023

*Для всех влюблённых
в городе любви*

* * *

Вре́мён последних неразумный житель,
Бреду с толпою сквозь вечерний снег.
Шепчу прохожим: «Вы куда спешите?» —
И, замечтавшись, обгоняю всех.

А на углу в стеклянном магазине
Пять алых ран — пять крупных алых роз.
И вихрь огней, дробящихся в витрине.
И Бог Любви — спасающий Христос.

И ничего не надо мне, покуда
Смотрю — улыбка трогает уста
Сквозь снегопада медленное чудо
В глубины душ глядящего Христа.

2014

* * *

В переулках глухих, под мостами,
Крышки люков мерцают во мгле,
Будто город литыми болтами
Неумело привинчен к земле.

Отверни их — пусть это чревато,
И увидишь воочью тогда,
Как в предутренней мгле лиловой
Над землёю летят города.

1985

* * *

Дай мне пройти цветущими садами
По улочкам, не знавшим перемен,
С накрашенными дерзкими губами,
С бессмертным алым розаном Кармен.

Пусть льётся свет. Звенят восторги встречающих.
Гудят такси. Бегут волос ручьи.

И бьют часы в проулках — только вечность
Для всех влюблённых в городе любви.

Не говори, что время к нам жестоко —
Грядёт пора стареть и умирать.
Вольней и выше времени и рока
Влюблённых женщин огненная стать.

Да есть ли смерть? И рок? И ход столетий?
Смотри: весной на улочки твои
Выходят нецелованные дети —
И умереть мечтают от любви.

А мы поём... И время множит песни.
А на вопрос: «В какую даль идём?»
Смеёмся: «Золотой весной воскреснуть
И полюбить в бессмертии своём!»

И вновь с моста в грядущий ливень света
Бросает розу лёгкая рука,
И прядь волос колышется от ветра,
И алых юбок мечутся шелка.

2004

* * *

В мире ли страшном, в мире ли тёмном,
В городе тысячеликом, огромном —
Кто тебе сможет помочь?
Рвёт в электричке с катушек орбиту.
Друг, извини, я не знаю, где выйду.
Дверь закрывается. Ночь.

Дверь открывается. Вечная сила!
Что там в подземке миров насквозило?
Выйдешь — ты где? На звезде?
В Нео-Нью-Йорке, в Перу, в Магадане,
В сонной нирване, на дне в океане
Или же сразу — везде?

Выгнулся мост над горящею бездной.
Дом оцетинился каской железной.
Дух обозлился внутри.
Оборотень с нелюдской головою,
Встань предо мною, как лист пред травую,
Город бессонный — замри!

Шаг — от асфальта шарахнет зарядом.
Это бредёт одиночество рядом —
Мощными токами бьёт.
Чёрных домов наворочаны кубы.
А на табло электронные губы —
Красный ощеренный рот.

Что за садист или гений из бездны
Во вдохновенье отнюдь не полезном
Вас вырывал из лица?
Кто-то додумался выключить звуки.
Красные губы в невысказанной муке
Что-то кричат без конца.

Длятся материи метаморфозы —
Сталью колючей становятся розы.
Сгустками тьмы — фонари.
Вечных законов любви не приемля,
Не по колению мы в грешную землю —
В землю по плечи вросли.

Тише! О чём этот крик над толпою?
Он запределен разящей тоскою —
Он и без звука добьёт!
О состраданье, над миром летящем?
О вдохновенье, над бездной парящем?
Полно! Никто не поймёт.

2018

Фонарь

Смолк шум дневной, а следом шум ночной.
Сгустились страхи в подворотне старой.
Но снова вышел биться с тишиной
Фонарь в пыли над грязным тротуаром.

Он одноногий инвалид боёв
С ночью тьмой, с дворовой преисподней.
Он полон ярким светом до краёв
И победит не завтра, так сегодня!

А в этом мире мало тишины.
Она густа, и звук в ней зыбко гулок.
И странно в тишине обнажены
Знакомый двор и ближний переулок.

И странно в тишине напряжены
Глаза домов. Но это-то понятно —
Всё сущее боится тишины,
Ведь тишина не выпустит обратно!

Она пойдёт, как кошка за едой,
И в душу прокрадётся тихой сапой,
И, обманув, поманит за собой,
И в глубь свою затаянет мягкой лапой.

Ты вдруг очнёшься и рванёшься прочь —
А звук шагов в пустых проулках гулок.
Ты закричишь в сгустившуюся ночь —
Но эхом отзовется переулок.

И будешь ты бродить из века в век,
Тревожно что-то бормоча про душу —
Не звук, не тень, не вздох, не человек —
И голоса неведомые слушать.

Русалочка

Смирись и молчи... Никому не помочь!
Грохочет мостами чугунная ночь.

Каналы сияют бензином сквозь мрак.
...Она завелась здесь — неведомо как...

Запутались в волосы сор и мазут.
По лбу мутноватые капли ползут.

Ребячее тело блестит чешуей.
Две тощих косички дрожат над струей.

Откуда взялась ты, другая душа?
Ребёнок путаны? Дитя алкаша?

Плод вольных, к безумию мчащихся снов?
Неясная весть параллельных миров?

Поманишь — взовьётся над пеною хвост.
Нырнёт. От испуга забьётся под мост.

Окликнешь: «Давай с тобой рыбок стеречь!»
Невнятно мычит. Да нужна ли ей речь?

И надо ль, в себе не поняв ничего,
В другом бесконечно искать своего?

Плывёт между мусора, плещет луной,
Консервную банкой играет с волной,

Из радуги нефти соломкой зари
Пускает мгновенных миров пузыри.

«Потише! Заденем!» — кричат ей с баржи,
И хлебные крошки бросают бомжи.

За годами и снегом не видно во мгле,
Что нам Бог на земле приготовил.
Светит роза сухая на тёмном столе,
Словно сгусток запёкшейся крови.

В тёмных синих подпалинах — маковый зов
Обречённого на смерть рассвета.
В красных зевах засохших без влаги цветов —
Полыхание мрака и света.

Затянуло фрамугу узорами льда,
Паутиной седого мороза.
В мирозданье за рамой замёрзла вода.
Это я — твоя чёрная роза.

Это мне — предназначено ждать и терпеть,
Тлеть и вянуть, считая напасти,
В паутине сухими цветами гореть,
В алый прах рассыпаясь от страсти.

Но другая звенит мне над снегом звезда,
Потому, как позор и проклятье,
Уходя, забываю тебя навсегда,
Размыкая чужие объятья.

И сквозь годы и снег ощущаю спиной,
Как с весёлой и дерзкой отвагой,
Раскрасневшись от ветра свободы шальной,
Лепестки наполняются влагой.

2009

Магдалина

На ладонях — отблеск алой сферы.
Всё в веснушках — смуглое лицо.
— Встань, Тиверий! Это — символ веры,
Тайна Бога — красное яйцо.

Стань как раб и робко следуй рядом,
Строже брата спрашивая впредь,
Обожая жар волос и взгляда,
Мчащих платьев огненную медь.

Нас вели неторные дороги
В смерть души, в погибель мира, в рок,
Но о камень веры сбивши ноги,
Мы прочли о главном между строк.

Зацвели смоковницы — о вере.
О надежде — спел орлицам зной.
Для иной любви раскрыли двери
Все проулки Магдалы седой.

И теперь, рождённые в безвестье,
Говорим мы каждой твари — будь!
Мы творим миры Благою Вестью.
Мы царям находим верный путь.

Мы пришли, Господь благих воздухов,
Чашу пить и Пасху есть — с Тобой.
Воскресенье — это юность духа,
Юность плоти, царственно-живой.

Мы пришли любить светло и строго.
Ведь на спящей в пашнях звёзд Земле
Каждый сущий повторяет Бога
Искрой жизни, вспыхнувшей во мгле.

Свет слепит глаза, слагаясь в знание,
И звенят трава, цветы и лес,
Захлебнувшись в юном ликованье,
Что Христос — воистину воскрес!

Птицы в городе

1. Ворон

Что летаешь над забором,
Не считая жизнь за труд,
Ворон жирный, словно боров,
Ворон чёрный, как мазут?
— Ты чего?

— Ду-у-урные вести!

— Убирайся, чёрт с тобой!
Хватит мне твоих известий,
Пастырь свалки городской!
Ты смахнул вчера с карниза
Синей ленты лоскуток.
Юркнул сверху, ухнул снизу —
И туда же — уволок.
Там сердца машин угрюмых
Спят. Испортились — не жаль.
Там стареет в ржавых думах
Искорёженная сталь.
Каплет дождик из пореза
Старой тучи. Ходит мгла.
И гудят, гудят железа
Чёрные колокола.
Ты спроси — чего там нету!
Во главе людской тщеты
И ненужные предметы,
И ненужные мечты.
Ранним детством, ночью душной
Обещают нам всегда:
— Станешь никому не нужной —
Отнесут тебя — ту-у-да! —
Синий свет стоит у двери,
Как слоистая вода.
Это страх стоит у двери,
Как измена, как беда.

И у ворона седого
Спят под сгнившею доской
Труп солдата молодого,
Труп невесты молодой.
Он — нахмурился сурово,
Разглядеть пытаюсь тьму.
Слова правды золотого
Он не отдал никому.
А она лежит надменно
В белом платье до пят.
И надежда, и измена
Вместе с нею крепко спят.
И у тихой этой пары,
Повенчавши с прахом прах,
Ворон чёрный, ворон старый
Пьёт на свадебных пирах.
Я сама ещё красotka,
И горит огнём щека,
Как заслышу голос чёткий,
Стук литого каблука.
Я сама люблю без меры,
Да крутую хмюрю бровь.
Я сама живу без веры,
Веры в правду и любовь.
Так на свете с правдой туго,
Что подумаешь — а вдруг?
Ты — была бы мне подруга,
Ты мне был бы — верный друг.
Да в траву врастают плиты.
Да ржавеют груды лет.
Кто убил и кто убитый —
Только ворон
даст ответ.

2. Любовь

Просквозив через купол заката,
Промелькнув над озёрами слёз,
Ты на крыльях, лазурных когда-то,
Весть Благую Марии принёс.

А сейчас ты лежишь у карниза,
Перекрученный молнией шин,
И на небо неблизкое снизу
Вверх глядишь — из-под крыльев машин.

Растоптав твои светлые перья,
Мы бредём по колено в крови.
Ты и сам потерялся в безверье
И тоске — благовестник Любви!

Лишь ребёнок, ещё посторонний
Злу и гневу, глядит, не дыша.
И в мальчишеских чутких ладонях
Птичьим ужасом бьётся душа.

К твари каждой любовью сгорая,
Он недолго останется здесь.
Ты прислушайся, птица больная,
Не о нём ли была твоя весть?

1989

* * *

Никто не позвонит, пока никто не умер.
От старых похорон до новых похорон
Гудит из тьмы времён отбой мой старый зуммер.
Молчит во тьму времён мой старый телефон.

Мне не с кем разделить судьбы обман и горе —
О бренном пошутить, о вечном порыдать.
Тревожит только смерть людской надежды море —
А жизнь его давно устала волновать.

Я трубку положу. Я не отвечу миру.
Забывший обо мне — зачем мне нужен он?
Я плакать научу свою шальную лиру.
Я помнить научу свой старый телефон.

Я попрошу: «Звени отбой сильнее, зуммер!
Будь песней бытия в тоске земных орбит!

Ведь это хорошо, что вновь никто не умер,
И хорошо, что мне никто не позвонит!»

2005

* * *

Льёшь без меры, чтоб пьяной я стала,
Откровенной в мгновенном бреду.
В глубине ледяного бокала
Путеводную ищешь звезду.

И звенит в твоих пальцах гитара,
Что старинные струны — легки,
Что в метели стеклянного шара
Прямо к небу несут рысаки.

Спой мне песню о солнце над полем —
И под снегом проснётся трава.
Жаль, мужской покоряющей воле
Неподвластны простые слова.

А уступчивой женской гордыне,
Осторожной, способной на лесть,
Невозможно в сжигающей стыни
Мир принять без вопросов — как есть.

Что ж сквозь оторопь, сквозь удивленье
Тьмой и вьюгою — тянемся мы
Стать другими в морозном каленье
Обжигающей сердце зимы.

Пожелай мне, как высшего лада,
Всё, что молча себе пожелал.
Ночь... Бенгальский огонь снегопада,
Белой вьюгою бьющий в бокал...

2009

Не мучь меня, память! Пространство потерь и утрат,
Где столько любви, в беззаботном просторе поющей.
Там живы все те, что в могилах замёрзших лежат, —
Смеются мне вслед и мечтают о вечном грядущем.

Там солнце хохочет, родные грустить не велят.
Там всё разметал ниоткуда поднявшийся ветер.
А спросят внезапно: «Вот если бы воля твоя,
Что ты берегла бы?» — Но я не сумею ответить.

Без памяти страшно — как кануть во тьму и не быть.
И с памятью страшно — от бывшего некуда деться.
А там, где уже не дано ничего изменить,
Ответит лишь сердце. ...Но горько сжимается сердце.

Не мучь меня, прошлое! Сказано — прошлого нет.
Но в пепел сжигает всё то, в чём виновны мы сами.
И юность моя за горячими вьюгами лет
Моими мне вслед потрясёнными смотрит глазами.

2019

Да много ль нам с тобой от жизни надо
Для дел, и дум, и маленьких утех?
Скамейка, пруд, кафе в разломе сада,
И лебеди в пруду, и грязный снег.

Мы обойдёмся позднею печалью
И поздней, что о ней ни говори,
В грязи и снеге беспросветной далью,
Точнее — близью с проблеском зари.

И обходились. Затаясь, страдали,
Превозмогая злую скупость дней.
И тем, кто рвал, с улыбкой уступали:
Что делать, им, наверное, нужней!

Но вопреки интеллигентской гнили
Пронзило вдруг: ведь это — жизнь твоя!
А мы её зачем-то подменили
Бездонным суррогатом бытия!

Безумным выживаньем без просвета.
Бессмысленною мукой без лица.
Зимой без снега и дождём без лета.
Бездарным ожиданьем без конца.

Не досмеялись. Не договорили.
Не дообщались. Недособрались.
Недолюбили. Недосотворили.
Не повидались и не добрались.

2018

* * *

Накопилась за годы усталость.
Подвела роковая стезя.
Глянешь в зеркало — много ль осталось?
Вечно жить в этом мире нельзя.

Успокоит посулом не ветер —
Полыханье неведомых сфер:
Вечно жил на сгорающем свете
Лишь отвергший Христа Агасфер.

Но не солнце небесного дара,
Как свободному мнилось уму,
Жизнь земная — как вечная кара —
Долгой мукою снилась ему.

Я несу свою ношу, не зная
Потаённого смысла пути.
Но, страдая, Христу помогаю
Крест Его — до Голгофы нести.

И рождается в сердце беспечном
Невозможный и ясный ответ:

Если жить, то, конечно же, вечно —
И сомнения в выборе нет.

Что мне смерть, если дышат приветом
Жизнь моя и судьбина моя,
И твердит о бессмертье из света
Бог спасенья и Бог бытия.

Если в млечном глубоком потоке
Лодка слушает чутко весло
Там, где жизнью в начальном истоке
Всё от крон до корней поросло.

2009

Бомж

Ты спишь под мостами столицы
С продрогшей бомжихой своей,
И свет над тобою струится
В сто тысяч земных этажей.

И светят над нищею плотью
Помоек и свалок цветы —
Лохмотья, лохмотья, лохмотья
В густой пестроте черноты.

И снится тебе: над мостами
Восходит звезда, как репей.
Колющее чёрное пламя
Ты даришь бомжихе своей.

Грохочет бетонное ложе.
Хохочет подруга во тьму:
«Никто никому не поможет!
Никто не подаст никому!»

Не плачь! У бомжей и растений
До Бога — дорога своя

В привычной тоске отчужденья,
Над сточной водой бытия.

Не зря ж электрички несутся
Всю ночь — как всегда, в никуда,
И вечные звёзды смеются,
И грязная плещет вода.

2004

* * *

Ну а ты, неживое, всё ближе и ближе к живому.
И опять над проулками серенький дождик идёт.
И асфальт, превратившись в бездонный серебряный омут,
По безлунным ночам — механической жабой поёт.

Здесь, в столичной глуши, под звездою Кремля восходящей,
Согласясь на уступки железа и бывшей души,
Мы стоим — и глаза в небеса бесполезно таращим:
Были здесь небеса, а сейчас здесь гудут этажи.

Но какое-то дивное пенье мы слышим донине
Сквозь асфальтовый шелест и скрежет железных планет.
То поют нам князья из земли о горючей полыни,
О преданиях давних, на всё проливающих свет.

И хотела бы с ними я спеть за заздравною чашей,
Грусть-тоску луговую качая под песню в груди.
Да не знаю я, грешная, прошлого родины нашей,
Да не вижу я, глупая, что там грядёт впереди.

Кто-то прошлое наше — увёл по болотистым тропам.
А грядущее наше — ушло нас в прошедшем искать.
И нельзя нам в сомненьях своих — положиться на опыт.
И нельзя ожидания наши — надеждами звать.

И боюсь я солгать, объясняя, чего я искала
В настоящем своём — и какой пожелала любви.
Слишком зол и отчётлив в дождях этих привкус металла.
Слишком много железа ликует в усталой крови.

1987

Поджигатель

*Вышли двое из Эфеса —
Гераклит и Герострат.
Николай Лисовой*

В столичных скверах пасмурно и сыро.
Но помним мы, дождю раскрыв ладонь,
Что Божий Свет давно ушёл из мира,
А с ним ушёл рождающий Огонь.

И не способны к подвигу и славе,
Влачим грехи, зачем — не всё ль равно? —
В кольце времён, не понимая сами,
Куда везёт нас старое метро.

Но, в сквер войдя, поймём с тоской привычной:
Бегут по новым стенам огоньки.
Высотный дом поджёт ребёнок спичкой —
И ну бежать в ночные тупики!

Из подворотни глядя в сумрак алый,
Презревши страх расправы и погонь,
Взывает в ночь прозревший рано малый:
«Верните в мир рождающий Огонь!»

И вот уже звенит сиреной вечер,
В проулках ближних звёзд светло, как днём.
Горят планеты к Господу, как свечи.
Горит Земля взыскующим огнём.

Грозит вселенской карой обыватель
И жаждет знать, вперив очки во тьму:
Чего он хочет, юный поджигатель
Земных основ, и как помочь ему?

Что народится в мировом пожаре?
И если мир спасёт себя от зла,

Зачем так дым чадит и лица жарит,
И очи ест летящая зола?

Признайся, друг, мы сами породили
Беду и горе — чёрствостью своей.
Летя за счастьем, мало мы любили
Случайно в мир явившихся детей.

Не мы ль с тобой упрямо называли
Грехи — мечтой, разбой — желаньем жить,
В потёмках века чувствуя едва ли
Глухую жажду рушить и крушить?

Но вот — очнулись ночью стооконной,
Где Бог — распят, а чёрт — земному брат,
И вот уж киллер целится в иконы
И жжёт планеты юный Герострат.

Но в гуле тьмы святое слыша Слово,
Против нам боль неверья и обид,
Что мир — Огонь, из светлых недр былого
Опять смеётся юный Гераклит.

И под веков оптическим зеркалом,
Презревши страх расправы и погонь,
Кричим мы в ночь, прозрев от искры малой:
«Верните в мир рождающий Огонь!

Верните в мир Огонь как тайну Бога,
И жар любви, и дерзкий смех высот,
И юных вёсен вещую тревогу,
И пенье муз, и трепет, и полёт!»

2006

* * *

Я ждала его ветром дворов проходных,
Светом пестрых витрин в переходах ночных,

Светофорами гнева в огнях площадей,
Фонарями удачи в потоках дождей.

А сегодня, вернувшись с победой домой,
Закричала я зеркалу: «Слышишь? Он мой!»

Кто подслушал меня? Кто мне счастья не дал?
Только рябь пробежала по глади зеркал.

Только дробным молчаньем рассыпалась мгла.
О разлуке светили из тьмы зеркала.

2005

* * *

Сыпнёт снежком за ворот шубы тьма.
Дай рукавичку, зимушка-зима!

Пускай за всех, кто в буре одинок,
Горит червонной розою платок.

С чужих перил сметаю снежный прах.
В чужую дверь стучусь в промозглых мглах.

Чужой пурге кричу: «Довольно выть!
Мне не с кем на Земле поговорить!»

2003

* * *

Рогатые, хвостатые, хмельные
Валили в ночь. Но кто-то вдруг сказал:
— Снимите маски! Назовите имя!
И, захлебнувшись, сгинул карнавал.

И в рассыпную хлынули, чтоб скрыться
Химерами с пожара Нотр-Дам,
Под медицинской маской скрыли лица,
Боясь случайно показать — что там.

Но улыбнулся, зная суть сюрприза,
Спасения и света верный сын,

Амбивалентный теоретик низа,
Срыватель масок гибельных — Бахтин.

Что ж, в кривде не терпевшая огласки,
Меняя, как наряды, времена,
Европа, ты всегда любила маски,
Всегда, смеясь, скрывала имена.

Блудница и жена хмельного мира,
За мудрость мира в жерле вечной тьмы
Ты поднимала кубок среди пира —
Блажного пира посреди чумы.

И мы привыкли к маскам постепенно,
В Любви Христовой принимая всех.
С всемирною отзывчивостью в генах
Мы позабыли, что заразен грех.

Но, не считая балаган за чудо,
Не жалуя Пьеро и Домино,
Мы любим вас, как прежде. И покуда
В Европу не захлопнули окно.

И снятся нам не рокот струн слепца,
Не бык, везущий деву сквозь потопы —
А вы, черты прекрасного лица
Сорвавшей маску чёрную Европы.

2020

* * *

В этих хлещущих тьмах, в этих гиблых краях
Завернись в пальтецо, подними воротник.
Русский ищет не счастье — но смысл бытия,
А к морозу и снегу ты с детства привык.

И, привыкши к тому, что весь век не у дел,
Смотришь в вечный тупик за бураном и мглой.
Только как ты Россию свою проглядел?
Не семнадцатый в мире — так тридцать седьмой.

Белый свет раскололся на «наш» и «не наш».
Но при чём тут Россия и ты тут при чём?
Рявкнул Ельцин — пропивший державу алкаш.
Дрогнул меткою ада на лбу Горбачёв.

Но, отринув продажных словес дребедень,
Ты солдатом прошёл по великой войне.
Белый дом догорел, и прохановский «День»
Полыхнул и сгорел на высоком огне.

Ты себя не жалел, ибо все мы — должны!
Ради вечных идей и России святой!
В одночасье не стало великой страны —
Но трагедии даже не понял никто.

Отпылали идеи на стылом ветру.
Схоронили друзей. Посетили кабак.
Промелькнула мыслишка: «Я тоже умру!
Пусть не завтра, не скоро — но это ведь так!»

Одинокая старость стучит к тебе в дом.
Неизбывное нищенство прёт из щелей.
Отирай же скупую слезу рукавом
На прекрасной, невечной отчизне своей.

Это нам завывает зазнавшийся прах,
Воет в душу державных руин пустота.
...И очнулись — у Чаши в слезах и скорбях
С драгоценными Кровью и плотью Христа.

Ты прости нас, Господь, ибо в мире идей
Только Небо сияет свечою навек.
Нету чаши другой, кроме Чаши Твоей,
И не может без Бога прожить человек.

И Россия — молчит на высоком кресте,
За распятого Бога ломима в скорбях.
Мы искали тебя, аки свет в темноте,
А выходит, что мы и не знали тебя.

Путь давно избрала и ответы нашла.
Ложь страстей опровергла и смуту словес.
Над полями расстрелов — горят купола.
Страстотерпцы святые взирают с Небес.

Так прости нас, Господь, и Россия, прости!
Мир, пред Чашей застывши, стоит, не дыша,
Где у множества верных в единой горсти
В Боге — сердце одно и едина душа.

2012

* * *

За каплю веры — свет в ночном окне —
Грозится век десницею своей.
Я всё отдам, но дело не в цене.
Служу Любви, как лучшей из идей.

Ведь русский ищет смысл и просто жить
Не может в мире горя и утрат.

— О, кто ему поведает, как быть? —

— Живи, как все!

— Да он бы, в общем, рад...

Не то что дом — страна и мир вверх дном,
Но выше хлеба Духа высота.

Ведь разве можно думать о другом,
Когда распяли нашего Христа!

И русский (что творится в голове!)

Жизнь брентную идее вслед влечёт.

Кричит Европа: «Он в своём уме?»

А Достоевский шепчет: «Идиот...»

Страну поправ, разрушив жизнь свою,

Ждёт участи у трёх кривых дорог.

Сидит в пустыне мира, как в раю,

И говорит:

— Так лучше виден Бог!

2010

* * *

Герой приходит умирать.
Подлец приходит жить.
Мы начинаем выбирать —
А нам-то, нам как быть?

Не примыкаем к подлецам.
Не верим ни во что.
И за молчанье светит нам
Прекрасное ничто.

1988

* * *

Брошу плащ на диван полусонный.
— Да, живу и неплохо. А ты?
О!.. Опять этот лепет влюбленный!
А!.. Опять эти злые цветы!

Ты бежал за стоглавой мечтою,
Пил с красотками, славил друзей,
И надменно считал, что не стою
Я и мига удачи твоей.

Что удача, как пьяная дева,
Любит силу и раж во хмелю.
Ты направо кричал и налево
Драгоценное слово «люблю!»

Что ж теперь — опустившийся, серый,
Ты твердишь мне: «Да ну, перестань!»
И тревожишь полночные сферы
Разговором про всякую дрянь.

И, забывшись в привычной браведе,
Смотришь в ночь и не можешь уйти.
Пожалеть тебя прошлого ради?
Я тебя не жалею. Прости.

2003

* * *

Скользнуть из дома в плащике не новом.
Забыть ключи. Найти во тьме ступень.
С соседом пьяным обменяться словом,
Ни слова не сказав за целый день.

И на судьбу прозрев в печали поздней,
Остаток дня разумнее прожить:
В собачьем сквере, глядя в лица звёздам,
С ушедшим другом долго говорить.

И вдруг — найти слова, как мир, простые.
И, ошалев под тусклым фонарём,
Смеяться скупю: надо ж, он впервые
С тобою соглашается во всём!

И, намечтавшись яростно о счастье,
Весь мир любить и всем желать помочь.
И в первый раз — не полного согласья,
А спора, спора требовать всю ночь!

2008

Матрона Московская

1

Словно бы красное солнышко
В туче взошло над Москвой —
Встала святая Матронушка
Над потрясённой толпой.

Шепчет стоустая улица,
Горе забывши и грех:
«Сердцем попросишь — и сбудется!
Бога хватает на всех!»

По ресторанам пирующий,
Мир отрезвел и притих:
Крепок Господь, торжествующий
Правдою верных своих.

Слёзы бегут, и качается
В розах — Матронин платок.
Люди бредут — не кончается
Алчущий шумный поток.

Здравствуй, святая Матронушка!
Страсти души упокой!
Тёплое Божие солнышко
Светит над шумной Москвой.

2012

2

И роза не вянет, и свечка горит.
— Просите смелее, что надо! —
Матрона Московская чудотворит
В потёмках столичного ада!

Матрона Московская сходит с небес
К высоткам и каменным плитам.
О, сколько здесь дивных великих чудес,
О, сколько здесь тайн позабытых!

Прозревшей Матроны горят очеса
Над небом, над морем, над сушей.
Прозревшей Матроны палят чудеса
Огнём, опаляющим души.

Соткавшись из воздуха, крестит рука
Квартал у дороги железной,
Жука на асфальте, бомжа у ларька,
Старушек седых у подъезда.

Берите из короба Божьих чудес,
Пока, о своём беспокоясь,

В гуденье машин и бряцанье словес
Безликий шумит мегаполис.

Я тоже пришла из бегущей Москвы,
Из шума, из горя, из блуда,
Из жадной толпы, из стоустой молвы —
И в очередь встала — за чудом!

Как все — потребитель бесплатных щедрот,
Времён иссякающих жителей,
Как все — накопитель гремящих пустот,
Безумного века служитель.

Меня не пробить на досужую речь.
Не нравится — так и не слушай!
Но *эту любовь* я готова беречь.
И душу — о, главное — душу!

Проси посмелее, зарвавшийся век,
Летающий за счастьем убого,
Огромного чуда — велик человек,
Когда он воистину — с Богом!

2018

* * *

Прогнутся хребтами мосты над гремящей округой.
Гаишник свистком тормознёт золотое мгновенье.
Любовь или страсть нас давно не кидают друг к другу.
В больших городах поселилась тоска отчуждения.

Прохожий вздохнёт: «Сколько можно валять идиота?»
Найдешь валидол с зажигалкой, обшарив карманы.
Послушаешь повесть о том, что какой-то там Гёте
Когда-то зачем-то о чём-то сказал Эккерману.

Забудешь навек про посулы в твоём гороскопе:
Судьба не гадалка и сделает всё, как сказала.
Мир сложит узоры случайные в калейдоскопе
На чёрной протоке пропахшего нефтью канала.

Блеснёт в них любовь. Но волну поднимающий ветер
С бутылками рядом качнёт отраженья прохожих.
И всё, что покажет мгновенье в искусственном свете —
На солнечный мир изначальной земли не похоже.

Гордец Мефистофель за веком присматривал в оба.
А после ушёл, убедившись в удавшейся теме.
Но в тамбуре дымном восставший сегодня из гроба
Молчит в электричке и смотрит сквозь жгучую темень.

2003

В метро

— «Театральная»! — «Площадь Восстанья!» —
Бьётся в бездне светящийся звук.
За окошком мелькают названья
Станций, слившихся в огненный круг.

И в движенье без смысла и цели,
Впав душой в летаргический сон,
Мы летим вдоль гранитных ущелий
Серым вихрем без лиц и имён.

Тёмен век. Озабочены лица.
Гневен ропот стоустой молвы.
Разве солнце уставшим приснится
В развороченных недрах Москвы?

Разве скажешь попутному другу
О беде и печали своей
В электричке, бегущей по кругу
В бесконечном мелькании дней?

Не твердят нам лихие Хароны
О прижизненном счастье в аду.
Не грозит нам гранат Персефоны
Алой краской окрасить беду.

Лишь свистят поезда сокровенно,
Плоть земли разрывая по швам,
Что не выйти из этого плена
Ни Орфею, ни Данте, ни нам.

2000

Перо Гамаюна

Где пролом не заделан огромный
За оврагом в стене крепостной,
Днём ли пасмурным, ночью ли тёмной —
Что-то вечно творится со мной.

Прилетает небесная птица —
Ярче солнц и сияющих лун —
И на красную башню садится,
И протяжно кричит: «Гамаюн!»

Бьёт крылами, любовь насылает
В разгулявшейся тьме мировой,
И поёт, и о ком-то рыдает
На забытой стене крепостной.

Под блаженное райское пенье
Я, как в детстве, чиста и добра.
И плывёт неземное свеченье
От упавшего в щель пера.

Я перо подберу — и плутаю.
Где? Да где-то, где сердце велит.
Что там — триста годков пролетает!
Крикнет — тысяча лет пролетит.

Свистнет — тропка в знакомом овраге
Вдруг выводит к скопленьям планет,
Словно где-то в межзвёздной общаге
Дал классический сбой интернет,

Или телеведущий подпивший,
Чтоб развлечь растерявшийся мир,
Шлёт сюжеты свои с телевышки,
Прозомбировав местный эфир.

У сюжетцев лихих повороты —
Не завяжешь с концами концов!
И такие зияют дремоты,
Как сказал бы поэт Кузнецов!

А потом я тоскую. Мне плохо
В бесполезной земной суете.
И не та на экране эпоха,
И, как водится, люди не те!

Заигравшись в нездешние риски,
Я не знаю, что стало со мной.
Назовите мне место прописки,
Номер дома и адрес земной!

Я прошу, отвергая сомненья:
Птица райская — пой обо мне!
Я мечтаю давно о спасенье
В этой хлещущей гибельной тьме.

Но мечта неизменно заводит
В роковые болота, как тать.
Как сказали бы в русском в народе,
Лучше — делать! Что толку мечтать!

Но бывшие пути роковые
Непременно уводят с пути!
Но бывшие грехи молодые
Не дают мне к спасенью идти!

Рассыпаются верные цели
В роковом мировом тупике.
Только нервы дрожат на пределе,
И сияет перо в кулаке.

Полыхает, мерцает, искрится —
Никому я его не отдам!
И рыдает мне вещая птица,
И поёт обо мне по ночам!

2015—2023

* * *

Гулки, гулки улицы пустые,
Полные глухой фонарной тьмы.
Трудны, трудны горушки крутые —
В постаревших домиках холмы.

Те, кто был весной далёкой встречен,
Захлебнувшись, разом отцвели —
Все ушли в сияющую вечность
С опустевшей парками земли.

В подворотнях пасмурно и сыро.
Полно, полно вздрагивать на звук.
Не пойму, чего я жду от мира —
Новых встреч? Сжигающих разлук?

С молодостью глупую тягаться
Слишком скучно — только как мне быть?
Не с кем над грядущим посмеяться,
Не с кем о былом поговорить.

С высоты недетского незнания
Жду, наивно радуясь, — а вдруг?
Жизнь сверкнёт в глаза былым дерзаньем
В солнце луж на празднике разлук.

Жизнь сверкнёт, и мир предстанет новым,
В голосах и звёздах яблонь весь.
Всё пройдет, и всё начнется снова,
Будто нас и не бывало здесь.

2009

Неизвестный таксист

Сигналит таксист и на красный летит в снегопад,
Презрев светофоры, руля сквозь проулки ночные.
Исчезли в снегу Александровский сад и Арбат,
Взирает Останкино оком недремлющим Вия.

— Алло, вам такси?

Но никто его не вызывал!
Всегда возникает из вьюги без всякой причины.
А что он, и кто он? В каких переделках бывал?
— Не знает никто! — Пожимают плечами мужчины.

Бандитам по пьяни в кровавой разборке помог,
Подбил пешехода, руля без ума и без правил,
Пугливую женщину в полночи не уберёт,
Ребёнка в снегу на пустынном проспекте оставил?

С тех пор по ночным переулкам пустынной Москвы
Такси-привидение вьюгой клубящейся мчится.
Увидишь однажды — тебе не сносить головы!
И все его знают. И всякий, как смерти, боится.

Сначала из ночи плывёт нарастающий свист,
Потом возникает машина размытым виденьем —
И вьюгой сквозь город, сигнала, несётся таксист
Последним коротким отчаянным предупреждением.

Горит виадук негасимым лиловым огнём.
В ночном снегопаде сияют витрины и лица.
Но зло торжествует безудержно ночью и днём
В бандитских разборках хлебнувшей свободы столицы.

И всё же нам верить в побасенки баб не с руки,
А кто он, и что он — родная милиция знает!
«То совесть твоя!» — говорят сыновьям старики.
А поп молчаливый седой головою качает.

Но врач намекнул: «Это всё подсознание твоё!
Из мира дневного ты вытеснил страхов причины

И помнить не хочешь». Но это, конечно, враньё.
— Какие там страхи! — Угрюмо вздыхают мужчины.

И всё же среди навалившего снега и льдов
За миг до беды по проулкам бессонной столицы
Машина проносится, не оставляя следов,
Гудит во всю полночь — и вьюгою далее мчится.

2009—2022

* * *

Фата невесты светит белым.
Струну гитары рвёт жених.
По старой фреске пишешь мелом:
«Всё воплотится в судьбах их».

А в алтаре темно, как в небе.
Репьи и камни льнут к ногам.
И звёзды, крупные, как щебень,
Сквозь дыры крыши смотрят в храм.

И, подивившись муке крестной,
Во имя света и любви
Упавши ниц, жених с невестой
Кричат сквозь ночь: «Благослови!»

А с фрески свадьба смотрит строго —
Любовь, не знавшая греха.
Сквозь ночь земли горит дорогой
Лицо другого Жениха.

Влетает в окна дождь случайный.
В проломы стен глядит звезда.
И смотрит мир, как в древнем чане
Вином становится вода.

Мы заигрались, Боже правый,
В доме заброшенном Твоём.
Мы в мир пришли не для забавы,
А для чего — не разберём.

Но прозреваем постепенно,
Что можно слепо, впопыхах
Лишь для печали и для тлена
Венчать в разрушенных церквах.

1983—1999

* * *

Строил — вор, воровавший без меры.
Лил оклады — ослепший старик.
Горький пьяница, пропивший веру,
Благодатный расписывал лик.

В новом храме, построенном наспех,
Наспех — юных венчают на брак,
Крестят — наспех, соборуют — наспех,
Отпевают — неведомо как.

Храм сияет в отравленных водах
Златоверхую шапкой своей,
И, дичась, отступает природа
От его облучённых камней.

Мира страшного слепок мгновенный!
За какой же избыток души
Как стрекозы, легки твои стены,
Как цветы, купола хороши?

И кому по велению свыше
Нищий мальчик поёт в снегопад,
Что Христос не разбойникам книжным —
Всем блудницам и мытарям брат.

1999

* * *

Припомню друзей и устало прикрою глаза.
Я вам не гожусь ни в пророки, ни в строгие судьи.
Вас помнить нельзя — и забыть без печали нельзя:
Трагедии тёмные, дикие, страшные судьбы!

Как будто пометили гладь безмятежного лба
Какою-то метой, забыв состраданье и жалось.
И всё искажала, и всё изменяла судьба,
И всё разрушалось, и всё без конца рассыпалось!

Мы шли не туда — или время пустыней вело,
Мы что-то не поняли и не успели куда-то,
И если везло — до конца всё равно не везло!
Безмерно и горестно все мы во всём виноваты!

Безверия дети, мы вспомнили Бога и храм
В наивном, наследственном, миром вручённом незнание.
Покаяться б нам! Но как будто не выдали нам
И горьких, нечаянно поздних плодов покаянья!

Но нас не отменяют ни наших ошибок зола,
Ни наших проступков надрывистый говор петуший.
Сгущается тьма, и среди ошалевшего зла
Великой любовью цветут оскорблённые души.

Почти что безумной — легко ли любить вопреки
Всему, забывая подробности местного ада?
И памяти недра настолько для нас нелегки,
Что думаешь часто — а может, и помнить не надо?

Но в мире, где всё так легко превращается в зло,
Нам надо держаться, не веря ненужным приметам.
Ведь дело не в том, что фатально нам всем не везло?
А может быть, в этом? ...Да, дело, наверное, в этом...

2021

* * *

Сбившись с ритмов заученных чётких,
О весне зашумят города.
Металлических прутьев решётки
Водопадом обрушит вода.

Зазвонит над асфальтовой бездной,
Что с рожденья до смерти — ничьи,

Вы в застенки решёток железных
Не запрёте весною ручьи!

Что под крышками люков закрытых
Жизни вольной не спрячете ток,
Каблуками ботинок разбитых
Не затопчете вольный поток!

Забурлят под ногой непослушно,
Что не выйдет — хоть криком кричи! —
А колёса машин равнодушных
Не убьют, переехав, ручьи!

Жизнь и нас потрепала изрядно,
Хорошо объяснив, что почём —
По надежде прошла ненаглядной,
В ноги миру швырнула ручьём.

Но, оставив в покое, что было,
Мы живём и дерзаем опять
С безрассудною детскою силой
О ненужном и вечном мечтать.

И с безудержной детскою силой
Верить в лучшее в злой маете,
И бежать за мечтой легкокрылой,
Доверяясь бородаге-мечте.

Пусть в стремительном вечном движенье,
Уходящем от нас навсегда,
Жизнь ломает свои отраженья,
Как ломает решётки вода.

2017

Мутант

Чуешь токи пространства продрогшею кожей.
Не найти тебе в мире родни.
В темноту отшатнулся беспечный прохожий,
Глянув мельком на пальцы твои.

В ясной жажде любви, в тихой жажде прощенья
Замесив непослушную плоть,
В шесть часов, в нескончаемом веке успенья
Сотворил твоё тело Господь.

В общежитском раю, в коммунальном уюте
Жил ты жизнь, никого не любя.
И со всхлипом прощенья: «Все же мы люди!» —
Не жалела соседка тебя.

Лишь алкаш в подворотне смеялся при встрече,
Что уроду планида — легка,
Да жила в глубине твоей не человечья,
А какая-то рыба тоска.

Каждой твари да будет добыто прощенье
За терпенье в юдоли земной!
Все мы искони втянуты в дело творенья
От гадюки до птахи лесной.

Но чем больше и больше в судьбе своей нищей,
В бесконечном мелькании дней,
Затаясь, человека в душе своей ищем,
Тем отличья ясней и ясней.

Вот и всё. Протекут твои тёмные годы
Вдоль по линиям чётким руки.
И заплачешь ты, злая ошибка природы,
Что природе нужны тупики.

1986

* * *

Полистаем бестиарий
На ночь глядя — просто так.
Пусть литые лапы тварей
Рвут когтями скользкий мрак.
Пусть на розовой странице,
От свободы ошалев,
Рыкнет скорпионо-птице
Человеко-жабо-лев.

Это из моих кошмаров,
О семи хребтах точь-в-точь.
По брусчатке тротуаров
Я тебя узнала, ночь!
От восхода до восхода
Ты работай в меру сил,
Добывай себе свободу
В бестиарии светил.
В ритмах фаустова стресса
Убедишься ты сама
В регрессивности прогресса,
В агрессивности ума.
Лишь в разрывах атмосферы
Перепончатою тьмой
Промелькнут иные сферы
На дороге внеземной.
Что ж ты сладко пахнешь кровью,
Вьёшься жалом у виска,
Вечный свет средневековья —
Европейская тоска!

1985

Телебаллада

С шумного неба тарачит
Янус экраны свои.
Друг мой, ночной телеящик,
Поговорим о любви!

Вечно не спящий ночами,
В стенку колотит сосед.
Поговорим о печали,
Мчашейся времени вслед!

Выключим кадры утраты —
Там, где за углями хат
Над одуванчиком смятым
Плачет убитый солдат.

Выберем номер программы
(Вольности — правда цена).
Вырубим старые драмы,
Переключим времена.

Что нам в исканьях насущных
Век, утонувший в крови,
Глупости телеведущих,
Старые сказки Земли?

Пусть, ни о чём не мечтая,
Веря в русалочки сны,
Пляшет красotka нагая
В пене янтарной волны.

Пусть о сонетах Шекспира,
Времени выправив ход,
Из параллельного мира
Врёт межпланетный урод.

Пусть коллективными снами
Бьётся в эфире волна.
Лавами, жабрами, ртами
Дышат в лицо времена!

Вот оно — древо познания,
Где в межпланетной тоске
Пеной шипят мироздания,
Слившись в змеином клубке!

Где ты, родной с сотворенья,
С тайной тоской на двоих,
Мир в гениальном горенье
Влажных сиреней ночных?

Старый журавль у колодца?
Свежего сена стога?
Время в себя не вернётся!
Мир не войдёт в берега!

Вновь, ошалев от мельканья
Действий, героев, планет,
Кнопкой тушу мироздания —
В мире реального нет!

Рушатся старые своды,
Знания и веры твои.
В новом пространстве свободы
Прежней не будет любви.

В новом пространстве безбрежном,
Миру чужому — чужой,
Сам ты — проснёшься ли прежней
Тварью — с единой душой?

2005

Любовь и Сурово —
вместе вы всегда

Зазвучит в тишине Иоанн Златоуст —
Золотое свеченье польётся из уст.
Золотые слова — разгоняют печаль.
Загорится сильнее золотая свеча.
Златоклювая птица засвищет в горсти
Золотому «люби!» — золотое «прости!»

Иоанн Златоуст! На кресте своих дней
Каждый платит за слово судьбою своей.
Ибо в мире, где все о своём говорят,
Даже Бог сокровенного Слова — распят.

Но грядущее — скрыто, а прошлого — нет.
Золотые слова — очищающий свет.
«По Глаголу да сбудется мне Твоему!» —
Золотая молитва уходит во тьму.
Там — изгнание и месть, и чужбины печаль,
И щемящего сердца открытая даль.

И терновый венец заушенья и мук —
Этот Крест золотой из раскинутых рук.

Тьмой покрыта судьба. Мглой покрыты пути.
Мы из Слова пришли, чтобы в Слово уйти.
Но за свет — и за крест — ибо мука свята —
Славят Бога твои золотые уста.

2015

Когда гремит по всей округе гром
И ласточки летают под дождём*,
Ясней и ближе смысл Господних знаков.
Но почему вы Грома сыновья?
Известна всем Иисусова семья,
И в ней два брата — Иоанн, Иаков.

---

* По народным легендам, ласточки уносили гвозди с Креста, на котором был распят Христос.

Гром прогремел в кромешной темноте,
Когда Иисус, распятый на Кресте,
За нас страдал страданьем неповинным.
Миры прошёл насквозь кровавый гвоздь.
Застыла Богородица. И дождь
С лица стирала, плача, Магдалина.

О Божьем Царстве, житель многих стран,
Хранил молчанье свято Иоанн,
Но в старости промолвил не случайно:
— Бог есть Любовь! — И с неба грянул гром,
И ласточки застыли под дождём,
Раскрывши клювы перед Божьей Тайной.

— Любовь?

— Любовь! Не гроз крутой размах,
Не весть о неизведанных мирах,
Не царство, не величие, не злато.
Всё Словом сотворивший из Любви,
Легко сказавший существу — живи! —
Господь приходит громовым раскатом!

И встали всюду Грома сыновья —
Огромная Иисусова семья
За все века причастием спасённых —
Тьмы мучеников с мукой на Кресте,
Тьмы праведников с правдой о Христе.
— Бог есть Любовь! — вздохнули потрясенно.

Любовь и Слово — вместе вы всегда —
Двойная путеводная звезда,
Великий гром из глубины молчанья.
И я стою под проливным дождём,
Давно забывши напрочь обо всём
И онемевши перед Божьей Тайной.

А миру гром грохочет вновь и вновь,
Как школьнице на ухо — про любовь! —
И мир во сне вздыхает виновато.
— Любовь! — из молний ласточка кричит.
А слово грозовой слезой горчит —
И падает божественным раскатом!

— Кузнецов! Кузнецов! — Свист и гром восхищения в зале.
Гнев матёрых писак. Блеск в глазах у зелёных юнцов.
— Кузнецова громят!
— Кузнецов напечатан в журнале!
— Всех обманом назвал и подделкой поэт Кузнецов!

Это тайный пароль — вздох любви моего поколения,
Демиург, Святогор, не смилившийся с тягой земной.
Миф о вещем поэте на вечном пределе горенья.
Молчаливая глыба с таинственной речью иной.

Пролетал его конь, догоняя свои же подковы,
Сквозь хазарскую ночь — по космической русской заре.
Поминал его Сергей среди павших бойцов Куликова,
Но погиб он с отцом, на Сапун подорвавшись горе.

А гордыня ли, гений, миров недоступное знание,
Весть масштабов вселенских — как этот огонь ни зови —
Но спустился он в ад — и соперничал с Дантом в дерзанье,
А влюбившись в Европу, — соперничал с Зевсом в любви.

И немели мы все перед русским рокочущим словом,
Кубком отчих громов — огнедышащей правдой отцов.
Ты не русский душой, если ты не читал Кузнецова!
Ты не русский умом, если тебе Кузнецов!

И пошел он к Христу через кривду времён, сознавая,
Где начало Любви. И живым прошагал через ад.
И с повозкою слёз — русской вестью — добрался до рая.
А увидев Христа, — уходить отказался назад.

И прошёл он сквозь нас богатырскою молнией света,
Вещим облаком дыма, миры создающим огнём,
Сказкой русского духа, творящего слова кометой,
Вечной верой глубин. Ничего мы не знаем о нём.

* * *

*Бессловесная наша словесность
Не такие забыла стихи!*

Светлана Кузнецова

Этот русский анапест, что плачет во имя любви...

Татьяна Глушкова

Опять взойдут, сметая тьму обмана,
Готовя мысли резкий поворот,
Две музыки — Светлана и Татьяна —
Среди навек закрывшихся широт.

Ещё мы пьём, поём и лиц не хмурим,
Как в детстве, беззаботны и легки.
И всё вокруг — затишье перед бурей.
И всё вокруг — звенящие стихи.

Ещё светлей сибирских льдов окраины
Глаза Светланы с правдой о другом.
Ещё черны, как чернозём Украины,
Глаза Татьяны под высоким лбом.

И в их союзе обоюдоостром
Есть что-то свыше — как ни назови.
Две русских музы — в отчете слове сёстры —
Два света, две печали, две любви.

Но нет в холодном воздухе спасенья
От тьмы рвачей и ханжества невежд,
И слышен голос близкого крушенья
В трагедиях поломанных надежд.

Они уже так скоро станут солью
Земной России, обращённой в прах,
И без торгов заплатят смертной болью
За родину в руинах и слезах.

Но и тогда, сметая мрак обмана,
Споют святые строки на крови
Две музыки — Татьяна и Светлана —
Два русских сна о вере и любви.

2014

Александр Блоку

За блоковской вьюгой сжигающих слов
Промчались огни золотые.
Тебя не найти среди грязных снегов
Чужой бесконечной России.

Всего-то и век промелькнул на земле,
А ночь между нами всё круче.
И снова страна пламенеет во мгле,
И опыт немногому учит.

В огромной пурге затерялись пути
Народной украденной воли.
И что нас способно ещё потрясти
В столетнем беспамятстве боли?

Но Русь, что любил ты, сгорая дотла —
С кометою, с тройкою шалой —
Такой, как ты пел, никогда не была,
Лишь внукам такую осталась.

Такой не была — да осталась такой,
Поверив судьбе неизбежной.
С волной ковылей и цыганской тоской,
С Христом над метелью безбрежной.

И ты ли её сквозь пургу разглядел —
Она захотела другого —
Но Богом досель не положен предел
Живому творящему слову.

В огромном сияющем слове без дна
Тебя никогда не забуду!
Всегда разрушенью и смерти равна
Цена объяснённого чуда.

Пусть снова — крушенье державы — Христос —
Пусть жизнь всё вокруг растоптала.
Я знаю: то Бог тебя снегом занёс,
То вьюга тебя целовала.

2015

* * *

Замолчите, завалы словесной трухи,
Где во веки веков всё не то и не так!
Это Тряпкин приносит в газету стихи —
И от слова живого колеблется мрак!

Голос нищей Москвы, Николай Златоуст,
Как пророчил ты в старости ветхой своей, —
Огневои Купины несгорающий куст,
Слова русского смерд среди отчих скорбей!

Заикаясь, не слушался косный язык —
Лир, скорбящий над лирой в земной суете!
Синеглазый, опрятный, великий старик,
Как красив ты в крестьянской своей простоте!

А страна разрушалась. И бездна росла
Средь заросших полей, средь заброшенных хат.
И держава обманутой беженкой шла
В свой престольный, её же запродавший град.

И в московских проулочках корчилась тварь,
Всех иуд породившая в бездне земной.
И гремящий Проханов — народный звонарь —
«День» лампадою нёс над убитой страной.

И ты встал за Россию и слово прорёк
Средь клокочущей тьмы, средь наглеющей тьмы.

Уходящий старик, одинокий пророк,
Как ты Бога просил, чтоб опомнились мы!

Как ты встал на колени и плакал сквозь дым,
И Россию свою увидал на Кресте.
Вот и мы у того же Распятья стоим.
Вот и мы прикоснулись к святой высоте.

Вот и мы на кладбищах порушенных дней
Поминаем тебя и страну как во сне —
Неопальное слово великих скорбей,
Феникс, сжёгший себя на священном огне!

И опять я те строки твержу наизусть.
А земля аки свалка, а кровь как вода.
Драгоценный, бесценный, седой златоуст —
Всё, что ты написал, — навсегда! навсегда!

2012

Прощание с Матёрой

...Река сомкнула медленные воды
Над островом с забытой деревушкой,
Над лиственем, над кладбищем, над жизнью
Простых людей, не нужных никому.

Ты помнишь, как мы плакали, читая
Скупую повесть нового потопа,
И ни секунды не подозревали,
Что повторится вечный сон Земли?

...Опять сомкнулись медленные воды,
И, как когда-то тихая Матёра,
Ушла под воду целая эпоха.
А в рукотворных времени морях
Мелькают до сих пор, светя в глубинах,
То Китеж-град, то новая Матёра — Эсэсэсэр,

И Богородице-на-водах —
Заступнице — Россию сторожить*.

И знаем мы: нерукотворно время,
Но рукотворны дамбы и плотины,
Что перекрыли медленное русло
Природного течения времён.

Так обернулась малая Матёра
Пророчеством скупым о нашей жизни,
О всех, за миг оставшихся без крова,
Без родины, без детства, без корней.

Прощай, Матёра, Бог тебя храни!

Давно сомкнулись медленные воды
Над Родиной, над правдой, над Победой,
И только тихий Валентин Распутин
Горит свечой на дальнем берегу.

И помним мы — когда входил Распутин,
Досужие смолкали разговоры,
И раскрывалось медленное сердце:
Ведь что-то было в нём всегда такое,
Чего не передать бессильным словом,
Но передать стоустой тишиной.

Прощай же, удивительное чудо!
Рассказ о том, как жить, чтобы остаться
Среди светил — во времени огромном,
Среди святых — на дальнем берегу.

2014

---

* Леушинская икона Божьей Матери имеет несколько названий — «Аз есмь с вами и никтоже на вы», «Защитница России», «Богородица-на-водах». Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь, в котором был написан образ, затоплен Рыбинским водохранилищем.

Пасха Господня. Едина судьба.
Плотник Христос снаряжает гроба.
Райское дерево поёт под пилой.
Шепчутся музы во тьме дровяной.
Всякий для вечности срубленный дом
Птахой на древе звенит мировом.

Высек Господь из берёзы яйцо.
Сказочный сокол грядёт — Кузнецов.
Тряпкин на печке плывёт в небеси
Свет-златоустом крестьянской Руси.
Дан Кузнецовой Светлане судьбой
Кубок серебряный, крест золотой.
Кожинову — за Сократа глоток,
А Татиане Глушковой — цветок.

Взмах топора — колоколенки звон.
Щепки познания великих времён.

2005

Сергею Куняеву

Все ушли. И в кладбищенской зыбкой тени
Вновь сирень зацветает соцветьями снов.
Среди древней земли мы остались одни
В обезлюдившей горнице прошлых веков.

Что же, прошлое свято живущим вдвойне.
Каждый знал — на земле ничего не сберечь.
Лишь великие тени сквозят в вышине
И великих преданий доносится речь.

Мы, пришедшие позже, попали на пир
И остались чужими им. Но всё равно
Их глазами мы долго глядели на мир,
Их речей вдохновенных плескали вино.

Мы живем о своём в духоте дешевизн.
Новый мир постаревшим и мил, и не мил.
И цветёт над могилами новая жизнь —
Жизнь всегда расцветает над прахом могил.

Но украдена памяти главная весть,
Утекает минувшее сквозь решето,
И о жизни, горевшей прозреньями здесь,
Нынче даже случайно не вспомнит никто.

По пустыне, где каждый к ушедшему глух,
Мы бредём, заплативши с лихвой за мечты,
Понимая, что долго сияющий дух
Не достигнет в потомках былой высоты.

И, жалея до слёз молодых и лихих
(Разнесут — только словом случайно затронь!),
Говорим мы: «Манкуртам в беспамятстве их
Недоступен былых вдохновений огонь».

Что ж — прости и пойми. Так бывает всегда.
Старый друг, ничего в этом нового нет.
Отцветает сирень, и цветёт лебеда,
Где когда-то горел несгорающий свет.

2022

* * *

Анатолию Аврутину

Понимаешь ли, птица,
на ветке сидеть и молчать —
это вовсе не то, к чему стоило в жизни стремиться.
Надо ветку качнуть, да получше листву раскачать,
надо мир раскачать —
пусть округа летит и кружится!

Надо мысль раскачать —
чтоб летела, звеня и паря,
чтоб качала леса, заполняла долины и воды —
вот тогда запоёшь

лучше лучшего соловья,
подчиняя сознанию
весёлые смыслы свободы.

Ты на ветке сидишь —
тише тихого. Не шелохнёшь
ни резного листа,
ни лежащую в дрёме окрестность.
Понимаешь ли, птица,
звенит мне твоя высота
и свистит по ночам
твой пернатый секрет неизвестный.

Ведь когда ты поёшь —
ходит громом в лесу тишина,
и с росой глаза
золотые цветы раскрывают.
Перезвона и трелей угрюмая чаща полна.
И сиянья.
И жизни.
Но видишь ли...
Так не бывает.

Будто смысл,
что петлёю сужает пространство вокруг,
отлетел от души —
и очнулась душа в укоризне,
засвистала, защёлкала юным восторгом — и вдруг
ощутила струенье-течение-пение жизни!

И звучат над землёй —
выше смыслов усталой земли,
выше гроз естества,
выше заданной временем темы
все лишённые смысла пернатые птичьи слова,
все рулады твои,
все твои золотые фонемы.

Здравствуй, мир провинциальный,
Рай с поляной танцевальной,
С юностью накоротке —
Муза в красном кушаке.

Платье в маках и ромашках
И знакомое:

— Наташка!

Свет в глазах и в жилках дрожь.

— Подожди-ка!

— Подождёшь!

У Советского Союза

Не в чести крутая муза.

— Не печатают — и пусть!

Как-нибудь, да перебьюсь!

Подождали — не дождались.

Заметались и сорвались

В ураган, гудящий мглой.

В шалый ветер продувной.

Нет, а в принципе — дождались!

До-олго так перебивались.

Каждый стал и швец, и жнец,

На беде лихой игрец.

Нет Советского Союза.

В побирушки вышла муза.

Так положено, прости,

Всяким музам не в чести.

Снится мир провинциальный,

Рай с поляной танцевальной,

С музою накоротке —

Юность в красном кушаке.

Перебились. Отстрадали.
Навидались. Да едва ли
Тронем грани трудных тем.
— Поподробнее!
— Зачем?

2023

Секреты

Бил в цветное стекло переменчивый свет.
В давнем детстве, где вечное — в силе,
Зарывали в песок свой наивный «секрет»
И таинственно, свято хранили.

И, не ведая смертного зова земли,
В бой вступали легко и бесстрашно.
Умереть наяву и воскреснуть могли
За ромашку, бумажку, букашку.

В нашем веке надменном, в седой глубине,
Не задену и взглядом, как ядом,
Всё, что снится во сне и живёт в тишине.
Вспомню: тайна и таинство — рядом.

Древней тайной зажгутся пути и миры.
Скроют сумерки смерть и зачатые.
Тайной Жертвы нальются Святые Дары.
Тайной Господа вспыхнет Распятые.

Перегонит Пегас златокрылый рассвет.
(Божий дар — не Горгона Медуза!)
Ото всех сохрани свой ребячий секрет,
О моя терпеливая муза!

Сможешь нынче, как в детстве далёком могла —
Друг Наташка, душа нараспашку —
Положи и зарой под осколком стекла
Маргаритку, ромашку, бумажку.

2009

Два брата тягались за славу умершего брата.
Два седобородых, как два петуха оглашенных
идут друг на друга — друг другу впились в бородачи
и ну как тузить кулаками — локтями — друг друга.
А брат под замшелым гранитом у красной ракиты
всё видел и слышал, но всё же не мог шевельнуться:
за смертные сны он — бессмертный — ответить не властен.
А снилось ему, будто слава — девчонка босая —
хохочет вовсю и поёт, и свистит хворостиной,
и гонит, как коз, его род по отлогим долинам
сквозь чертополохи: «А ну, окаянные козы!»
А козы кричат от испуга и топчут друг друга,
и от хворостины свистящей бегут врассыпную,
а солнце за холм отдалённый садится. И вечер
знакомые тропы скрывает колючим бурьяном.
Он хочет им крикнуть: «И даром что седоголовы!
Опомнитесь, братья и сёстры, опомнитесь, дети,
ведь к славе за милую нельзя подходить безоружным!
Беритесь за руки, хватайте лопаты и колья,
спиною к спине — и держите вокруг оборону!»
Но крика не слышно. И козы бегут врассыпную.
Девчонка хохочет вовсю и свистит хворостиной.
И род его крепкий рассыпан по третье колено.

1987

Обмануть поэзию пытаюсь
(Много вольных мыслей в голове!),
Воспоём картофельную завязь
На зелено-розовой ботве.

Ну а розы — вечные царицы —
Пусть подальше спрячутся от глаз.
За шипы непросто ухватиться:
Воспевали их уже до нас.

Мы опишем сапоги и кринки,
На холме — нехитрый костерок,
На сто верст — убогие суглинки
Да старухи стиранный платок.

Наша жизнь — дождя и ветра воля,
Свет вечерний, сумрак золотой.
Наша жизнь — под снежной тучей поле
С мёрзлою картофельной ботвой.

Мы хотели сами отказаться
От цветенья родины своей.
Мы себе хотели показаться
Проще, чем мы были, и бедней.

Ну так что ж! Ботвой да лебедою
По привычке скрасим скудный быт.
Но однажды бросим в таз с водою
Розу — и застынем: как горит!

1988

Орфей и Давид

1. Орфей

И плывут к тебе рыбы, и змеи играют у ног,
И ягненок со львицею сходятся в дружбе не мнимой.
Было ль что-то такое, чего бы ты в мире не мог —
Там, где речь человечья мешается с речью звериной?

По законам миров ты не делал живущему зла —
Ты любил и играл, и упал, захлебнувшись от крика.
И мычал, онемев, что живая душа умерла,
Что любовь умерла — потерялась в аду Эвридика!

Ты за нею пошёл — и, распятый на лире страстей*,
Ради вечной любви всех миров отвергая потребу,
В крик хрипел среди звёзд, струны лиры целящей своей
Силой песни живой от земли протянувши до неба.

В старой линзе времён в сотни радуг рассыпался свет.
Хрустнул яблоком август в забытой долине покоя.
Эвридика смахнула с соломинки сотни планет,
В сотнях разных миров сотворённых одною рукою.

В сотнях разных миров ты печальсь бродил и дивясь,
В сотни разных планет выкликая заветное имя.
Ты — на лире распят. Ты — служенье. Ты — песня. Ты — связь.
Ты — преданье времён. Мост, связующий мёртвых с живыми.

Но, любви не найдя, ты ударил по струнам скорбей
И запел о любви, и печальный итог подытожил —
Всё ты можешь, живых исцеляющий песней Орфей.
Всё ты можешь, Орфей, — воскресить и воскреснуть не можешь.

2. Dabug

Напоил бы ты всех Слова Божьего песней живой,
Ведь от праведных слов и колючки в пустыне добреют,
И овечки бегут по горячим камням за тобой,
Под рукою толпятся, толкают друг друга и блеют!

Вот сидишь ты, поэт, под сосною лицом на восток
И для песни живой не имеешь ни слова, ни слуха —
Червь презренный, букашка, навозный дрожащий жучок,
А не чуткий псалтырь — инструмент для сходящего Духа!

Но повеяло дымом, прохладой, созревшей травой,
Терпко пахла вином переспевшая гроздь винограда.

---

* На триптихе Иеронима Босха «Сад земных наслаждений» мы видим музыканта в аду, распятого на арфе собственных страстей. В мировой символике грешное распятие на музыкальном инструменте, которое следует как наказание за грешным земным творчеством, давно стало символом отпавшего от Бога, земного, своеговольного художника.

И заблеяли овцы в тревожной долине ночной,
И, почуявши полночь, покорно пошли за ограду.

И услышал ты мир. Он гудел от вершин до низин
Под рукою Творца — сад, овечья криница, дорога —
В каждом вздохе своём, в каждом сердца биенье един,
Каждым малым дыханьем он славил и чувствовал Бога!

И узнал ты мгновенно восторг, вдохновенье и свет —
Ты не раз ощущал сердцем, ищущим правды, такое
В час, когда всех миров и бесчисленных тварей Поэт
Вдоль по струнам души проходилса умелой рукою.

И приснился тебе как овечка смиренный Жених,
Словом создавший мир — спевший сущее Песнею Песней.
Он, что был до тебя, — твой потомок в столетьях других,
Тот, кто будет распят, и пройдёт через ад, и воскреснет!

Он увидел тебя — ты дремал под сосною вдали —
И сошёл на тебя тишиной и невидимым светом,
Чтобы лучший поэт, певший Бога под небом Земли,
Мог родить на Земле породившего Землю Поэта.

2022

* * *

Страницы книжки записной — как рай.
Свод телефонов старых позабытых.
Под номерами — Тряпкин Николай,
Глушкова, Ступин, Кузнецов — пииты!

Да был бы номер! Тот ли, этот свет —
Тем, кто прозрел однажды, — дела мало!
В безбрежной жизни верует поэт,
Что вечность номеров не поменяла.

Но что им — небожителям — до нас?
Среди миров любви, добра и света,
Испив забвенья неземной запас,
Забыли быстро о Земле поэты.

Я лучше наберу стозначный код
Звезды, не зная лет и расстояний.
И вдруг услышу — в трубке запоёт,
Мирам сердито вторя, мирозданье.

Или, проснувшись рано поутру,
Когда проявит краски солнца гений,
Я длинный генный номер наберу
И позвоню в соседний двор к сирени.

— Алло! Сирень! — Ветвями зашумит,
И вдруг пойму, что слушает и слышит.
Лиловой гроздью огненной дрожит
И бездной, равной мирозданию, дышит.

2019

Виктору Смирнову

*А из тьмы, доверчив, не обманчив,
Доброй волей соткан и согрет,
Смотрит в наши очи одуванчик —
Заблудившийся в просторе свет.*

Виктор Смирнов

«Эй, шибче!» — На свадьбе смоленской
Невесте хвалил жениха.
Лихой гармонист деревенский,
Растягивал звонко меха!

Плескал самогон, чтоб не зябли
Ни сват подгулявший, ни брат,
И пел одиночество яблонь
У чёрных заброшенных хат.

И тихо вздыхал, что поэты —
Мальчишки для злого битья.
И слушал, как молнии света
Сияют в зобу соловья.

Кутьёй заедал неизбежность
Судьбинушки, равной для всех,
И прятал крестьянскую нежность
За громкую шутку и смех.

А полночью с бабкою древней
Считал одуванчики звёзд
И плакал, родную деревню
Свозя на родимый погост.

И лёг на родимом погосте
Со всею деревней своей —
Всем родный по крови и кости,
Крестьянских корней соловей.

Да лёг ли? Не лёг! Где планета
Гудит на последнем витке,
Застыл с одуванчиком света,
Дрожащим в упрямой руке.

Там в поле закат пламенеет
И зреет озимый овёс,
И вещей поэзией веет
Твой голос, проросший до звёзд.

2019

Легенда ЮМАН

*Прошли года, и радости, и беды,
Я никогда от зависти не слеп,
Но до сих пор мне хочется отведать,
Каков на вкус он — материнский хлеб.*

Владимир Ионов

Детдомовец, поэт, рецидивист,
Он был горяч, наивен и речист
(Не тронет мухи по людским канонам!).
Он звал себя Вийоном и Ионой.

И странные он говорил слова,
Что Солженицын — лжёт. А он едва
Не сдох в тюремном лазарете — прямо
На бывшей койке Оси Мандельштама.

Что не расстрелян вещей Гумилёв,
А сослан в шахты северных краёв —
На рудники, где радий добывали.
Перед войною там его видали.

Что в камере для смертников ему —
Ионе в чреве ночи — и уму,
И сердцу постижимый здесь едва ли,
Приснился храм. Его не расстреляли.

Ведь если будет милость — ээкам *там*
Всегда под утро снится белый храм.
А тем, кому снега настелят ложе,
Что снится — тайна. Помяни их, Боже!

Военных лет детдомовский пророк,
В ремесленном ограбил он ларёк
И взятым хлебом накормил общагу.
А дальше шла крутая быль ГУЛАГа.

Но он мечтал узнать, хоть не был слеп,
В сиротской доле, в лагерях, в побегах —
Какой по вкусу материнский хлеб.
И никогда не ел такого хлеба.

И знание другое, чем у нас,
О мире, без иллюзий и прикрас,
Сквозило не виной и покаяньем,
А правдой, подкреплённую страданьем.

И каждый миг такая глубина
Молчала в слове — бездна бездн без дна! —
Рождённый болью в глубине паденья
Вопль ада с жгучей верой в искупленье.

Неужто, кровь отведавший калин,
Прав о страданье помнивший Шукшин
И Достоевский с мукою острожной —
В страданье — святость. Остальное — ложно.

Не зря Россия помнит каждый миг
Всех родненьких заблудших горемык,
В тюрьме померших или в чистом поле.
Всех, искупивших грех великой болью.

2020

Памяти Светланы Кузнецовой

*Как прекрасно на чёрном столе серебро,
Я бессильна тебе объяснить.*

Светлана Кузнецова

Потряси мою душу до гроба,
До промёрзшей глубинки земной,
Чтобы острые льдины сугроба
Расступились на миг предо мной.

Я войду в этот снег без боязни,
Чтоб как прежде бывало — точь-в-точь —
Мы смогли по закону приязни
Прошутить поминальную ночь.

А потом, оживая от шуток,
За прощанье на этой земле
Мы поднимем серебряный кубок,
Позабывтый на чёрном столе.

Я уйду от тебя потрясённой
В прояснённую вьюгу полей,
Чтобы слушать, как ночью чёрной
Запеваает во льдах соловей.

Он поёт, не дождавшийся мая,
Не доживший до райских цветов,

Серой грудкою льдины протаяв,
Колкий иней сбивая с кустов,

Обречённо, отчаянно, гордо,
Пробудив перепуганных птиц,
Запрокинувши тонкое горло
Над снегами молчащих столиц —

Злые годы, великие тризны,
Храмы Спасов на чёрной крови,
Согревая просторы отчизны
Несдающейся песней любви.

1988

Самородок

(Маленькая поэма)

*И там я однажды сронила в сугробы
Тяжёлый наследственный крест золотой.
Светлана Кузнецова*

Рассказывала мне моя подруга:
В посёлке ссыльных, смерти обречённых,
Где Лена мыла золото на камни,
Где зэки жгли далёкие заимки
И князь якутов резал русских жёнок
За веселящий душу чистый спирт,
Она нашла огромный самородок.

Она кричала детям: «Посмотрите,
Что я нашла!» — и хвасталась без меры
Удачливостью детского похода
От зоны смерти — к сытым берегам.
А Лена мыла золото на камни,
И дети одобрительно глядели
И трогали сияющий металл.

А вечером пришла с работы мать.
Запричитала тихо, обречённо:
— Зачем взяла ты в руки самородок,
Зачем ты в дом тащила это горе,
Зачем его не бросила ты в воду,
Зачем не потеряла по дороге!
Затем — надела старую ватовку
И вышла на порог. Уже ложились
На мхи и травы золотые тени,
И солнца шар — огромный самородок —
Несла река в песок, напоминая:
Вот-вот наступит комендантский час.

Зачем приносит нам беду и горе
То, что считали предки божьим даром,
Везением, великою добычей,
Сном золотым праматери Земли?
Но что за дело нам, как жили деды?
Мы сотворили новые законы,
Кресты сорвали и взорвали гены,
И с шумом повернули реки вспять.
А кто рождён во времени жестоком,
Тот целый век несёт воспоминанья
О золоте растоптанной любви.

Твердит закон: не сдашь сегодня слиток —
Пойдёшь в тюрьму. А если не вернёшься
До часа комендантского в посёлок —
Пойдёшь в тюрьму. Но как вернуться в срок?
Дом коменданта — в двух часах пути.

...И мать бежала по тайге, не помня
Саму себя, сквозь ночь, сбивая ноги,
Цеплялись лапы сосен за ватовку,
Вздымались корни, преграждая путь.
Она успела вовремя.

...Но знала

С тех пор моя подруга: верить счастью —
Ребячье хвастовство и взрослый грех.
Всё вывернет завистливая сила,
Всё подчинит слепым своим законам,

Всё хвастовство, все детские желанья,
Все взрослые бессонные труды,
Всю веру, всю надежду, всю любовь.
Землёй рожден ты — в землю ты уйдешь.
И лучше не гоняться за удачей.
...А Лена мыла золото на камни...

Так что ж, усталый золотодобытчик,
Трудись всю жизнь, намой в своё корытце
Две-три крупинки золота и вспомни,
Что жизнь — прошла. Свело подагрой спину,
Скрутила пальцы каторга земли.
Пусть иногда в ладонь намочит память
Былой огонь любви и детской веры,
И вдруг — талант сверкнёт как самородок,
И сердце-самородок стуком частым
Подарит миру песню и любовь.
Знай: самородок огненный опасен,
Он порождает многие прозренья
И знанья, и мечты о лучшей жизни.
Пусть твой талант всегда лежит в земле.
...А Лена моет золото на камни...

Да и моя забытая подруга
Давно лежит в земле, как самородок,
И просит прах её не беспокоить.
Ведь есть в тайге средь каторжных и ссыльных
Простой закон: где золото — там кровь.

2006

Когда, взрывая тьмы отвес
И душ растерянных основы,
На мир, как свет с ночных небес,
Божественное сходит Слово —

Ему внимают царь Давид,
К струне пророческой склонённый,
И горький Иов в тьме обид,
И в чреве бед земных Иона.

За ним следят за тыщи вёрст
В пустынях Азии с Европой
Из тайников железных гнёзд,
Глаза вращая, телескопы.

И ты, аукая тайгу
У чёрных изб в углу медвежьем,
Запишешь строчку на снегу
И глянешь в синее безбрежье —

А там — сквозь холод звёзд и снег —
Холодным северным сияньем
Горит один огонь на всех
Над потрясённым мирозданьем.

Так ты, поэт, — строкой разя,
В наследство вольных рифм вступая,
Забудь искать во всём себя,
Своей гордыне потакая.

Всему творению родня
Огнём и вечным духом Слова,
Исполнишь общего Огня —
И не ищи огня другого.

2019

Поэт

Возлюбить лопушки и дождями клубящийся мрак,
Свято веровать в Музу, что явно Всевышним ведома,
И за каждую строчку плохую ругать себя так,
Что вскипают все лужи на грязном асфальте у дома.

Обижаться легко. И наивно, легко обижать,
Никого отродясь, кроме собственной лиры, не слыша.
И упорно, уверенно, самоуверенно ждать
Оправдания Неба и экстренной помощи свыше.

И, с друзьями сойдясь, под извечным девизом: «Дерзай!» —
Вместе с мухами пить за Шекспира в задрипанной чайной.
Ради рыжей лахудры мира открывать невзначай,
А потом закрывать ради сивой лахудры случайной.

И в больницу лететь с дорогушим лекарством чуть свет,
Сокрушаясь до звёзд о дружке, потонувшем в стакане:
«Это что ж ты придумал, ведь ты же хороший поэт!
Я ругал тебя зря... Что ж ты разум свой пропил, Мишаня!»

И, себя позабыв, вдруг припомнить весь мир до глубин,
И легко умереть в накатившей строке за другого.
И, смеясь, возражать: «Что там с солнцем наделал Навин?
Ну и что тут за чудо? Подумаешь! Это же слОво!»

И валяться на пляже, уставившись в мокрый песок:
Всё в больничку отнёс — на шашлык и винишко не хватит!
Но и тут отхватить непременною счастья кусок
На горячем, пурпурном, клонящемся к морю закате.

Да!!! Внезапно!!! Прозреть!!!

— О, какой я великий дурак!

То дерзал, то дерзил, то старался потрафить кому-то.
Я же толком не жил! Всё я, Господи, делал не так!
Помоги мне не сдохнуть, нагадив с лихвой и напутав!

И опасную боль осторожно почуять в груди,
Наплевать на неё и подняться навстречу заходу.
Распалённому солнцу устало сказать: «Погоди!» —
И, не видя, шагнуть в помутневшую чёрную воду.

И, себе удивившись, горящим нутром ощутить:
Из тебя изошла непонятная странная сила.
И глядеть, ошалев: передумав с небес уходить,
Над ларьками и пляжем висит неподвижно светило.

В Оптиной пустыни

Солнце Оптиной. Охра и просинь
Среднерусских печальных равнин.
И таинственный старец Амвросий
Смотрит в душу из вечных глубин.

И опять нам, как жизни основы,
Открывает в священной тиши
Тайны вещего русского слова,
Неразгаданной русской души.

Здесь когда-то в страданье вселенском
Гоголь замысел пестовал свой,
В покаянье рыдал Достоевский,
О прощенье молился Толстой.

И любой, прикасавшийся к лире,
Долго видел небесные сны,
Что во всём, совершавшемся в мире,
Виноваты не кто-то, а мы.

Что любой припадал не однажды
К общей чаще побед и скорбей,
Что творит здесь историю каждый
Даже малою мыслью своей.

И повинное русское слово
Загоралось великим огнём,
И несло этот груз — не условно,
А реально — виновно во всём.

А потом, щебетанием птичьим
Разливаясь от света сего,
Побрели мы за отчим величием,
Не узнавши о нём ничего.

Не принявши священного груза,
Потеряли мы дум высоту.

Заболела заблудшая Муза,
Не припавши навеки к Христу.

И за шумом других поколений
Не понять нам из шторма зыбей,
Что твердят нам великие тени
Из отмоленной дали своей.

2024

Берёзовый венок

*Лучшие из древних европейских
бардов носили на головах венки
из берёзовых ветвей.*

Слышу ропот берёз в рокотании струн —
Бьётся в алой траве с Соловьём Гамаюн.
То вскрывается Божьего слова родник —
Гул вулканов и ангелов птичий язык,
То лебёдушка перья роняет свои,
И Бояну Ходына поёт о любви.

Стань с поэтами в круг, если к песне привык.
Пей берёзовый сок! Он развяжет язык.
Здесь читают по азбуке белых стволов
Отглагольные рифмы далёких миров,
И берёзовых рощиц живая слюда
Отражается в рамке земного пруда,
И пегас, после зимней бескормицы тощ,
Одуванчики ест у берёзовых рощ.

Я в берёзовой роще закрою глаза —
Меж стволами плывут голоса, голоса...
Русский терем души, белой Троицы храм —
Только листья и слёзы кипят по стволам!

Это Пушкин поёт о сиянии глаз.
Это Лермонтов демона зрит сквозь Кавказ.

Это плачет Есенин о рощах земли.
Это к Блоку, как музы, летят журавли.
Это Тряпкин из гнёзд выкликает скворцов.
Это спит в соловьином яйце Кузнецов.

Кто от Бога поэт — тот со славой знаком.
Царь поэтов — берёзовым славен венком.
А от славы земной до небесной хвалы
Пролегли лишь берёз голубые стволы,
А от славы небесной до славы земной,
Спрыгнув с белой берёзы, достанешь рукой.

По полям в васильках, по лугам в васильках
Вы идёте в берёзовых лёгких венках.
И свистит соловейко, отбившись от рук:
— У берёзовой музы — берёзовый звук!

2005

* * *

Что за дурь, что за бред, ты великую правду скажи —
Этот глупый поэт не о хлебе насущном хлопочет!
Загребай себе жизнь да весёлые строчки пиши —
Вот и весь его дар. Сам не знает, чего же он хочет!

Он с три короба врёт, в каждой луже любуясь собой.
То лопух воспоёт, то репейник объявит стозвонным,
То консервную банку — поющей под крышкой звездой,
То жар-птицу поймает, а ближе посмотришь — ворона!

Он гребёт свою жизнь, боль и сор превращая в любовь
С голосами старух и мечтами детей на рассвете.
А заметишь ему:

— Люди умные, не прекословь! —
— Ну и что из того! Не умнее же жизни! — ответит.

— Ты б учебник прочёл! Ты б на рынок работать пошёл!
Ведь дурак дураком! — захлебнётся родня в укоризне.
— Не корите меня! Я великую тайну нашёл.
Эти песни — плоды с недоступного Древа Жизни!

Это Древо в раю сторожит от нас Ангел с мечом,
Открывая живым Книги Жизни великое чудо.
Продают те плоды круглый год на торгу нипочём,
А разлит этот рай, как весенние песни — повсюду.

Я однажды купил этот плод за поломанный грош.
Потекло по устам дивным мёдом — багряным и алым.
И узнал я, что плод с Древа Жизни отменно хорош,
Заиграл и запел на всю Землю — а в рот не попало...

2019

* * *

Старый парк пройдем навывлет
Солнцем медленных аллей
Там, где Глинка в бронзе вылит
В роще лип и тополей.

Он смычок взовьёт над нами,
И оркестр мировой
Грянет лёгкими громами
Над сияющей листвою.

Звук могучий! Звук летучий!
Гром сражений, хор планет.
Как лучи в незримой туче,
Грянут музыка и свет.

Мировых энергий токи
В нас падут огнём из тьмы,
И любви смычок высокий
Вдруг услышим сердцем мы.

И очнёмся — вечных двое —
Чуждой волей влюблены.
Что своё в нас? Что чужое?
В чём мы властны и вольны?

И легко ли нам, ликуя
Между гибельных зыбей,

Звук чужой, любовь чужую
Называть судьбой своей?..

2009

* * *

Не вещь в себе — но мир, открытый взорам.
Не смерти знак — звенящий жизнью свет.
Сгущает время гул свой над простором
И тихо превращается в предмет.

Любовь сгущает краски и алеет,
И входит в вещь, даруя имя ей.
И дух парит, и звук высокий веет
Над огненной сущностью вещей.

Не там — в глухих пустотах мирозданья —
Но здесь, где сам ты тайной тайн возник,
Всё бытие — всё солнечное знание,
Вся полнота — вместивший Бога миг.

Течёт огонь. Таится в кедре лира.
Глаголет полночь. Брезжит соловей.
Пренебрегая пресным знанием мира,
Я покоряюсь логике вещей.

2000

Андрей Рублёв.
Спас Вседержитель

Золотое струенье, свеченье,
Отблеск пламени, как от свечи,
Древних красок неясное пенье,
Растворённые в охре лучи.

Бессловесный поток разговора,
Беззакатного неба рассвет,

Этих тайных энергий Фавора
Бьющий в душу слепительный свет.

С молчаливой улыбкою тайной
Светит взгляд среднерусских очей
Мыслью важной, мольбой неслучайной —
Что сквозит и скрывается в ней?

И встаёшь Ты не как Вседержитель
Всех эпох, что взошли на крови,
Как миров молодой небожитель —
Бог таинственной вечной Любви.

Той Любви, что без жалоб выносит
И страданья, и горе, и плен,
И взамен ничего не попросит,
Ничего не желая взамен.

И, сгорая в мученьях безвинных,
Свет Фавора струя на живых,
Растворяется в Отчих глубинах —
Как и всё растворяется в них.

2017

(Маленькая поэма)

Неведомой не называя причины,
Открыто гласит житие Иоанна,
Что, Богом в солёную послан пучину,
Нёс весть о Христе он во тьму океана.

Какие пути и неясные цели
Апостол Глубин открывал перед нами?

---

* *Ихтис (греч. ἰχθύς — рыба) — древняя монограмма имени Иисуса Христа, состоящая из начальных букв слов: Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήης — Иисус Христос Сын Божий Спаситель. Часто изображалась аллегорически — в виде рыбы.*

Но волны, сомкнувшись, над ним зашумели,
И быстрые рыбы плеснули хвостами.

Кого отыскал он в пучинах забытых,
Кто был бы достоин любви и спасенья?
Кому в океане пропел он молитву?
Кому проповедовал свет Воскресенья?

Молчат, овеяв священной дремотой,
Туманные строки преданий старинных.
Но, видно, живёт там неведомый кто-то,
Ведь Бог просто так не пошлёт во глубины!

Не к шустрим же крабам, не к юрким дельфинам?
Но всем, пережившим кораблекрушенье,
Мерещились церкви в поющих глубинах,
И рында* рында** о близком спасенье.

Позвали учёных — пускай и не сразу.
На лодки подводные выдали денег.
Но царств не нашли в глубине водолазы —
И зыбкую тему закрыл академик.

А звёзды сияют в созвездии «Рыбы» —
Был рыбарь*** Христос и ходил с рыбаками.
И в сети всплывают горящие глыбы
Светил — и зелёными бьют плавниками.

Всё жаждет спасенья! Всё ищет спасенья!
Всё ищет Христа и Христовой свободы!
И жгут всепланетною тайной Крещенья
В купели Земли — океанские воды.

Прапамять Земли, растворённая в водах,
Волной океанскою хлещет на сушу.
И бьётся в наушниках SOS мореходов:
«Спаситель, спаси наши грешные души!»

---

* Рында — судовой колокол (устар.), звон судового колокола, отбивающего время.

** Рындать — трясти (древнерусск.), бить рынду, проваливаться ногами в болоте или снегу (диал.).

*** Рыбарь — рыбак (устар.).

А ты, о своих же глубинах не зная,
То свету подвластна, то чёрному горю,
Не ты ли, душа, эта тайна живая —
Душа, глубиною подобная морю?

И в мире, где всё от рожденья едино
И щедро осолено солью морскою,
Не наши ль с Христовою тайной глубины
Крестил Иоанн благодатной рукою?

И славят Христа и безбрежное море,
И город у скал, и над городом птицы,
И звёзды, и воздух в звенящем просторе —
Всё в Божьих глубинах сумело вместиться!

Ведь Сердце Твоё — больше моря и суши,
Христос, Вседержитель планет и Вселенных!
Спаси же, Спаситель, заблудшие души
И верой плесни из времён белопенных!

По Шару Земному пройди облаками
Пасхальным негаснущим красным восходом
В огромном штормящем шальном океане
По любящим волнам и помнящим водам.

А ветер, смеясь, продувает рубаху
И волосы в ярости треплет мгновенной,
И брызжет в лицо океаном с размаху,
И в ноги швыряет солёную пену.

Столетия и звёзды сгорают над нами.
Но, Крест превозмогший и смертную муку,
Проходит воскресший Христос над волнами —
И верящим тянет спасения руку.

2016

Провинция, мечты
моей столица

Андрей Рублёв

На Троицу земля уже согрета,
И, падая с отвесной высоты,
Как три ручья, столбы косога света
Колышут в роще мелкие листья.

А ты, чернец, где мог, искал свой жребий —
Безвестный гений с метой на челе,
Земной тропой скитался, словно в небе,
Тропой небесной шёл, как по земле.

Ты видел здесь — трубу сгоревшей хаты,
В спалённых градах — мёртвые тела.
Ты видел там — бой ангелов крылатых
Над бездной вулканического зла.

Но где нашёл ты синь и охру эту
И дух, такой высокий и святой,
Что ни один из мастеров планеты
По силе не сравняется с тобой?

...Ожжёт роса... Наполнит тяжесть тело...
Лежать в траве и с детской верой знать,
Что хорошо, проснувшись в роще белой,
На Троицу берёзы заломать.

И, слушая, как солнце множит тени,
Как зреет рожь и шепчется листва,
Забыться в триедином постиженьье
Родной земли при свете Божества.

2005

* * *

Родителям

Русской провинции тайна —
В брызгах смородины сад.
Локон сирени случайный,
Синий, как ласточка, взгляд.

Крыши в черёмушных тучах.
В облаке мальв — резеда.
Ворот колодца скрипучий.
В чёрном провале — звезда.

Щедр самоваром гербовым
В солнечном облаке — стол.
— О, проходите, да что вы!
Рады мы всем, кто пришёл.

Кругом семейного лада
Красная спляшет гармонь.
Пустим благуя усладу —
Чашу любви — посолонь.

Свет золотится на лицах,
Сближенных в счастье родства.
Жалует, милует, длится
Праздничный миг торжества.

Кто же назвал тебя — сонной,
Нищей, убогой, больной?
Светел покой, осененный
Древней лесной тишиной.

Свят — у поющих обочин
Сосен и вереска дым.
Зачаровала ты очи
Отрокам тихим твоим.

Зачаровала — движенье
Звёзд — и листвы вертоград.
Смотрит, задумавшись, время
Окнами в яблочный сад.

Тени не движут узоров.
Шмель не колышет ранет.
Солнце земных разговоров.
Русской провинции свет.

Тряхну друзьям лохматой русой гривой.
Стряхну с души смятение и лень.
Пройду вдоль дамб с улыбкою счастливой
Дразнить влюблённых, целовать сирень.

Мелькну в садах забытой юбкой алой.
— О, где вы, дыхатели мои?
Споют мне вслед смущённые гитары,
Засвищут из оврагов соловьи.

Звеня брусчаткой мимо красных башен,
Весёлый бред протопчут каблучки.
Лепниной лир о дождичках вчерашних
Старинные споют особняки.

Скажи, о чём мечтать? Чему дивиться?
Куда деваться в мире от любви?
Провинция, мечты моей столица,
Швырни мне в ноги улочки свои!

2003

Дорогобужские мещане который век живут — не тужат.
Торгуют луком на базаре за просто так и за пятак.
И дядя Паша с дядей Митей пьют самогон из медных кружек,
И тётя Маша с тётей Таней гоняют бешеных собак.

Здесь жил разбойник этак десять веков — до нашего прихода.
Он грабил всех, плывущих в греки
по вольным пастбищам Днепра.

А нынче мятой и укропом засеян воздух в огородах,
И милицейские фуражки швыряет в небо детвора.

Он грабил с пользой: вслед хоромы настырный выстроил купчина.
Здесь было сто церквей со звоном! — Да вот нагрянула война.
И дядя Митя с дядей Пашей дошли до самого Берлина,
И тётя Таня с тётей Машей на хлеб сменяли ордена.

А нынче праздник в этом доме, и на сто ватт сияют свечи.
(А самогонщик — не угонщик, и ты, милиция, остынь!)
В большую жизнь уходят дети. Им говорят: «До новой встречи!»
Да мир чужой — страшной и горше
библейских выжженных пустынь.

И впрямь, что Библия старинна, да мы уже нажили столько
Горчайших опытов — куда там столицам пальмовых деревьев!
Да грусть, как прежде, беспричинна,
и что-то в горле рвётся горько,
И спит озябшая хозяйка, полдня на кухне проревев.

А в телевизоре сопрано поёт о воинских походах,
И в разгулявшемся эфире куют и плавят имена.
И спят разбойники в могилах, и зреет лук на огородах,
И спит, в подушку ткнувшись носом,
вся поднебесная страна.

1989

* * *

Всё, что прожито здесь, и горчит, и свободой ранит,
И с грядущей жизнью так больно и ясно роднит.
И гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.

А в старинном буфете, на штофе с наливкой клубничной,
Отблеск ранней зари слился с бликами поздней зари.
Ты сиди и кури. Так любить эту жизнь неприлично,
Потому что смешно. В общем, ясно. Сиди и кури.

Дорогие мои, я прошу — продержитесь подольше,
Проживите побольше на этой весёлой земле.
Пусть в прихожей смеётся залётной судьбы колокольчик
И глазунья шипит на тяжёлом дубовом столе.

Это просто, как жизнь. Надо только поверить: ты — вечен!
И любить эту землю и этих небес полыню.
И отступится зло. И окажутся долгими встречи.
И обиды и ложь не польстятся на душу твою.

Так сойдёмся же в круг и степенно беседу затынем
Всё о том же — о том, что нас больно и ясно роднит.
Пусть гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.

1987

* * *

Елене Устиновой

Надену сарафанчик продувной.
Качну качели в неподвижных звёздах.
Смешает ветер волосы с листвою,
И месяц раскачается в берёзах.

Всплывут со дна кувшинок огоньки
Огнём любви и ревности забытой.
Спою, взлетев над омутом реки,
О вечной страсти дерзко и открыто.

О том, что в несговорчивом миру
Любовь случайна и беда случайна —
Летит рубахой белой на ветру
Русалочья невызнанная тайна.

А за листвою горит случайный взгляд,
Неся с собой обиды и напасти.
Но зреет в сердце алых яблок сад,
Сжигают душу грозы зрелой страсти.

И девушки на дачах у реки
Пюют о женском счастье и позоре.
Горят земных трагедий огоньки.
Колышут ивы ветками о горе.

А девушки плетут к цветку цветок
Из слов забытых и сердец разбитых,
И белых одуванчиков венки
Теряет пух по скошенным орбитам...

2009

Полегли до земли золотые шары.
В палисадниках листьев желтеющих дрожь.
Запоздалая осень пришла во дворы,
И шумит за окошком назойливый дождь.

Но из бездны другой эта бездна видней,
Эта память страшней и сильней во сто крат.
В золотистых соцветьях седой соловей
Зарыдал-засвистал над гнездовьем утрат.

Вы мне не дали хлеба и не дали жить,
В жадной спеси желаний весь мир захватив.
Но стремится любовью миры покорить
Этой песенки неприхотливый мотив.

Как жила я, чтоб выжить? Да в этом ли суть?
Этой драмы простые слова не про вас.
Только жалко — что юность уже не вернуть.
Жаль — стареющих слов медоносный запас.

Но всегда и повсюду была я собой,
Не прося у судьбы: «Быть собой разреши!»
И за толику счастья в пучине земной
Я не продала ясность простую души.

Я не продала голос и пламя высот,
И цветы на столе, и печаль на челе.
Пусть мгновенный успех поднимает и жжёт —
Есть важнее любовь — к разорённой земле.

Ну а вам, научившимся грабить и рвать,
Я скажу, как умею, из бездны своей:
Научитесь любить, научитесь прощать
И над прошлым рыдать, как в цветах соловей.

2006

Рогнеда

Умчались по санному следу
Отец твой убитый и брат.
Тыходишь в преданье, Рогнеда,
В кровавой рубахе до пят.

Текут твои древние слёзы
На алые нитки шитья.
А воздух — сухой и морозный.
А свет — из глубин бытия.

Недолгая жизнь твоя — пытка,
А слёзы по-бабьи горьки,
И вьётся судьба, словно нитка,
По краю волчиной дохи.

И теменью смотрит светлица
В твою волконравную ночь.
Ты мужу бросаешь: «Убийца!»
И просишь родного — помочь.

Не знаешь ты, как ты простила
Всё то, что творили с тобой —
Знать, бабья дремучая сила
Стояла весь век над судьбой.

Знать, что-то, что злее гордыни,
С рождения тлело в крови —
Ведь сердце от ужаса стынет,
А губы поют о любви.

Гори же сильней, Горислава!
Ведь в имени горьком твоём
Повенчаны горе со славой
Сжигающим в пепел огнём.

Повенчаны слёзы и звёзды,
И в чёрной пучине — ладья,

И воздух — сухой и морозный,
И свет — из глубин бытия.

1998

* * *

Айсберг, Россия!
Ни белые шкуры полярных медведей твоих,
ни ледоколов зелёные волчьи глаза,
ни Аввакумов опальных пути на санях,
ни потаённых острогов подводные льды
не объяснят, что такое Россия в мороз.

Вмёрзли мы в жгучее пламя —
а пламя в мороз
ясно звенит, как застывший калёный металл.
Вмёрзли в огромное солнце —
а солнце в мороз
красное, жаркое, как на кормушке снегирь.
Вмёрзли в далекие звёзды —
а звёзды в мороз
круглые, глупые, как прошлогодний горох.

Айсберг, Россия!
Твой воздух замёрз, как кристалл.
Вмёрзли мы в сердце —
а сердце России в мороз —
вечный ребёнок, летящий на санках с горы.
Из-под полозьев взметается вихрями снег!
Сладко и страшно!
И — падаешь в жгучий сугроб.
Замерло сердце.
Удар пропустило.
Потом
тихо разжалось и медленно стукнуло в грудь.
Айсберг, Россия!
А в сердце — восторг и огонь!

2021

Не шуба да цепи — буранная тьма
Согреет мехов горячей.
Двуперстием крестит округу зима
Морозовой грозной с саней.

Заточено солнце в колодец зимы,
Где каждый — спасёт и предаст.
А Суриков пишет лазурью дымы
Печные. И суриком — наст.

По снегу мазками — хребтины домов
В проулочках. А надо всем —
Как пятна, плывут подмалёвки миров,
Наброски непознанных тем.

Сиянье проросших сквозь вьюгу Стожар —
Как пламя раскольной чумы.
И снова сжигающий холод и жар
Сливаются в сердце зимы.

Пляши-хохочи над порубами льда,
Своё пролистнув житие.
Где жизнь невозможна по сути — всегда
Вступает в права бытие.

И крикнув, что всё от рождения знал,
А душу не продал зазря,
Юродивый смотрит в морозный провал
Столетий — глазами царя.

2021

Меняются тревожные картины
Столиц, морей, роящихся светил.
Земную жизнь пройдя до половины,
Стою в лесу, как Данте говорил.

Но в тридцать лет овражки и низины
Уже зовут неведомо куда,
И еле слышно рвётся пуповина
С землёй разлук и рабского труда.

И я уже ищу в разливе птичьем
Не эха, чтоб кружилась голова,
И не крутую живопись отличий,
А признаки духовного родства.

Что в остром зренье, знающем детали
Бесчисленных коряжин и осок?
Век изменился, а глаза устали,
И только сон по-прежнему высок.

Пусть птицы мне щебечут: «Что ты! Что ты!»
Я говорю им: «Ближние мои,
Нет у меня ни веры, ни работы,
Ни счастья, ни удачи, ни семьи.

Я так уже свободна от земного,
Отдумав думы, отлюбив любовь,
Что я могла б вполне родиться снова.
Да стоит ли рождаться вновь и вновь?»

1989

Дом стонал и скрипел, чёрной глыбой сползая в овраг,
Ивы гнулись сильнее, тени шли по земле всё угрюмей,
И летучие мыши сквозь окна, покинув чердак,
Вылетали во тьму, посылая неведомый зуммер.

В дебрях ив и крапив, бросив игры простые свои,
Мы следили детьми за великою тайной загадкой —
Как пластался во тьме и творился в неясной любви
Вечный хаос ночной, называемый древним порядком.

Что за сила нас всех на пустырь позабытый вела?
Но взвивалась та тварь, ни на что на земле не похожа,

В темноте распластав перепончатый парус крыла —
И радар ультразвука струился ознобом по коже.

И огромная ночь из невнятных чужих голосов
Без названий и слов, наплывая живою лавиной,
Под шуршание крон и мерцание звёздных часов
Под крылом собирала распавшийся мир воедино.

Я окликну себя: ты в своём ли, подруга, уме,
Чтоб следить, не дыша, за неведомой нечистью этой?
Или ночь, что в тебе, затаясь, откликается тьме,
Как и день, что в тебе, не таясь, откликается свету?

Я себе прикажу: древних истин напрасно не тронь,
Но глаза отведи и пройди с осторожностью мимо!
Не твоя ли душа выбирает и свет, и огонь,
По пучинам миров непонятною мыслью водима?

И себя обрекает по собственной воле своей
Вечно жить и любить, как от века завещано это,
Или вечно идти через морок смертей и скорбей,
Откликаясь на ночь —
и душой отрекаясь от света?

2015

* * *

Жужжит простор. Качается земля.
Полёт живёт отдельно от шмеля.

И быстrokрылый запах лепестка
Звенит полям отдельно от цветка.

И тёплый дождь, что снизу вверх течёт,
Не на земле, а в облаке живёт.

Так, мудростью Своей спускаясь к нам,
Бог открывает путь к другим мирам.

2009

— Как дела?

— Как дела? Ерундовы дела.

— Очень жаль. Но сегодня сирень расцвела.
Смотрит в мир, словно в небо зимой полынья.
Всё пройдёт. Всё вернётся на круги своя.

Помню: лампа качнулась, дрожало окно.
Он ушёл. Всё так близко, хоть было давно.
В камень лестницы чётко впечаталась тень.
Ночь прошла. А к утру распустилась сирень.

И с высоких подмостков своих двадцати
Я кляла её: как ты могла расцвести?
Взбить свой локон посмела — лиловую прядь.
Ты должна была сгинуть, засохнуть, увясть!

Успокойтесь! Уймитесь! Ну что за народ!
Всё пройдёт.

— Это точно?

— Конечно, пройдёт.

Всё пройдет. Мы уйдём. И уйдёт наша тень.
Но к утру во дворе забуянит сирень.

1978

Алексиню

В. О.

Возьми мою руку. Я нынче играю впервой.
Мне нравятся скачки. Мне нравится конь вороной.

Мне нравится ветер. И сердце от счастья болит.
И к финишу первым летит молодой фаворит.

Какой же ты умный, какой же ты чудный скворец —
Беспечный художник, заштатных пейзажей творец,

Маратель портретов, писатель великих болот.
(Не будем об этом! Нам нынче и правда везёт!)

Сгоришь ты и сгинешь в безжалостном чёрном году
На койке больничной, миры позабывши в бреду.

Друзья повздыхают: с судьбою не справился ты!
Знобящею рощею время осыплет холсты.

Но что-то изранит и болью возьмёт на излом
В несбывшемся даре — высоком угаре твоём.

Старинное право — беда неизбытой любви?
Залетушка-слава — холсты золотые твои?

Весёлым азартом звенящее лезвие дня?
(Не думай о завтра! Сегодня — смотри на меня!)

...Гляжу я с испугом, как пляшет под ветром-дугой,
Как резво по кругу проходит скакун молодой.

Косит его око. Вспотевшие ходят бока.
А в небе высоком плывут и плывут облака.

Плывут, золотые, а вещь сердце болит:
У финишной кромки упал вороной фаворит.

1997

* * *

— Ой, какой ангел с гитарой!
— Это не ангел, это амур.
— А чем ангел от амура отличается?
— А тем и отличается, что один с гитарой,
а другой без гитары.

Из разговора

Июль лишь начался, и времени до чёрта,
И пахнет тиною сырой от лодки старой.
А в ней сидят они в джинсах своих потёртых —
Амур с гитарою и ангел без гитары.

Но, устав от себя, я никак не пойму
На дороге брошенной старой:
Почему ты, Россия, уходишь во тьму
В миг, когда зажигаются фары?

Вихрем давнего бала плывёшь в темноте,
Вещим вальсом роялей старинных,
Недоступная с детства слепившей мечте,
Затаившись от нас — во глубинах?

И, как робкие дети крестьян крепостных,
Прячась в буйных репьях и сиренях,
Вновь мы смотрим из тьмы лихолетий других
На давно отгоревшие тени.

Брось твердить понапрасну, что предки твои
В грабеже и беде неповинны —
Всех связала судьба разоренной земли
Общей карою, как пуповиной.

И уставши за жизнь безответно любить
Тлен и сумрак дворянского сада,
На угрюмое чьё-то: «Не восстановить!» —
Брось заученно лгать: «И не надо!»

Что тебе — эти тени и мох на стене
И летящий пожаром сквозь пепел
Белый флигель и девичий профиль в окне —
Морок прожитых великолепий?

Старый флигель отстроен и вновь разорен —
Снова брошена сельская школа.
Но в репьях и сиренях у белых колонн
Слышен голос Наташи Ростовской.

И так чист этот голос, что слёзы из глаз
Льются в полночь и горькую пустошь.
Ибо знаешь: родных никогда не предаст
И чужих в свои дали — не пустит.

Сирень

Мигнёт в листве лиловой влагой пенной,
Коснётся мерным трепетом лица —
Как будто гроздь медленных вселенных
На свет продрогли из руки Творца...

В ней всё другое: царственная дрема,
Прохладных снов таинственный запас.
Поёт сирень безбрежная у дома
И вновь с ума надеждой сводит нас.

И что других миров манящий разум,
Когда в прогретый солнцем час земной
Такая пропасть, видимая глазу,
Такая бездна меж тобой и мной.

А мне, застывшей в собственном сознание
Среди страстей и судеб мировых,
Так надо видеть свет другого знания
И понимать наречья малых сих.

Здесь всё цветёт, и свищет, и роится,
Исходит светом, плещется дождём.
Лишь человек тоскует и гордится
В безмерном одиночестве своём.

2012

Стриж

Ты над крышами трепещешь,
Ты над облаком паришь.
Всё ты знаешь сердцем вещим,
Всё ты славишь песней вешней,
Мой весёлый вольный стриж.

Да и сами мы летаем,
Гулкой сталью небо рвём.
Всё мы вещим сердцем знаем,
Всё мы вечной песней славим,
Только жизни не поймём.

У тебя лоснится спинка.
Ты с округой вольной слит.
И звезды ночной личинка,
Как дождинка, как соринка,
В клюве маленьком дрожит.

Вольным утром, вечным маем
Насвищи мне, жизнь моя,
Что мы раем называем?
Почему мы умираем
В вешних рощах бытия?

И зачем нужны нам знанья,
Не пригодные в борьбе,
Где за пылом созиданья —
Нет любви и состраданья
Ни к тебе и ни к себе.

Ну так что же — подытожим,
Покачаем головой:
Свод небесный — ненадёжен.
Путь — ошибочный проложен.
Да и что создать мы можем
Этой слабою рукой?

1987

Лашпага Ильи Муромца

Догорел у киота огарок свечи.
Развалилось крыльцо. Прохудилась бадья.
Тридцать лет и три года сидел на печи
Хворый костью и телом болящий Илья.

Старый дом по макушку в сугробины врос.
А в округе — раздолье ворью и зверью!
Но снегами прошёл мимо хаты Христос —
И помиловал нищего духом Илью.

— Ты с запечка слезай-ка, Илья, своего,
Повоюй за Христа, род спасая людской! —
И вошла в него сила — сильнее всего,
Что на снежной Руси рождено под луной.

Встал Илья воевать — во всю удаль и ширь —
За Христовую Русь — исцелённый Христом.
Тот, кто *Богом* богат — на Руси *богатырь*
С харалужным мечом и червонным крестом.

Оседлает коня да взмахнет булавой —
Все вражины в сугробах лежат на версту.
Но с понурой бредёт богатырь головой,
И смертельно тоскует Илья по Христу:

— Эти горе-враги не сильнее овцы!
Меч их рубит — а сердце скорбит о другом.
Исцелённый Христом — я пойду в чернецы
Воевать со страстями — крестом и постом!

Даже силушка Божья — без Бога пуста!
Станет ржавью мой меч. Станет прахом мой конь.
Но зажгу я лампаду от Света Христа,
Чтобы цвёл над снегами бессмертный огонь!

Ты отведаешь, Родина, горя и слёз.
Враг посевы затопчет и храмы спалит.
Но пройдёт мимо нищенской хаты Христос —
И великою силой тебя напоит!

Ланна Гагарина

Бродит смерть по военным дорогам.
Пахнет кровью в колодцах вода.
Догорает в землянке убогой
Керосиновой лампы звезда.

Над темнеющим Клушиным небо —
В чётких фарах немецких машин.
Над краюхою чёрствого хлеба
Плачет мальчик — Гагариных сын.

Он убогий фитиль керосинный
Выдвигает и стёклышко трёт,
И рассвет в его лампе старинной
Загорается, рдеет, растёт.

И великий огонь Аладдина
В мир выводит из творческой тьмы
Звёздный космос, плывущий лавиной
Над фронтами военной зимы.

Спешно сходят на помощь солдатам
Силы Неба со звёздных орбит,
И Земля, как мерцающий атом,
За Победою к Солнцу летит.

В быстрой вспышке немецкой ракеты
Жерла танков ревут в никуда,
Что пределов для подвига нету:
«Я — Восток! Отзовись мне — Звезда!»

А в святых, чужедальних, венчальных
Снах — нельзя навсегда умереть.
И Сатурн над колодцем печальным
Всё горит и не может сгореть.

И вминают, буксуя, машины
Звёзды в грязь, вдоль воронок руля,

Чтобы стали однажды едины
Древний Космос и наша Земля.

2009

* * *

Флюгер на башне, в кармане репей,
Голуби в туче — мои!
«Красный ручей» и «Зеленый ручей».
Улицы — тоже ручьи.

С чёрной пластинки слетает «Варяг».
— Вовка и Ленка, за мной!
Древней брусчаткой сбегая в овраг
За крепостною стеной.

Хохот отца сквозь пластинку — играй!
Звон материнских одежд.
Как ты наивен, доверчивый май
В яблоньках русских надежд!

Мир просиял нам в солдатской мечте,
Смерть победившей и тлен.
Дай же приникнуть к святой простоте
Этих незыблемых стен!

...Нищ тот солдат, перешедший за Рейн, —
Старый седой инвалид.
А над мечтами своих матерей
Плачем мы ночью навзрыд.

Родина гибнет в жестоких боях.
Пахнет предательством ночь.
Дети солдат, одолевших Рейхстаг,
Мы не смогли ей помочь.

Но о Победе поют всё сильнее
В майских ночах соловьи.
...«Красный ручей» и «Зеленый ручей».
Улицы — тоже ручьи...

2003

* * *

Родителям

Кто посмеет меня обогнать-перегнать?
Я бодаюсь с великой горой.
Ах вы, санки-салазки, разбойная статья,
Острый полоз, снежок под рукой!

Мама в шубке-боярышне тропкой бежит
К папе в школу — на первый урок.
А у чёрных бараков солдат-инвалид
Сел с гармошкой на снежный порог.

Над холмами горят снегири-купола.
Льнёт к заснеженной крепости лес.
А в церквах разорённых — щебёнка и мгла,
И на фресках — глаза в полнебес.

Бьются в заверти снежной другие миры.
Я от жути кричу: «Ух ты ух!»
Я лечу над Россией с высокой горы —
Захватило от вечности дух!

Вслед мальчишки на гильзах немецких свистят,
Как в военных снегах соловьи.
А родители в парке морозном стоят
И кричат мне, кричат о любви!

И я тоже кричу с занесённых вершин,
Что я их не забуду вовек,
И в глазах моих крутятся в мареве зим
Церкви, крепость, деревья и снег.

И слагаем мы были Победы святой
Над заснеженной древней горой,
Даже в мыслях не зная отчизны другой
И не веря беде роковой.

Я в крови сохраню ту любовь и мечту,
И на смертных очнувшись санех*.
...А родители ловят меня на лету —
И толкают в смеющийся снег!..

2007

* * *

Пойдёт снегопад. С колокольни зимы позабытой
Ударит звонарь. Над проулками вспыхнут огни.
Прости мне печали и позднюю ложь, и обиды,
Согрей мою жизнь и от вечной пурги сохрани.

Всё горше морозы. И зимы всё круче и круче.
Горят на деревьях кристаллы метельные снов.
Спаси нас, Христос, сохрани нас, завидная участь
Во всём добираться до ясных морозных основ.

Я шубку надену и шаль расписную достану.
Над солнцем крестов закачаются ветры, свистя.
Я свечку зажгу и себя позабуду, и стану
В снегу у церквушки молиться за всех и за вся.

Пусть выживет пёс, что скулит в конуре у колодца.
Пусть бабке у печки засветит неведомый свет.
Пусть путник с пути в снеговое времён не собьётся.
Пусть музу прощенья услышит в буране поэт.

Пусть робкий малыш, ковыляющий с санками в тучи,
Дойдёт до вершины и катит с горы, хохоча.
Пусть женщине юной приснится любимый и лучший,
И ангел метели задышит тепло у плеча.

Летят с колоколен морозные звуки и зимы,
Лютей и лютей перепутицы календаря.
А всё ж мы любили, и выжить на свете смогли мы,
И вечную нежность хранили в метели не зря.

2010

---

* *Сидя на санех (древнерусск.) — отправляясь в последнюю смертную дорогу. Устойчивое выражение, бытовавшее в Древней Руси. Встречается в «Поучении Владимира Мономаха» и других памятниках древнерусской литературы.*

Русская тройка с разбегом.
Град в рукавике зимы.
Белые церкви под снегом.
В мареве вьюжном — холмы.

Ходит святитель Никола
В лисьем тулупе с каймой.
Днепр под льдиной тяжёлой
Белой ревет глубиной.

Скрылись в пурге за рекою
Снежные крыши и сад.
Тысячу лет над землёю
Тихий плывет снегопад.

Выросли дети и внуки.
Деда почили в земле.
Снова разрезали руки
Хлеб на тяжелом столе.

Как занесло нас снегами!
Выше крылечек и крыш!
Может, мы канули сами
В новозаветную тишь?

Может, в пурге изначальной,
В холоде без перемен,
Дан колокольчик печальный
Вольному счастью взамен?

Кони — то шагом, то бегом.
Град в рукавике зимы.
Белые церкви под снегом.
В мареве вьюжном — холмы.

2003

Ночь да ночь без конца и исхода.
Снег сотру рукавицей с лица.
Пропадай, моя мать свобода,
Нищ тулупчик — а стой до конца!

Неба млечный вращается ворот
Над дрожащим во тьме огоньком.
Спит под древними крышами город,
Занесённый по трубы снежком.

Кто заехал в твои палестины?
Вор? Заезжий купец? Всё равно.
Затерявшись в метели единой,
Всё прошло навсегда и давно.

Замело наши избы и тропы
Вечной вьюгой, сводящей с ума.
И на вёрсты до самой Европы
Над сугробами звёзды и тьма.

Вмёрзли в воздух молитвы и звоны
Узких улиц и белых церквей.
Позабыли мы божьи законы
В благодати морозной своей.

Крикнет путник — ему с недоверьем
Сыпанёт по глазам снегопад:
Не стучись в заметённые двери!
Ты прошёл сто столетий назад!

Не пытай: это Гжатск или Велиж?
Мёд иль вьюга течёт по усам?
Молвишь честно — во что же ты веришь,
Мир ответит тебе — кто ты сам.

2009

Сугробы и крыши — в сумбуре нахлынувших строк.
Припомнить не лишне, в какой ты попал уголок!

Аукает Устюг, Смоленску поёт Чухлома,
И снова антоновкой русская пахнет зима.

И солнце-снегирик чирикает с ветки: чуть свет —
Несёт почтальонша нечитанный ворох газет.

Примёрзшей луною блестит из снегов полынья.
И трубы дымятся. И запах идёт от жилья.

Электрик залезет на крышу чинить провода —
А в небе над школой горит Вифлеема звезда.

А дальше — за школой — церквушка, фонарик-ларёк,
С горы по Советской грохочет трамвай-огонёк,

И юный учитель шагает сквозь двор проходной
К жарынь-несмеяне — герани за рамой двойной.

В днепровской протоке звенят «никогда» и «всегда».
А вечность не сложишь, как ты ни мудри, изо льда.

Что ж, вечность не сложишь, так вечно невечным живи!
Ты вечность не сложишь, но сложишь признание в любви!

К мгновенности жизни, в буране таящей беду.
К замёрзшей отчизне — теплынь-рукавичке на льду.

К загадке извечной — привычной судьбине на всех,
Где празднуют встречи. И в городе падает снег.

Гитара

1

Дышат кони белым паром.
Бьёт в лицо снежок.
Хороша твоя гитара —
Строй старинных строк.

Отверни медвежью полость.
О любви запой.
Даль на звоны раскололась,
Ой да под дугой!

А в зрачке я вижу — ревность,
Холод злых обид.
А в зрачке я вижу — ярость,
Тёмной страсти стыд.

Страх ненужных оскорблений,
Новой веры страх,
Страх внезапного паденья
В пристальных глазах.

Страх сраженья и победы,
Прошлого — вверх дном.
Страх полуночной беседы
О тебе самом.

2

Бери — все проспекты столицы,
Всех струн золотистую медь
За старое счастье — влюбиться,
За вечное счастье — лететь.

Ведь в городе этом старинном,
Где церкви о прошлом звонят,
Весёлые пьяные зимы
Которую вечность стоят!

Прощу за влюблённость подругу,
Старинным романсом пьяна.
Пущу по шумящему кругу
Тяжелую чашку вина.

— Ямщик! За весёлую нежность
Последнего лишка — не пей!
Хлебни — и гони в неизбежность
По снежному насту — коней.

2004

* * *

В кварталах — иней. В подворотнях — мгла.
Терпи! Терпи! До тайных слёз, до пота.
Ты для любви и муки в мир пришла —
Исправить грех и вечность заработать.

Завёз трамвай за тридевять земель.
В проулке тёмной страсти — дай мне руку!
Я счастьем не зову везенья хмель.
Я не зову несчастьем сердца муку.

Мне разум шепчет: «Позабудь и брось!»
Но есть во мне высокая свобода.
Прощаю миру всё, что не сбылось.
Ищу и в безысходности исхода.

2009

* * *

Ранним утром Христу причаститься —
Как взойти на высокий порог.
Тихо-тихо над Чашей склониться
И увидеть, что в Чаше той — Бог.

И, сознания раздвинув пределы,
Косность сонной души побороть,
Всё огромное тварное тело
Умеща в ничтожную плоть.

Стать причастной — кометам и водам,
Львицам в клетках, ромашкам в пыли,
Соловьям последней свободы
Надо рвами убитой земли.

Небоскрёбам и трубам, ревушим
Над тайфунами гибнущих дней.
Адским безднам и ангельским кушам —
Полноте и печали Твоей.

А потом, к безначальным основам
Обратившись в бессонной мольбе,
Отказаться от мира, и снова
Всей душой — повернуться к Тебе:

Есть лишь Ты без конца и без края —
Свет Любви за чертой естества,
Там, где ангелов тьмы замирают
И молчат потрясенно слова.

2012

* * *

Протоиерею Алексию Петрищенкову

Поют сквозь годы и житейский мрак
Два Сирина — Ефрем и Исаак.

Когда печаль и на душе темно,
И снег летит в замёрзшее окно,
А ты твердишь в неверный зыбкий свет:
— Помилуй Бог, бывлой России нет!
И нет путей, и нет бывлых друзей,
И нету жизни минувшей твоей. —

Опять поют и грудками горят
Два сирина — два райских снегиря.

О вере, о терпенье, о Любви,
О храме Бога на святой крови,
О том, что для любви важней всего
Не осуждать собрата своего.

Слепой фонарь качается во мгле.
Да разве так возможно на земле?
Увы мне, век не тот, не тот расклад,
Седое время не течёт назад,
И в драме мировой из года в год
Совсем другой сюжета поворот.

Вселенский снег. Кромешный неуют.
Но дунет вихрь — и вновь они поют!

...Два снегиря за белою горой
В сирийском сне над Русью вековой...

И как понять, поверив этим снам —
Что нужно нам, чего не нужно нам,
И что нам всем в крутой пурге дорог
Завещанные Родина и Бог?

Душа продрогла на краю времён,
Но снится ей морозный вещий сон —
Среди рябин над безднами скорбей
Две русских птицы в инее ветвей...

2012

Глагол*

Речь звенела лесам и дорогам —
Древнерусская вербная песнь! —
Тихим именем кроткого Бога
Утверждая стократно: «Аз — есмь!»

И звучал тот глагол величальный,
Как пасхальный торжественный звон,
Как таинственный голос венчальный
В полной радуге Божьих Имен.

Суший, Сый, Существующий вечно!
Как вернуться на круги своя?
Вместе с частью торжественной речи
Мы утратили часть бытия.

Мы утратили в смуте словесной
Тайну жизни, посмевши забыть:
Чтоб подняться на Крест и воскреснуть —
Нужно в каждом дыхании — быть.

Горячо, покаянно и строго,
Как пасхальную древнюю весть,
Славя имя Трисветлого Бога,
Каждый миг выдыхаю: «Я — есть!»

2008

Встану — особою статью.
Снегу подставлю лицо.
В летнем кружащемся платье
Выйду в пургу на крыльцо.

---

* В древнерусском и старославянском языках существовал служебный глагол «быти», который впоследствии почти перестал употребляться в настоящем времени. Раньше говорилось: «Аз есмь человек», теперь говорится: «Я человек». Упуская этот глагол, мы неосознанно перестаем славить Бога и утверждать свою укорененность в бытии.

В чём я вольна и повинна?
В неопалимой любви?
Ой вы, мои георгины,
Поздние флоксы мои!

Страсть ли моя роковая
Поздней тоскою корит?
Свечка ль моя золотая
В ранней метели горит?

Вытяну смуглую руку.
Взглядом сверкну сквозь пургу.
Знаю я эту науку —
Волю цвести на снегу!

Вещее сердце забудётся,
Споря с холодной судьбой.
Снег в волосах засмеётся —
Вестью о встрече с тобой.

Вихрь налетит и закружит —
Белый безличный поток.
Кликну, охрипнув от стужи,
Каждый листок и цветок.

Выхвачу вас из-под вьюги —
Льдины соцветий в горсти —
Позднее солнце окружи,
Всё, что возможно спасти.

2001

* * *

Продрогшие дали. Дрожащая зыбка вода.
Камыш и осока. Во всём ощущенье тревоги.
Две белые цапли, застывши у кромки пруда,
Дрожат, поднимая над ряскою длинные ноги.

Замусорен пруд. И вдоль берега грудой лежат
Валежника кучи. За рощею — старые дачи.

И стаей берёзы в пруду длинноного дрожат,
Как белые цапли, в воде отражаясь стоячей.

Как будто разверзлась в другие пространства вода —
И мир перевернутый в омота жерле полощет.
И смотрят туда — до озноба известно, куда —
У кромки прудов на пороге застывшие рощи.

Я цаплей брожу по округе, подняв воротник.
И холодно в мире, и зябко, и знобко, и сиро.
И мается дух, потому что ещё не привык
К словам без ответа в сплошном одиночестве мира.

И вы улетели, мои дорогие друзья
Доверчивой юности, солнцем прогретой округи.
И вы улетели, рассеянным взглядом скользя
По долам и далям, мои дорогие подруги!

И кажется вновь — оторвёшь на мгновение взгляд —
Взлетят эти дали, а после не выплачешь слёзы,
А следом за ними поднимутся и улетят
Как белые цапли, замёрзшие эти берёзы.

2018

* * *

В черничнике — личинки и жуки.
Замшелых сосен треск вдоль косогоров.
— Ау! — кричат за рощей грибники.
В лесах красным-красно от мухоморов.

Беспечный дачник пнёт ногой — не жаль!
Да и куда их, алых и бесстыжих?
Ау, ау, зачем опять печаль
Стоит лосихой в соснах медно-рыжих?

Мне кажется, что жизнь не удалась.
Но я не знаю, как мне обозначить,
К чему я, позабыв себя, рвалась,
И что я понимаю под удачей.

И почему не светлый лес грибной
Меня влечёт, не лось в стене тумана:
Восходит солнце за моей спиной —
И светится поганая поляна.

1987

* * *

Пока ещё силы, и счастье, и молодость с нами,
А дома сидеть среди лета без дел не с руки,
Корзины возьмём и махнём на денёк за грибами,
Поскольку мы с папой — до тайных глубин грибники.

В траве — сыроежки, в листве на опушке — волнушки,
Во мху подберёзовик — древний раскисший старик.
В кустах мухоморчик с улиткой на красной макушке.
Но главное... главное — это найти боровик.

Во мху он таится, в черничнике, в лиственной прели,
Под папортом буйным, раскинувшим листья в траве.
А голову вскинешь — качаются сосны и ели
В огромной, плывущей бог знает куда синеве.

Грибная охота — великая страсть и наука!
А вот он и белый — раздвину руками листву.
И мы потеряемся в соснах и будем аукать
Друг друга сквозь чащу протяжно и долго: «Ау!»

И выйдем из леса, и сядем на кочки устало.
А в полных корзинах, покрытых душистой травой,
Маслята и грузди, крепыш подосиновик алый,
И белые — белые! — счастье охоты грибной.

А тут, на опушке — такие большие просторы!
За роцей и лесом в бурьяне дороги пылят.
И дикою мятойрастают в закат косогоры.
И клевером красным алеет к закату земля.

И долго мы будем смотреть в неоглядные дали,
Травинки жевать под таинственный гомон лесной

И родину слушать в приливе любви и печали
Под звон паутин, пролетающих над головой.

И мы растворимся в глубинах, в седилах, в просторах,
В звенящем леске, в иван-чаях, в густоющей траве,
В горюшках, холмушках, полях, клеверах, косогорах —
В дымящейся солнцем седых паутин синеве.

Корзины оттянут привычную тяжестью руки,
И солнце коричневой шляпкою сядет в траву.
А эхо вернется из леса — искать и аукать
Протяжно и долго над полем и лесом: «Ау!!!»

2016

* * *

У леса луна в изголовье.
Чуть видится поле.
Крапивой хлестнёт, как любовью —
Внезапно и больно.

Зелёная заросль густая
До слёз, до болезни
И жжётся, и не отпускает.
Ну надо ж — залезла!

Шарахнешься в сумрак солёный.
Умолкнет кузнечик.
Весёлою, злою, зелёной
Всё хлещет и хлещет.

И белым крошечным пожаром
И ноги, и руки.
Любовь? Да не стоит, пожалуй.
На что эти муки?

1982

Разъярившейся бурей могучей
Над скамейкой у сгнивших ворот
Заклубится сирень, словно туча,
И затащит собой небосвод.

И из хлещущей тьмы многопенной,
Громом Божию правду творя,
Из сиреневых далей вселенной
Загрохочет пророк Илия.

Сыпанёт дождевым озареньем
На промокших пионов кусты,
Брызнет молнией — и на мгновенье
Мир появится из темноты.

Светом выхватит четко с излишком
Сад, сараи, крапиву, осот,
Ибо мир — лишь мгновение, вспышка
Перед горним гореньем высот.

Ибо сам ты — лишь вспышка сознания,
Умный свет, озаряющий лбы,
Сгусток воли и выплеск дерзання
Под грохочущим ливнем судьбы.

Всполох молнии в сумерках сада.
Смерч, сшибающий туч корабли.
Голос Неба, где Божия правда
Не сливается с правдой земли.

2013

Чтобы измерить тяжесть детских слёз —
Найду ли в мире меры и весы?
Мы с бабушкой бродили вдоль берёз
У железнодорожной полосы.

Как два ребенка тихих — стар и мал —
Глаза раскрыв, впивали белый свет,
И мир нам травы щедро называл
И стрекозы чертил прозрачный след.

Даль под певучей тучею цвела.
Рос боровик. Гремел весёлый гром.
Но бабушка однажды умерла,
А рощу порубили топором.

Чиновник проявил ненужный пыл,
Или деревьям старым вышел срок —
Но красным полыхал и алым плыл
На белых пнях застывший лавой сок.

Идут на землю за весной весна,
Но та весна мне снится вновь и вновь —
Узнала я, что кровь берёз красна
И горяча, как человечья кровь.

Ведь остро чует наше естество
В лесах, сквозных от крон и до корней,
Берёз и душ исконное родство —
А разве что-то может быть сильнее?

И родина, завещанная нам —
Священный узел кровяных систем,
Где кровь людей стекает по корням
И кровь берёз струёю бьёт из вен.

Прощай же, чудо — свет и волшебство
Людей и рощ — прозрачных детских тем.
Я свято помню кровное родство,
Которое не заменить ничем.

2013

* * *

Над могилою папы — молчание льдин.
Без тебя одиноко в вечернем дому.

Но родился один и ушёл ты один,
И не знает душа, то ли в свет, то ли в тьму.

И не знает душа, как ты будешь один
В этих жутких просторах нездешних миров
С тихим сердцем и пеплом солдатских седин,
С добротой, не просившей себе ничего.

С этой кроткой любовью без мелочных фраз,
С молчаливой мужскою надёжностью дел.
Отдавая солдату последний приказ,
Сотвори ему, Боже, счастливый удел.

Просыпаясь, шепчу: «Не случилось бы зла!
Что за бездны неведомым мраком гудут!
Что за муки пекут, словно в углях зола!
Что за древние слёзы текут и текут!

А в его простоте так доверчив и тих
Голос совести, что беззащитней всего.
Не стражлось бы войны во глубинах Твоих,
Бесконечный мой Боже, хранящий его!»

2012

* * *

...Ты бил в те дни ракеткой воздух с гудом
И повторял какой-то длинный счёт
Своих побед. А я ждала, как чуда,
Твоей любви: она вот-вот придёт!

А впрочем... Что ты вспомнишь, шут, мальчишка,
Ловец удач и пуха с тополей?
Давно, как с чем-то безусловно лишним,
Управился ты с памятью своей.

...Минуют дни... Приедут гости летом
В твой старый дом. Ты выбежишь на луг
И вспомнишь за случайной сигаретой
Былую стать стареющих подруг.

Окликнешь время — седовласый мальчик,
Прошедшим, словно светом, осиян.
Но на лужайке в жёлтый одуванчик
Никто не отошьёт тебе волан.

Ты солнца ком метнёшь в зенит над лугом
И крикнешь в воздух дерзкое: «Лови!»
И зарыдаешь: «Где моя подруга?» —
Впервые в жизни вспомнив о любви.

— Лови! — Ловлю! — А время сушит веки.
— Люби! — Люблю! — А дождь дробит песок.
— Беги! — Бегу! — А ил заносит реки.
И каждый в самом главном одинок.

2008

Был ты — богом, судьёй, дон-жуаном,
Светом страсти, сжигающей дни.
Стал ты — снегом, дождём и туманом,
Безымянным пространством любви.

Стал ты всем — мой беспутный попутчик!
Кудри туч ты — и дерева скрип.
Бьётся белкой твой профиль летучий
В жёлтых кронах кладбищенских лип.

К старой церкви летишь облаками,
Шепчешь в гнёздах вороньих, дразня.
И дождями, как будто руками,
Хохоча, обнимаешь меня.

Я шепчу: «Без тебя, как в пустыне!»
Но теряюсь в догадке своей:
Слишком многих ты любишь доныне,
Обнимая руками дождей.

Я ревную, шучу, прекословлю
Без надежды на вечный успех,

И опять называю любовью
Холод бездны, вмещающей всех.

2006

* * *

Пар дыханья и воздух морозный.
Посвист вьюги сквозь вещие сны.
Смотрят в ночь древнерусские звёзды
Из днепровской седой глубины.

Здесь ходили поляки и шведы
Волчьей сагою смёрзшихся струн,
И кровавые стяги Победы
Пел, вмерзая в снега, Гамаюн.

А сейчас здесь ревёт автострада,
Выпив город усталый до дна,
И тяжёлые камни распада
Рушит в ночь крепостная стена.

Но и в самой решительной схватке,
В час сраженья, ступив за черту,
На руинах былого порядка
Я увижу Небес красоту.

Это весть о Вине и о Хлебе,
О терновом сиянье Венца —
Ведь сквозь трещины в дрогнувшем Небе
Только ближе дыханье Творца.

2003

Легенда о башне Веселухе

Червонное солнце над миром звенит.
Червонная крепость уходит в зенит.

Твердыня князей! Королей бастион!
Лежат твои прясла в руинах времён.

И красные башни в гордыне своей
Ветшают в траве, как короны царей,
И в чёрных бойницах цветёт зверобой,
Когда Веселуха поёт Громовой.

Чтоб лях и литвин не дошли до Москвы,
Возвёл Годунов эти стены и рвы.
Нашёл он, смиряя преданий огонь,
Могучего зодчего кличкою — Конь.
От гроба святого, следы хороня,
Под башню впечатали череп коня.

Фриц выйдет в поход, саблю вытащит лях,
Француз потревожит заснеженный шлях —
Играет в зубцах Веселухи огонь,
Ржёт, чуя опасность, вмурованный конь.

Он ржёт над рекой со звериной тоской
И ржанием камень крушит вековой,
И гневно, пугая щебечущих птиц,
Цветёт зверобой из оживших глазниц.

2003

Погоди, реставратор, не сетуй,
Что ушедшего дня не создашь.
Как бежит за трепещущим светом
Твой спасающий мир карандаш!

Ты красивей отыщешь едва ли
В мимолетной удаче своей
Красоты этих древних развалин
Над крапивой святых пустырей.

Светит мох на камнях колоколен.
Тонут крепости в щебне и мгле.
Ты хотел умиранья без боли?
Ты бессмертья искал на земле?

Прорастёт — сквозь обвалы и дыры —
Лопухов и репейников рать.
Но живому — ни кистью, ни лирой
Никогда не мешай умирать.

2004

Над репьем пустырей льётся свет удивительный ранний.
Я тропинкой иду мимо древних разрушенных стен.
О звезда пустырей, млечный отблеск забытой окраины,
Я сорву твой цветок — и сомну неизвестно зачем.

О репейник-звезда, как горишь ты лиловым и алым
Над стеной крепостной, над сараями в бурой траве.
Ты вцепилась колючками в камни над красным обвалом,
В тучу, в школьное платье, в звезду на моём рукаве.

О, велик наш пустырь, велики наши высшие цели.
Мы мечтали взахлеб, но являлся невидимый враг
И всегда превращал все, чего мы так страстно хотели,
В тучи сорной травы на цветущих репьем пустырях.

Ничего не сбылось. Лишь пустырь с одичалой травой.
Да собачий овраг. Да в бурьяне блуждающий взгляд.
Не страшит меня новь. Всё сильнее пугает бывшее.
Не хочу вспоминать. Не люблю возвращаться назад.

Я репейник-звезду отыщу на задворках Отчизны.
Я опять полюблю эти оползни щебня вдоль стен.
И опять заплачу за мечту неудавшейся жизнью.
И опять поднимусь... И опять не узнаю — зачем.

Но когда задрожит этот свет удивительный ранний
Над репьем пустырей, над стеною, ползущей в овраг,
Я войду в твою жизнь, как звезда вековечной окраины,
Как репейник-звезда на забытых судьбой пустырях.

2004

Белый бант, коричневое платье,
Класс, застывший в чуткой тишине,
Как разгадка древнего заклатья,
С каждым годом чаще снятся мне.

Вновь стою я тихо и несмело
У доски, сгорая от стыда,
И пишу — скрипучим белым мелом —
Глядя в очи Страшного суда.

В школьных книгах — много ложных истин,
А над парком — ветер продувной,
И швыряет груды красных листьев
Над страной, безбожием больной.

Но сквозь боль, сквозь злую бесконечность
Будущих порушенных дорог
В детском взгляде — ясно светит вечность,
В детском сердце — ясно дышит Бог.

И шепчу я в робком полужанье
Сквозь глухие, ложные пути:
«Дай нам Бог — дожить до покаянья!
Дай нам Бог — до веры дорасти!»

1998

В лодке

***Рыбка медленный ил шевельнула
В глубине твоих тинных зрачков.
Шевельнула — и тут же спугнула
В ряске глаз моих — стаю мальков.***

Я веслом ворохну отраженья.
Тихо спрыгну на мокрый песок.

Оттолкну осторожным движеньем
Лодку — в сторону острых осок.

Здесь икрою русалок несмелых
Льнёт в ладони речная трава —
Ведь Господь не поставил пределов
Говорящим мирам естества.

А дорога до ближнего бора
Под зонтом сыроежки хранит
Млечный шум неземного простора —
Херувимское пенье орбит.

Наше детство поёт над лесами,
Где разумны все твари подряд.
Ведь Господь между миром и нами
Никаких не поставил преград.

Спой мне песню о счастье и чуде —
О мирах, где за тихой рекой
Головастики в старой запруде
Можно запросто трогать рукой!

2000

* * *

Сто шмелей из ста ромашек пьяных
Прозвенят шмелихам на лугу.
Сноп цветов — лиловых и багряных —
Опущу в ведро на берегу.

Вспыхнет маком древних вёсен небыль.
Затрубит о битве зверобой.
Цинк сверкнёт в траву зелёным небом,
Загудит колодезной водой.

Никакие взрослые замашки
Не изменят детский строй души.
Разбегутся мысли, как букашки,
Расползутся в солнечной тиши.

Зажужжат из радужных растений,
Хоботками к венчикам припав,
Что важнее боли и прощенья
Радость, вольно бьющая из трав.

Что точней стреноженного знания
В сердце мира мчащий ветрогон —
Этот дерзкий праздник любованья
Над цветущим клевером времён.

И на дне сетчатки отразится
Сквозь гудящий зноем медовар
Родина — как свищущая птица.
Родина — как солнечный удар.

1999

Флёнова

С. М.

Где звёзды дрожат в беспроглядной пучине ночной
И слово со звуком сливается верой упорной,
Гитару возьми и Кольцова забытого спой
Под Спасом на храме за рощею нерукотворной.

И я позабуду и вечность, и время, и даль,
И землю, и небо и слушать без устали буду
По струнам бегущую ветром живую печаль
И голос дрожащий, подобный мгновенному чуду.

Деревья шумят, что придётся и нам отвечать
Пред Ликом, плывущим сквозь кроны огнём незнакомым.
А ты всё поешь о Творце, наложившем печать
На небо, на землю, на белую рощу за домом.

На небо, на землю, на сад и за вётлами пруд,
На тщетность мечтаний и тайны влюблённостей юных,
На струны твои, что над струнами рощи поют,
На цели творений... Давно уже порваны струны!

В пруду под мостками блестит незнакомо вода.
И яблоки в кронах горят, как тревожные знаки.
И ясно давно — от беды не спасут никогда
Ни свет на дороге, ни преданность белой собаки.

Но струны пространства бесстрашно тревожит рука,
О порванных струнах грядущей судьбы не печалься.
И ночь отвечает, что эта печать на века,
И что не расторгнут её и миры, разрушаясь.

2018

Провинциальный вальсок

Локон сирени случайный.
Звёздной черёмухи тьма.
Модницей провинциальной
Сводишь ты город с ума.

Всё в тебе — дикой голубке —
Истинный бред и напасть.
Слишком короткие юбки!
Слишком открытая страсть!

Слишком легко и беспечно
Выгнута чёрная бровь.
Вечен светящийся Млечный,
Звёзды роняющий в кровь!

Но отрешённый, случайный,
В лёгкой наивности строк
Знает щемящую тайну
Этот дешёвый вальсок.

Мужа забудешь, сопьёшься,
Веру утратишь и стыд.
Новое солнце зажжётся —
Новая юность сгорит.

Страсти твоей беззаконной
Вечны пути в никуда.
Но над провинцией сонной
Ты пролетишь, как звезда.

Ты просквозишь, как комета,
В шлейфе побед и измен,
Мрака не помня и света
За чередой перемен.

2007

* * *

Вспоминай: тётя Феня — уборщица в школе —
Мусор выгребет из-за стола.
Словно конь молодой, разгулявшийся в поле,
Ходит по полу, ходит метла.

— У, я вас разгоню, окаянные, ну же! —
Ты грознее, чем завуч, на вид.
— Ну! — роняет отличник в испуге свой ужин.
— Ну, убью! — Второгодник бежит.

Самовольно добытою призрачной властью
Упивалась всерьёз ты и всласть —
Стороной обходило обычное счастье,
Но хоть в этом-то жизнь удалась.

В комнатухе пришкольной, под грохот спортзала,
Завершались земные пути —
Две худые подушки, одно одеяло,
Фикус в кадке, засохший почти.

Тётя Феня, прости. Мне приснилось однажды,
Классе в пятом, как ты налегке
Вознеслась в небеса одиноко и важно
Со своею метлою в руке.

— У, я вас разгоню, окаянных, помёрших!
Разболтались, прогнили дотла! —

Сотни звёзд слюдяных разбивая в лепёшки,
Заметалась по небу метла.

Я проснулась, крича и отчаянно плача,
С детской неумолимостью всей
Над разбитой звездой, над школьной задачей,
А совсем не над смертью твоей.

1986

* * *

От Васькина ушла жена.
Он гнал трехтонку по уклонам,
С тупою болью монотонной
Бросался под гору и на.

Швырял машину в злом дыму.
Мотор кричал и надрывался,
А Васькин плакал и ругался,
И плакал, и прощал жену.

Куда-то нёсся целый час.
Потом прошёл мороз по коже
И чувство: выдохся, не может!
Всё! После детства — в первый раз.

Сел на пригорок тяжело.
Размял привычно папиросу.
Пред ним стояла тьма вопросов.
Болело сердце. Всё цвело.

Был вечер пепельно-лилов.
Шло стадо красное коров.
У лютика и медуницы
Желтели загорело лица,
И с удочками рыболов
Тащил серебряный улов.

Был вечер пепельно-лилов,
И Васькин, стряхивая пепел,

Подумал, что не ел и не пил
Уже, наверно, сто годов.

И это было ни к чему.
Но медуницы всё же пахли,
И на краю небесной капли
Кузнечик кланялся ему.

И ночь уже нашла свой путь,
Наполнив лужи чёрным эхом.
И срочно надо было ехать.
Куда? Хотя б куда-нибудь.

1978

* * *

В поезде, поезде тёмном
Я вспоминала о вас.
Мчались в пространстве огромном
Быстрые всполохи трасс.

В окнах, легки и крылаты,
Мчались, шумя, сосняки.
Мчались леса и закаты
Жизнью шумящей реки.

В поезде, поезде тёмном —
Сердца заученный сбой.
Мир за окошком огромный
Вы заслонили собой.

Жизнью вовек не напиться.
Мимо в огнях суеты
Мчались, ликуя, столицы.
Мчались, сгорая, цветы.

Кем я была для вас? Даже
Не постороннею — нет!
Так — человек в пейзаже,
Машущий долго вослед.

Вновь отшутилась привычно,
Глянув в сердечную мглу.
Нет ничего прозаичней
Боли, прильнувшей к стеклу.

На перегоне огромном
В просверках мчащихся трасс
В поезде, поезде тёмном
Я позабыла о вас.

2014

* * *

Я ненужных люблю — кого мир нам любить не велит.
Неудачников тихих и дурней, за правду побитых.
И цветы — под ногами, и улицы — в жёлтой пыли,
И собак — в подворотнях, и бабок — давно позабытых.

Там, где вольный репейник — мой брат и весёлый двойник,
Я ищу не попутчика — кровного единоверца.
И в распроданном мире, где каждый к успеху привык,
Я храню нераспроданным доброе детское сердце.

И легко говорю: «Сожаленья тебе ни к чему!
И судьба твоя — солнце, и песня — небесный избыток.
Оживает душа, и сияет, и светит во тьму,
Безответно любя всех ненужных и всех позабытых».

2015

* * *

Прохожу по цветным тротуарам,
Струны дней проверяя на слух:
Стало меньше проулочков старых
И красивых старинных старух.

Этой жизни с улыбкою детства,
Говорящей о прежнем былом,
Что зовём мы советским наследством,
Вспоминая свой погранный дом.

В эти полдни открыта калитка.
Там желанья просты, как стихи.
Космонавты летят на открытках.
На дорогах цветут лопухи.

Ребятня по околицам свищет,
Голубей отправляя в зенит.
Фронтвик в гимнастёрочке нищей
Не гармошкой — сердцем звенит.

Дай нам Бог золотое искусство
И в беде оставаться собой.
Не мутится высокое чувство,
Как колодец с глубокой водой.

В том великом советском истоке,
Где себе мы навеки равны,
Перемен бесконечные токи
Не тревожат огонь глубины.

2011

Домики жёлтые с белыми трубами
(Эй, до свиданья, старинные своды!)
С тёмных холмов, накренившихся трудно,
Сносят весною грунтовые воды.

Льдинам навстречу плывут они в русло
Чёрной пучины Днепра — вдоль оврагов.
Пахнет картошкой, кислой капустой,
В прорубях светят простыни стягов.

Старые вербы о прошлом не скажут —
Ветви стянуло им ветром молчанья.
Дети стоят и ушанками машут:
— Эй, до свидания! Эй, до свиданья!

Эй, до свиданья! Глотну твоей сини.
Сердцу в воде твоей вольно и грустно.

Так уплываешь ты льдиной, Россия,
Льдиною белою в чёрное русло.

С клубом и школой, любовью к истокам,
Лодкой гниющей, свечою венчальной,
Страстью, как чёрный романс твой, жестокой,
Бытом старинным, провинциальным.

Где-то на льдине играет гармошка,
Лают собаки, старухи бранятся.
Даль далека. Но осталось немножко
Ниже — спуститься студеной дорожкой,
Чтобы в излуках Днепра затеряться.

— Эй, до свидания!.. Эй, до свиданья...

1989—2000

Одигитрия Смоленская

1

Распахнул благодатных энергий отвес
Богородицы град, Богородицы дом —
Словно вылили золото с древних Небес,
И застыло оно над днепровским холмом.

И свечою надежды горя к Небесам
(Так лишь деды святые молиться могли!) —
Ввысь в расплавленном пенье вздымается храм,
Всё земное с собой увлекая с земли.

О, Небесная Мать — летящий зенит!
Вся — распахнутый космос, вся — хор бытия!
Ты приходишь, и золотом вечным звенит
Над годами и горячи риза Твоя.

В жгущем золоте Неба за тысячу лет
Переплавились войны и моря, и пря.
Ничего, кроме вечности хлещущей нет —
Кроме бьющего в ночь золотого огня.

Ничего, кроме радостью бьющих огней!
Над всемирною сечей в кровавой пыли
Все страданья умолкли по воле Твоей,
Все дороги, расплавившись, в Небо ушли.

Золотая, грядёт, указуя нам путь,
Милосердного Бога о грешных моля.
Это сердце России стучит тебе в грудь —
Это вечная вещая тайна ея.

И хранит Богородицы город во мгле
Тайну пить благодать и струить благодать,
И свечою до пепла сгорать на земле,
И из пепла вставать, чтобы насмерть стоять.

2012

2

Мчались конюшки снежной пустыни —
Колокольчиков медная грусть.
Из далекой земли Византии
Богородица ехала в Русь.

Встали сосны крестами простора.
И пока Тебя кони несли,
Собрала Ты в суму Омофора
Все дороги метельной земли.

Протрубили: «Христос наш Воскресе!» —
Гуси-лебеди в снежном раю,
И уделом Царицы Небесной
Назвала ты Россию Свою.

С долгих кос Ты сняла нам Покровом
Расписной среднерусский платок.

Но под небушком — вьюжным, шелковым —
Нет в России путей и дорог.

Лишь рыдает гармонь на рассвете,
Не нашедши земной колеи.
Только церкви, и вьюги, и ветер.
А дороги — на Небо ушли.

Но, Царица дорог — в бездорожье
Со свечою Ты держишь ладонь.
Путеводная Матушка Божья,
Что ты шепчешь: дорога — огонь?

Над Россией завьюженной строго
Ты проходишь — в снегах и лучах,
Человеку родившая Бога.
И дорога горит, как свеча.

2003

3

Под светом тихим, светом невечерним,
Не ведая сомнений и обид,
Горит седой свечой владыка Сергей —
Свечою к Божьей Матери горит.

Он весь — иной, и явственно отринут
Землём, творя таинственный закон —
Как будто древний Сергей, вечный инок,
Из дикой чащи вышел на амвон.

Продлись, продлись, безмолвное горенье
Святого Неба над огнём эпох!
Он сам — свеча. Он сам — огонь смиренья.
Он сам — Любви неутолимой вздох.

Он здесь служил, и юность на закате
Припоминает тихо и светло —

Смоленская святая Божья Мать
Взяла его в соборе под крыло.

И каждый год, слагая век свой длинный,
Учась непререкаемо любить,
Господню Мать с ридной Украины
Он приезжает поблагодарить.

И духом, постигающим пространство
Настигнувших Отечество кручин,
Он молит за единое славянство,
Единого славянства верный сын.

Всё ближе голос неземного хора —
Высокого моленья древний скит,
Когда, светясь под сводами собора,
Смоленская Почаевской горит.

2019

4. Если пошлёт Богородица...

(Чудо о Меркурии Смоленском)

*Востави его от земля пречистая Мати Божия
и рече ему: «Чудо Меркурие, избранниче мой!
Посылаю тя: иди скоро, сотвори отмщение
крови христианския; шедь победи злочестиваго
царя Батыя всё войско его!*

«Слово о Меркурии Смоленском». XIII век

Если пошлёт Богородица — камни спалённых земель
Под ноги лягут шелковой травой-муравой.
Стрелы покинут колчан и нацелятся в цель.
Конь непослушный послушно пойдёт под тобой.

Вылетит меч харалужный — сражаться и сметь!
Горе лютве* — не начавшийся выигран бой!

* Лютва (диал.) — так в «Смоленском этнографическом сборнике» В. Н. Добровольского народ называет иноземных завоевателей.

Что тебе жизнь, неразумный, и что тебе смерть?
Радуйся радостью — Божия Матерь с тобой!

Ты позабудешь себя и желанья свои.
Есть ли ты в мире — неважно! А важно, что есть
Это веленье. И крылья великой любви
К солнцу пробьются сквозь сердца холодную жесть.

Если пошлет Богородица — мир не рискнёт
Девы послушаться кроткой. Покорен и тих,
Выполнит всё, что из сердца Ее изойдет,
Не различая умерших и кратко живых.

Въедешь под арку Молоховских старых ворот
С буйною, срубленной русой своей головой
В белых руках. Богатырка слезину смахнет —
И богатырке ты скажешь, что выиграл бой!*

2024

5

На акафисте в красном закате
Согреваюсь в вечерней любви.
Под иконой Твоей, Богоматерь,
Промелькнули все годы мои.

В храм вбежавши девчонкой несмелой,
Я великую правду нашла.
Я под Ликом Твоим постарела.
Я любовью к Тебе изошла.

Я к Тебе приходила и в горе,
И в сомненьях, Тобой дорожа.
От свечи в златоглавом соборе
Оживая, горела душа.

---

* Так описывает подвиг св. Меркурия Смоленского народная легенда из «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского.

Иногда Ты за дело карала
Перешедшую вольно за край,
Но терпела и много прощала.
О, прошу, как и прежде, прощай!

Косы спрятав под шалью седые,
В мировой нарастающей мгле
Я Тебя называю Россией,
Что дарована нам на земле.

Крест и лилии на аналое.
Легок в храме раскаянья вздох.
Веет, Матушка, веет родное
На горящие камни эпох.

2023

*Три ангела в белом —
в безбрежной метели*

*Terra fatalis**

Что я могла здесь — взять и не отдать?
Дурманый мак? Над свалкой — отблеск дыма?
Ведь всё, что мне случилось создавать,
Ты разрушал, Судья неумолимый.

И, вечно недовольная собой,
Я начинала строить — снова, снова.
Не ты ли тайно правило судьбой,
Созвездье Иоанна Богослова?

Седые звёзды роковой земли,
Вы совесть жгли, вы тлели в сердце снами,
Вы огненными маками цвели,
Когда судьба дымилась под ногами.

Но знал змеино-зоркий ум во тьме,
Клонясь за сердцем голубино-зрячим:
Нельзя на Богом выжженной земле
Искать свою мгновенную удачу.

1984

* * *

Людмиле Воробьевой

Тёмное небо. Провал в неизведанный мрак.
Мысль неземная таинственно напряжена.
Над косогором качается огненный мак.
Думают сосны. Тревожная светится мгла.

Что там стряслось? За леском закричала желна?
Что там случилось с таинственной жизнью моей?
Дизель прошёл? Одинокая зрелость пришла?
Встану на тёмном крыльце посредине скорбей.

---

* Роковая земля (лат).

Чутко услышу, как падают капли на жесь,
И, приучив к неземному простору печаль,
Хвои вдохну и ответчу Вселенной — я есть! —
Вечному небу раскрыв соразмерную даль.

Дышится вольно на звёздной околице трасс.
Каждой былинке написано здесь житиё.
Снова ты думаешь, сильное Небо, за нас,
Быть иль не быть нам? — и властно диктуешь своё.

Верно, что ты, наделяя судьбой свою дочь,
Чувствуешь то же, что люди Земли искони?
Гляну с крыльца — во всю древнюю долгую ночь
Звёздной Психеи горят роковые огни.

Знаю тебя, как себя, вечный морок души.
Кто ты там — хаос иль космос за облаком хвой,
Милуй, карай — только звёзды гасить не спеши.
Вся я раскрылась — и молча стою пред тобой.

2009

Там, где смыкает кроны старый бор,
Воздвигнут чёрный идол над угором,
И солнца глаз — огромный мухомор —
Рождает сны над замкнутым простором.

Язычник пьёт вино, он любит прах,
Жрёт шашлыки и жжёт костёр тревожный.
За мир, погрязший в идольских пирах,
Дары приносит идолам безбожник.

И обнажив души и мира связь,
Родя возмездье в гневном настоящем,
Куски резины, шины, мусор, грязь
Живою плотью дышат в чреве чащи.

В той непотребной вязкой темноте
Греха и сора — что-то шевелится,

Как будто в смрадном гнилостном гнезде
Птенца беды выводит гнева птица.

И лесом труб восторг ему ревёт
Завод цивилизаций непреклонных,
И змеем труб подземных землю жрёт
Грехи и грязь рождающее лоно.

Ты всё разрушил на своём пути,
И предал всё, и всё убил, что встретил.
Адамов правнук, шлёт тебе «прости»
С помойки мира весть принёсший ветер.

Ты был священник зверю и кусту,
Защитник каждой твари в мире божьем.
Адамов правнук, мира красоту
Ты предал в вёрстах русских бездорожий!

А что теперь? Шарахнулся в кусты
Упрямый лось — лесов дремучих витязь.
И волк, и вепрь бегут за три версты,
Тебя на диких вырубках завидев.

Но, не заметив в прожитом греха,
В багровом свете знаний бесполезных
Ты говоришь устало: «Чепуха!» —
Рождая монстра, зверя чёрной бездны.

Вот он ревёт — швыряя грязь и сор
Гнезда родного в небеса над бором.
И солнца глаз — огромный мухомор —
Диктует явь разрушенным просторам.

2010

Бросить рюкзак. На траве растянуться.
Как над кострами смыкается тьма!
Там, где репы по обочинам жмутся,
Чьё это тело на гребне холма?
Схваченная материнскою страстью —
От молока разбухают соски —
С колким хребтом и кровавою пастью,
С воем почти человеческой тоски —
Ты ли, волчица? Не ты ли гонима
Всеми ветрами — незнамо куда?
Вспомнишь ли, как над падением Рима
Красного Марса горела звезда?
Выкормыш зверя на огненном троне.
Кровь легионов и вопли блудниц.
Камни рассыпаны. Загнаны кони.
Сломаны спицы твоих колесниц.
Мёртвых культур, как и мёртвых растений,
Под перегноем — дымящийся слой.
Боже избавь тебя от эпидемий
Этой глухой ностальгии людской.
Что же нам чудится, грезится, мнится,
Будто бы что-то случится вот-вот?
В мире, куда мы должны возвратиться,
Жаба немая — в звезду превратится,
Плесень немая — слова обретёт?
Господи, страшно как перерожденье
Из ипостаси привычной своей.
Не поднимайте из праха каменья.
Не воскрешайте умерших идей.
Смыслы посеяли — догмы собрали.
Света хотели — окутала тьма.
Весело пели, когда умирали,
А полюбивши, — сходили с ума.
В мире, заполненном страхом и дымом,
Загнанный зверь, помолись же скорей
За бесконечно слепых и ранимых
И неразумных двуногих зверей.

Генная память. Предчувствие чуда.
Жажда прощения. Отсвет огня.
Мысли усталой ночная причуда.
Загнанный зверь, помолись за меня!

1986

Где хвоя в полнеба и небо в полмира
И воздух гудит, насекомыми полный,
Плясали стрекозы в протоках эфира,
Крылом задевая за радиоволны.

Когда стрекозиные синие крылья
Смыкались при резком движении вместе,
Вслед за электрической искрой несильной
Мы слышали голос «Последних известий».

И диктор, слегка монотонный и строгий,
Рассказывал о проблемах Анголы,
О темпах постройки железной дороги
И о реконструкции быта и школы.

Заслушавшись, мы замечали не сразу,
Что меньше становится тварей парящих,
И корчатся крылья стрекоз светлоглазых
На стыках согласных — взрывных и свистящих.

И что-то знакомое... Да неужели
Походим на тварей, безвольно повисших:
Неведомый шум просыпается в теле
И крылья ломает, и выхода ищет.

1983

Хома Брут

О, какие ужасные лица!
Ночь, как воск на огне, горяча.
На мгновенье посмеешь забыться —
Захлебнувшись, погаснет свеча.

Но читает Хома по псалтири,
Круг земной поджигая, как трут:
«Этот мир мы у тьмы отмолили
Лишь на несколько звёздных минут».

Рассыпаются звёзды и царства,
Самолёты летят в никуда,
И в других временах и пространствах
Пропадают, свистя, поезда.

И двоясь между раем и адом
Меж клокочущих бездн и времён,
Жизнь земная грехом и распадом
Протекает, как ядерный сон.

Поднял Вий в телеполночи веки.
Сходит Гоголь от знания с ума.
Ты молись о земном человеке,
Ты держись до рассвета, Хома!

На рассвете у старой деревни
Выйдешь в поле из церковки ты.
Снова в мире отмоленном древнем
Над помойками всходят цветы.

Сыплет солнце излучины света
Над крестом в золотой высоте.
Помолись. Продержись до рассвета.
Миг — и крикнет петух на шесте.

В туристический тур не поеду в Египет и Смирну.
По карманам пустым зазвеню мелочишкой — увы!
В чёрных стёклах очков посмотрю отрешённо и смиренно,
Как плюётся верблюд на проспекты и парки Москвы.

Прогудит пароход. В звёздной пене качнётся Европа.
Над спиной быка выйдут танки на вечный парад.
С красной башни Кремля Ярославне споёт Пенелопа,
Что империи падают, а пирамиды стоят.

А куранты звенят, что дано нам бывшее осилить.
Деревушки до стрех завалил в Рождество снегопад.
Воет сфинкс на луну, заблудившись в просторах России,
Что империи падают, а пирамиды стоят.

Пусть стоят и молчат. Ибо всё там — песок и пустыня.
Лишь беспечный турист потревожит подошвами прах.
Не понять тебе, сфинкс, никогда — непонятной России.
Что ж ты воешь, как пёс, в снегопад на российских ветрах?

Как сказал наш поэт, деревенькою вскормленный белой,
С космодромов ночных наших храмов летят корабли.
Ты прости и не плачь. Мы к другим устремились пределам
И в неведомый космос уходим с родимой земли.

Вы прощайте, народы, вам не было Небо открыто.
Слишком цепко земное пленило удачей ваш взгляд.
Наши церкви летят в облаках над разрухой и бытом
И не знают крушения. Пусть пирамиды стоят.

У кремлёвской стены лёг на лица космический иней.
Купола и кресты в бесконечный вросли снегопад.
Я стою и твержу: «Будет, будет великой Россия!
Пирамиды уходят. Империи вечно стоят».

Лазарь, Лазарь, как ты встал из гроба,
Словно платье, примеряя плоть?
И о чём сквозь смертный лёд озноба
Повелел молчать тебе Господь?

Над волнами чайкой плачет горе
Всех людей за смертною чертой.
О твоё молчанье бьётся море
В гибельной печали роковой.

Или ты хранишь своё молчанье,
Как язык миров, где слово — тишь?
Или, переполнен страшным знаньем,
Ужасом охваченный, молчишь?

А над морем неба цвет лазорев,
И сквозит небесный окоём
Шумом гальки и молчаньем моря
В имени лазоревом твоём.

В этой жизни смертным нет исхода.
Но, как отблеск отшумевших бурь,
Ракушками, рыбою и йодом
Остро пахнет здешняя лазурь.

А над жизнью даль всегда туманна.
И над мёртвой рыбиной и над
Сгнившей лодкой — чайки и бакланы
Голосами ангелов кричат.

Утешают или же смеются
Над земными, зная жизнь и смерть.
Лазарь, Лазарь, больно ли — вернуться
Для того, чтоб снова умереть?

Вербное воскресенье

И въезжаешь Ты разом во все города
На ослёнке среди площадей и машин.
Каждый город, что Богом в пути Тебе дан —
Он и есть Твой возлюбленный Ершалаим.

Добровольную муку весною принять
Слишком горько. Но правда Твоя о другом.
В каждом храме воздвигнут Твой Крест — и опять
Похоронят привычно за каждым холмом.

Груды свалок. Бетонные трубы дымят.
Как терпеть этот ад? Как нести этот Крест?
Сколько раз Ты за каждого в муках распят?
Сколько раз Ты за каждого в муках воскрес?

Не ходи туда, Боже! В проулках весны
Я утру твои ноги рядниной волос.
Даже если не будем мы все спасены —
Ты — безвинный, а мы заслужили, Христос!

Но давно всё свершилось, и выхода нет.
Тот, кто может, — вместит. Ибо правда в другом.
Над пушистыми вербами вспышками свет.
Разве можно дрожать перед гибельным злом?

А старуха, что в булочной хлеба взяла,
Прячет взгляд — обозналась, скорее всего! —
И горячею булкою кормит осла.
...Ты скажи, как ослёнка зовут Твоего?..

2015

Который век — сойдёшь в бурьян с порога —
Пьёт ворон кровь. Молчит убитый князь.
Волочит клячу за собой дорога.
Дымится тёплой киноварью вязь.

А дальше что? Пробитая рубаха
Да похоронки скомканная речь.
Что память нам, коль памятью от праха
Мы никого не можем уберечь?

Читай за строчкой стародавней были,
Что сколькие б в суглинок ни легли,
Всё тонок за бесцветной плёнкой пыли
Культурный слой отеческой земли.

1986

* * *

Стареет сирень ветеранов.
Меняется колер знамён.
Сгорают на телеэкранах
Мгновенные титры имён.

И вновь мы историю пишем
Бессмертным примером своим.
И вновь мы в истории слышим
Лишь то, что в ней слышать хотим.

1999

Варвар

В. Г. Бондаренко

Ты приходишь в погибель, в разруху,
Мир больной заставая врасплох,
Буйством плоти и варварством духа
Пировать на руинах эпох.

Ночь всё глуше, пожар всё бездонней
Над державами в чёрной пыли,
И горит в чернозёме ладоней
Первобытное солнце Земли.

Видно, впрямь не хватало нам воли
Брать, шалея, от жизни своё —
Нам остались лишь всполохи боли,
Зыбь надежды, любви забытьё.

Всё нам кажется диким и пошлым
В новом мире, которого нет:
Прикипевшим к созданиям прошлым,
Непонятым грядущего свет.

Непонятны — всесилие хамов,
Ложь без меры, грабёж без стыда,
Древний пепел разрушенных храмов,
Разум, рухнувший в ночь без следа.

Мы кричим тебе в гневе: «Ты — горе,
Гнев позора, бессилие слёз
Тибрских пойм, Византийского моря,
Нищих северных русских берёз!»

Но горишь ты в огне обновленья,
От разрухи не пряча лица,
Словно первенец дикий творенья,
Не отпавший от воли Творца.

2005

* * *

Эй, скиталец, куда ты? Вернулся б в натопленный дом.
Даже волки забились по норам в такую погоду.
Ты почти сумасшедший. Закрой же глаза рукавом.
Что ты смотришь затравленно и воровски на свободу?

Со свечою в руке да с табачною крошкой в мешке,
Что на этой земле умудрился ты сделать такого?
Воровал ты любовь? Или рыбу глушил по реке?
Иль под утро, шутя, пристрелил ястребёнка больного?

Или в снежной тайге, запахнувши медвежий тулуп,
Не сумел распознать, что шумели угрюмые ели.
Пропил веру и дом, бросил в омут за рощею труп
И пошёл по лесам гулеванить без смысла и цели.

Но сгорела душа. И зашла за последний предел,
Где нельзя отступить, не порушив скиты откровений.
Только — выбить слезу, схоронить карабин в можжевель,
Да, затеплив свечу, перед Богом упасть на колени.

И найти тот ответ, что искали мы сотни веков,
От которого снег тает в чащах и плачут берёзы,
За которым года шли буранами тьмы мужиков,
Наплевав на судьбу, пересилив лихие морозы.

Только где он, ответ? Кто нашёл Беловодье в пути?
Где звериный тот след, что из бездны бредущего вывел?
Замело все пути. К заповедным скитам не пройти.
Только ветры поют, да стоят лагерья по Сибири.

Брось же шапку в сугроб да спиши неудачи на век.
Всё шумят и шумят гривы сосен над тёмным распадком.
Шуба давит на плечи. Седеющий падает снег.
Догорает свеча. Филин ухаёт гулко и сладко.

1987—2008

* * *

Попросила я Бога: «Даруй мне, Господь,
Дар любви Твоей силою вечной.
Я смирением горе смогу побороть.
Что мне горе — простой и беспечной!»

Грянул май тополиный — любовь через край,
Окаянная страсть без ответа.
Рядом с милым моим одиночество — рай!
Но люблю его — даже за это!

Попросила я Бога: «Даруй мне, Святой,
Дар поэзии — счастье без муки!
Стоит мира подлунного сон золотой!
Стоят верности вещие звуки!»

Задохнулись в недоле собратья мои.
Ставши нищенкой волею свыше,

На помойках я пела о вечной Любви,
Но никто моих песен не слышал.

И тогда я взмолилась: «Господь, помоги!
Дай мне рай. Я в скитаньях устала.
У детей и поэтов какие долги?»
...Если б знала, чего я желала!..

Белый дом запылал посреди тишины.
И, узнавши, что люди — не братья,
Я пошла по руинам великой страны,
Имя Бога твердя, как заклятье.

2009

* * *

Когда приходит пушкинская осень,
По золоту стареющих аллей
Броди себе — никто с тебя не спросит
Кровавый ужас русских октябрей.

Не вспоминай, как белый Дом советов
Горел, чернея окнами сквозь дым,
Как танки, будто бесы с того света,
Прицельно, жёстко били по своим.

Как в злую полночь баржи-труповозки
Свозили трупы по Москве-реке,
Как, сына не найдя, надрывно, жёстко
Кричала в тучи женщина в платке.

Под клёнами охряными свободы
Просила: «Мне б сынка похоронить!»
И долгие отчаянные годы
Не знали мы — как можно дальше жить.

Как рушился в осеннем бездорожье
Весь мир под алым платом Покрова —
И нам казались гибельною ложью
Те пушкинские ясные слова.

Но, ничего не помня о расстрелах,
Горели клёны над Москвой-рекой,
И мужичонка замечал несмело:
«Всегда на русских кладбищах покой».

И в кровь входило самым важным знанием
Сквозь чёрный пепел окаянных бурь
Осеннее очей очарованье —
Над охрою плывущая лазурь.

И повторяли рощицы и реки
Непонятую пушкинскую весть:
Всё в Небесах искуплено навеки —
Неважно *там* всё то, что было *здесь*.

2020

1993

Чья-то кровь на подорожнике,
А до рая — не дойти.
Все мы — божию заложники
Невозможного пути.

Тихо спит Москва убитая,
Обмотав бинтами ширь,
Как во поле после битвы
Васнецовский богатырь.

Не тщеславься! Не предсказывай!
Быть — неведомо чему.
По-над бездной огнеглазою
Мы опять прошли во тьму.

Но над тайной бездорожия,
Над молчанием окрест
В чёрном небе Матерь Божия
Начертала алый крест.

*2 октября 1993. Опубликовано в первом вышедшем после
расстрела номере «Литературной России»*

* * *

Эти люди с глазами крыс,
Если им отдают приказ,
Эти люди с глазами крыс,
Безоружных — стреляют нас.

Мы стоим уже много дней,
Защищая честь и закон,
Под сплошной полосой дождей,
Под дубиной твоей, ОМОН!

Много суток — кровавый смрад
На проспектах и в тьме больниц,
И медсёстры отводят взгляд
От разрубленных наших лиц.

Но запомнил мой брат в крови:
Пусть и немощна наша плоть —
Много мужества и любви
Нам сегодня дает Господь.

Но запомнил убитый брат,
Как горит над Россией всей
Богородицы дивный плат
В жёлтых листьях и тьме дождей.

*2 октября 1993. Опубликовано
в первом подпольном номере
газеты «День».*

* * *

Этот крик, сухой и жёсткий,
Не вместить в одной строке.
Это баржи-труповозки
Проплывают по реке.

Это тонет Мост горбатый
В чёрном дыме и крови.

Это брат идёт на брата,
Позабывши о любви.

Это чёрный Дом советов
Стонет в танковом огне.
Это «День» — твоя газета —
Погибает на войне.

Это нищелою старухой
В старой церкви Покрова
За бойцов, за крепость духа
Тихо молится Москва.

Это льют дожди косые
И тела гниют во рву.
Господи, спаси Россию!
Господи, спаси Москву!

Это длится век неправый,
Век, забывший о любви,
Век жестокий, век кровавый,
Как и все века земли.

Октябрь 1993

* * *

Охряный клён. Горящее окно.
Старинный парк в дождях, летящих мимо.
Легко вздохнёшь — как всё сотворено!
И сразу вспомнишь ясно — всё отнимут!

Всё не твоё — и тело, и душа,
И тихий взгляд рассеянный влюблённый,
И этот мир, что падает, дрожа,
Куда-то в свет осенним красным клёном.

О, кто ты есть, как оказалась здесь,
В горячей вспышке памяти мгновенной
На краткий миг припомнив всё, что есть,
В старинном парке на краю вселенной?

А замысел так странен, так велик,
Ответ так прост — ты знала не его ли?
Но ни одна из самых мудрых книг
Не заглушит в груди горячей боли.

Как в детстве, листья соберёшь в букет,
И дождь вплетёшь в мечты с пристрастьем к чуду.
И вспомнишь всех, кого на свете нет.
А губы вдруг прошепчут — значит, будут!

Гори, Россия, охрой и сурьмой
В косых дождях, в кленовых вихрях тлена.
По гибельной задумке золотой
Ты, как и всё, божественно мгновенна!

2023

Нам снится горячее солнце в густой синеве —
Большой одуванчик, в весеннюю землю влюблённый.
И дети поют и играют в несмятой траве,
Надев одуванчиков жёлтых живые короны.

И мир наш родной, что за жизнь никогда не предаст,
Ложится и ластится мягкой травой под ноги.
Божественный мир, сотворенный однажды для нас,
Где все мы — немножечко дети, немножечко — боги.

Здесь все мы привыкли с доверием вечным смотреть,
Лаская деревья и птиц растревоженным взглядом.
Но лечь на траву означает теперь — умереть.
И травы, и ветер отныне пропитаны ядом.

Нам не оторваться от будничных дел и тревог,
И каждый грустит и печется, как прежде, о многом.
И солнечный мир в заплетенных аортах дорог
Давно уж не наш — он отобран всевидящим Богом.

Но глядя в глаза этой бездне, живя наяву,
Бездонно любя всё живое на гбнущем свете,

Мы выйдем на луг и погладим руками траву.
Давно мы не боги, но всё же немножечко дети.

2024

* * *

Мысли филина огненно-сини,
Невесомы, как перья в крыле.
В бликах пятен, в сплетениях линий
Брезжит что-то о нашей Земле.

Этот разум, упрятанный в теле
Невесомых медлительных птиц,
Как Земля, существует без цели
И в движенье не знает границ.

Ты шарахнешься, путник двуногий,
Ты испуганно юркнешь за пень,
Когда белое тело дороги
Перережет крылатая тень.

Дрогнет птичье тяжёлое веко.
Глянет глаз из еловых ресниц.
Но пустая судьба человека
Не волнует всевидящих птиц.

1986

* * *

На новенькой, белой, нагрешейся за день корме,
Покрашенной масляной краской и терпко-солёной,
Лежи себе тихо на обгоревшей спине,
Смотри себе тихо, как солнце уходит за склоны.

А руку опустишь — медуз голубые кресты,
И сонные рыбы по днищу глазищами шарят.
И слышно отчётливо: из глубины темноты
Скрипят проржавевшие стыки земных полушарий.

Ты пальцы мне гладишь — а капли бегут вдоль спины,
И губы солёные шепчут: «Люблю!» — откровенно.
Ты тоже почувал горячий пожар глубины:
Глазами зелёными смотришь на бьющую пену.

Пусть рыбы вбирают глазами пучины морей,
А море поёт и волну насылает с любовью,
Но ты всё, что можешь, навеки спаси и согрей
Своею горячей, как море, солёною кровью.

Ударю рукой в серебристую пену волны.
Скажу: «Здесь рукою подать до подводного града!»
Шумящий рапан принесу из морской глубины,
Сильна и свободна — сирена, русалка, наяда.

1987

Забьтве имя

Расстреляли тебя и забыли
В хвойной мгле, посредине тайги.
Закружили снега, заглушили
Конвоиров сухие шаги.

И волчица полярная выла,
И Полярная пела звезда
Над твоей ледяною могилой,
Безымянной уже навсегда.

Лишь сосна с арестантской котомкой,
Сбив на плечи морозный свой плат,
Называла тебя Незнакомкой,
Что-то вспомнив сквозь годы утрат.

И плыла под Полярной звездой,
Разметавшись на север и юг,
Арестантской тайгой ледяною
Русь в сиянии света и вьюг.

И шумели столетние кедры
Над крестами безвестных могил,
И светились запретные недра
Нерастраченным золотом жил.

И шептала в испуге природа,
Красотою любуясь твоей,
Что была ты дворянского рода —
Самых чистых и древних кровей.

В те года по медвежьим распадкам
Постреляли немало невест.
Но в согласьи с земным распорядком,
Так же — пили и пели окрест.

Так же — тлели глаза обречённых
Гнить до смерти в ГУЛАГовской мгле.
Так же — гнали в тайгу заключённых
Ради счастья других на Земле.

Так же — вырубки полнили чащи.
Так же — били в облавах зверей.
Только пили — всё чаще и чаще
Да рожали — больней и больней.

Только, сдвинувши белые брови,
Глядя в вечность сквозь воды реки,
О цене преступления и крови
Говорили сынам старики.

Но слышали и выси, и недра
Рёв, пугающий каждую плоть:
То медведем выламывал кедры
И стонал твоё имя Господь.

И светилось то имя средь ночи,
Поборовши и тленье, и страх,
Как всемирной Любви средоточье,
Как снежинка на Божьих устах.

* * *

*Теперь засевают поле
Телами из неизвестных.
Тамара Лосева*

Утром Солнце-Христос освещает восток.
На челе его — трав перемёрзших венков.

Пепел ран его — гнойной портянкой обвит.
На груди его — номер ГУЛАГа горит.

На плече его — русской войны автомат
Да солдатский, дырявый от пули бушлат.

А безвестных могил по России не счесть.
В них — солдаты хранят свою верность и честь.

Спят бродяги и зэки в пурге мировой
Да убитые пулей бандитской шальной.

Спят святые, молясь до обещанных дней
За убитых детей и убитых царей.

И с плаката закрыть собой вражеский дот
Сына Родина-Мать безутешно зовёт.

Снег сплетает морозные травы в венки.
Всюду — мученики! Только — му-че-ни-ки!

Белый сон перед гневом последних времён.
Спит в снегах убиенная Русь без имён.

Нет крестов. Нет могил. Не звучит лития.
Будто тысячи стёрты из книг бытия.

Подожди! Не дрожи! Солнце правды взойдёт!
Сын отыщет отца, мать сыночка найдёт!

Над замёрзшей травой колеблется свет:
Позабытых и мёртвых у Господа нет!

За колючкой над мёрзлой сухой травой
С вышки целится в поле мороз-постовой:

— Кто там в буре? Откликнись за ради Христа!
Замыкается вьюгой запретки черта.

И звенит сквозь пургу световая волна:
— Царь грядёт — безымянным вернуть имена!

2009

Икона

Её давно по белу свету ищут.
Сводя простым пророчеством с ума,
Она висела долго в церкви нищей —
Икона старорусского письма.

На тёмных клеймах, греясь в тёплых бликах
Белил и охры, в сердце Царских врат
Двадцатый век горел на скорбных ликах
Убитых вдов, расстрелянных солдат.

Смотрели кротко — поп и врач на нарах,
Поэт и пахарь, сгибшие за нас.
Литые нимбы на ватовках старых.
...Моей Руси святой иконостас...

А за свечой, зажжённой любовью,
Шла в Небо Русь по снегу и золе,
Искупленная праведною кровью
Всех мучеников Бога на Земле.

1998

* * *

За кручинами дней, за пучинами лет
Кто нам свет сохранил, Божий ласковый свет?
Свечку в храме теплил — лишь бы помнили мы!

Службу в храме служил — лишь бы верили мы!
И просил покаянья для отчей земли —
Лишь бы чада, опомнившись, к Богу пришли!

Это батюшка кроткий у Чаши Святой.
Это матушка тихая в церкви пустой.

О живых и о мёртвых, крадя их у тьмы,
Кто бессонно взывал — лишь бы поняли мы!
В Воркуте и Нарыме терпел до конца,
На этапах моля за Россию Творца,
И без крова и хлеба преданье хранил
Средь церковных развалин и отчих могил?

Это батюшка кроткий от горя седой.
Это матушка тихая в шубке худой.

Кто нам новую церковь из праха воздвиг,
Пока гнали мы их, презирали мы их?
Кто не спал, благодати моля для земли,
Пока мы, не заметивши, мимо прошли?
Кто бесценную Чашу с Дарами поднес,
Попросивши взамен только веры и слёз?

Это батюшка кроткий под нищим крестом.
Это матушка тихая в Бозе Святом.

2012

* * *

Колышет травы и цветы колышет,
И горизонт колышется вдали.
Здесь, в глубине лугов цветущих, слышно
Особое **присутствие** земли.

В густой тиши, текущей в мирозданье,
Сливаясь с птицей, бабочкой, травой,
Сквозит её огромное сознание,
Вливаясь в общий разум мировой.

Но, вглубь себя от шумных просек века
Дорогами текучими пыли,
Как будто бы не видит человека
В другое погружённая земля.

В своей судьбе неведомой отдельной,
Колебля ветром зрелый травостой,
Она живёт и мыслит параллельно,
О жизни не советуясь с тобой.

Но, полноправный гражданин вселенной,
Ты знаешь — что судьба тебе велит,
И ты желаешь вырваться из плена
Влекущей властно в глушь свою земли.

Ты над собою делаешь усилие
Подняться к синей тьме над головой
И для полета расправляешь крылья —
А крылья поросли густой травой.

2019

В карьере

В далёком карьере всё это случилось не сразу.
Грузили суглинок и долго куда-то везли.
Колонною шли самосвалы, а рядом — КАМАЗы,
И шинами рвали усталое тело земли.

И что-то сломалось внутри разорённой природы,
Внутри котловины обрушился глиняный свод,
И хлынули лавой подземные мутные воды,
Цветенье земли превращая в гниенье болот.

Но шли по дороге машины гудящей стеною,
И землю с земли увозили натруженно прочь.
И ласточек гнёзда упали на дно мировое,
И корни ромашек вцепились в кромешную ночь.

И корни рябины и цепкие корни крушины
Повисли над миром и в огненной бездне цвели.

Но шли по оврагам железной колонной машины
И выли натужно. И землю родную везли.

И звёзды мелькнули в таинственной тьме под корнями,
И вылез к планетке за газовым облаком крот,
И чёрные дыры разверзлись угрюмо под нами
В гуденье глобальных вселенских надмирных пустот.

А где сотворилось и с кем сотворилось такое —
С землёю родною, а может, с родимым — тобой?
В пространстве — ты скажешь? — пространство исчезло с землёю.
Во времени — скажешь? — но время исчезло с землёй.

С душою твоею? Какая душа без землицы,
Крестьянской землицы, смешавшей коренья с корьём?
Адамова глина — тебе бы любить и молиться
На землю родную — и жизнь отдавать за неё.

Распродали землю — и целого мира не стало.
И только над ямами в огненной красной пыли,
Сминая колесами сныть и кусты краснотала,
Проходят КАМАЗы — и землю увозят с земли.

2019

* * *

...И царской водкой царские тела,
Боясь суда людей, сожгли дотла.

Всё стихло. Лишь на годы впереди
Темно — идут кислотные дожди.

Во всю Россию, сколько хватит глаз,
Из тучи царской плотью льёт на нас,

Да золотою рощей в жгучей тьме
Горит короны купол на холме.

1990

Свита царской семьи крестным ходом идёт, помышляя:
Вечным светом саровским пребудет властитель храним.
Треплет ветер полынный широкий рукав Николая.
С шестикрылых Небес смотрит старец святой — Серафим.

С благочинного трона глядит государь на державу.
Трудно людям без веры, но царь на земле — не палач.
Пишут в красной газетке: «Правительство новой забавой
Отвлекает внимание масс от насущных задач».

Можно ль, к бранным останкам припав, оградиться от ветра,
Что уже народился и свищет в отлогах долин?
Не спасает престол. Но спасает великая вера.
С шестикрылых Небес ясно смотрит святой Серафим.

Видит он — крестный ход скрылся в роще берёзово-белой.
Вслед за ним — красной пеной текут по отлогам бои.
Решка падает вверх. И на гребне времён оголтелых
Накренья, разбивается лодка державной семьи.

1990

Мы меняли коней на коней.
Мы меняли врагов на врагов.
Мы меняли царей на царей.
Мы меняли богов на богов.

И поверив, как дети, всему,
Что расскажет нам встречный любой,
Потрошили отчизны суму,
Утверждая совет да любовь.

Что искали мы? Лучшей мечты?
Только ветхих небес высоты.
До сих пор наши мысли чисты.
До сих пор наши души просты.

1989

Легенда о Феодоре Томском

И шагал нищий царь по холмам от зари до зари,
Бросив царство и трон, за Россию и душу молиться.
Ибо дивно смиренны в своём покаянье цари.
Как же, Господи, нам, окаянными и злыми, не смириться?

Государь Александр, тихий старец Феодор Кузьмич!
Что певали тебе чернотропы, петляя по склонам?
Ты Париж победил, тайну Зверя посмевши постичь!
Ты Европой прошёл за Антихристом-Наполеоном!

И шептался народ: «Царь не умер тогда во дворце,
А с котомкой побрёл по глухим каторжанским дорогам.
Сам — такой же, как мы, но в невидимом царском венце —
Ибо кто-то же должен молиться за Русь перед Богом!»

И светила заре о бродяге безвестном заря,
И стелились под ноги шелковые мхи калаужин,
Потому что Россия веками искала царя,
Чтобы шёл, как Христос среди нищих —
другой ей не нужен!

И пришёл он в Сибирь — помолиться на вечном снегу.
Что Париж и Лицей — Богу кроткому этого мало!
И Пресветлая Троица в солнце явилась ему*,
И за подвиг святой — бесконечную жизнь даровала.

Если встретишь бомжа — высоченный, с мешком и клюкой,
У ларька на шоссе, у моста на железной дороге —
Сразу спросишь, узнав:

«Боже правый, а кто там такой?
Может, царь Александр, что не умер тогда в Таганроге?»

---

* В Богородицко-Алексиевском монастыре г. Томска есть икона «Явление святому Феодору Томскому Святой Живоначальной Троицы».

Он посмотрит на нас — и попутным огням голоснёт.
И исчезнет в огнях, повенчавшись с морозом и тайной.
И увидишь сквозь снег: над заводами солнце встает,
И три ангела в белом сквозят над замёрзшей окраиной.

А в канавах бомжам снится вера на все времена —
То шоссейка гремит, то просёлком петляет дорога,
И Россия плывёт за холмами —

святая страна,

Где цари и бродяги равны перед Господом Богом.

2017

Дерсиманский скит

...И уносятся царства и годы
Разъярённой подземной водой,
И трясутся пещерные своды
Накануне беды мировой.

Но, провидя бесславье и славу,
Утешением в мире скорбей
Вновь таинственный старец Варнава*
К нам приходит по солнцу аллея.

Разрешается грех Соловьёва.
Видит Розанов мерзость и мрак.
И Леонтьева теплится слово,
Как времён запечатанный знак.

Вся Россия в крови и тумане.
Умножаются мерзость и срам
В мире, созданном явно не нами —
Лишь на время дарованном нам.

А Варнава идёт, утешая
Всех болезных и хворых окрест,
И царицу с царём Николаем
Тихо благословляет на Крест.

---

* Сын утешения (греч.).

Привязавшись к печальной отчизне,
Не пойдем мы во все времена:
Утешенье — в прощании с жизнью?
Утешение — в слове «война»?

А Варнава под дивное пенье
Утешает народ всё равно.
И отрадно его утешенье,
Ибо сбудется, что суждено.

И несут нас подземные воды,
Словно щепки в пучине земной.
И горячие чёрные годы
Наступают в судьбе мировой.

И не знаем мы, кто мы, в летящем
В пропасть, будто с огромной горы,
Оглушающем нас настоящим,
Пожирающем дни и миры.

Но провидя бесславые и славу,
Бликом солнца в пучине скорбей
Вновь таинственный старец Варнава
Смотрит вслед нам из тёмных аллей.

2019

* * *

*Нет, широк человек,
слишком даже широк, я бы сузил.
Ф. М. Достоевский
«Братья Карамазовы»*

Чай подаст проводник. За окном промелькнёт семафор,
Полустанок, фонарь. А потом закружит, завихрится,
Загудит во всю ночь белым снегом великий простор —
Не безумен, так смел, кто посмел здесь однажды родиться!

Будто тройка летит — городов затоптав огоньки!
Правит вольный ямщик — никому его не оконфузить!
Да не зря говорят, что мы русской душой широки!
И не зря отвечают, что нас не мешало бы сузить!

Мы душой широки —

ничего нам на свете не жаль!

И за вольную ширь укоришь ты, попутчик, едва ли —
Где тут я? Где тут ты? — Только белая мчащая даль,
Только ветер и снег — и меня не отнимешь от дали!

И не сузишь меня! Кто там слабую руку простёр?
Подойди, легковёр, и пустым мудрованьям последуй!
И во мне, заклубясь, шевельнётся великий простор,
И душа понесётся лесами, полями и снегом.

То, что больше меня, без начала, конца и пути,
Снегом выбелит сердце, заставив в небывшее верить.
Здесь давно человек потерялся — его не найти,
Слишком мал он и смертен, и не с чем его соизмерить.

Мы живя не живём — наша жизнь не вмещается в нас.
Лишь планеты летят,
да пространства проносятся мимо.
Да с укором глядит вмёрзший в небо недвижимое Спас,
И душа цепенеет пред высшею силой незримой.

Здесь играет тобой то, что больше пролесков и гор,
Больше вольной мечты,
больше мизерных сил человеческих.
И не может душа уместить этот белый простор!
И не может душа потерять эту снежную вечность!

2020

* * *

Что там? На площадь упал самолет?
Ведьма кричит? Пугачиха поёт?
Ванька на поле разлил самогон?
Землю шатает на рельсах времён?
Вольная воля уносится прочь?
Долго ты тянешься, русская ночь!

2020

Лев Святого Терасима

— Да будут зверю дикому отныне
Питьём — роса, а пищею — трава.
...И лев пошел за аввой по пустыне,
Почуяв явный отсвет Божества.

Но люди слабы волею — однажды
Льва оболгал такой же добрый брат.
И к гриве солнца взвился львиной жаждой
Надрывный долгий рёв: «Не винова-а-а-ат!»

Зверь всё терпел: неправду, боль невзгоды,
Он жил, как пастырь в гневе приказал:
Стерёг овец, таскал в кувшинах воду
На дне повозки хлипкой — и алкал!

Когда же авву в землю схоронили,
Лев камни рыл и плакал что есть сил,
И умер на рассевшейся могиле,
Поскольку он однажды любил.

А мы давно забыли, что над миром
Поставлены Всевышним исстари.
Как ждёт он нас! А мы проходим мимо —
Священники, святители, цари.

А миру — мир, а миру — радость снится.
Он львом ручным лежит у наших ног.
— Смотри вокруг! — поют цветы и птицы,
И человека ищет древний Бог.

Но нет нас под гремящим небосводом.
Бьёт дым из труб, сочится свалок яд.
И гибнет мир, и рушится природа
И в небеса кричит: «Не винова-а-а-ат!»

И плачет мир волнами и громами,
И роет жирный чернозём могил,

И тихо умирает вместе с нами —
Поскольку он однажды полюбил.

2016

* * *

*И из шипов они сплели
Венок колючий для него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили его.
Алексей Плещеев*

О, как прекрасен этот куст
Огромных роз, пунцовых роз!
Но для Любви пришёл Иисус —
И на Кресте распят Христос!

С тех пор века и дни идут,
Века идут, проходят дни.
А эти розы всё цветут,
И кровью всё сквозят они.

Любовь поёт, любовь поёт,
И всё цветёт, цветёт окрест.
А кровь течёт, а кровь течёт,
И розы увивают Крест.

Сядь на скамейку и вдохни
Тяжёлый запах неземной.
Опять за днями мчатся дни.
И это — жизнь. И нет иной.

И нет иной — лишь над судьбой
Светила тёмные сквозят.
И молча всходят над тобой
Скупые перечни утрат.

А я хочу в садах весны
В родных ладонях руки греть.
Не говори, что смертны мы —
Любовь не может умереть!

— Любовь не может умереть! —
Поют всю ночь из долгой тьмы.
И мы не можем умереть
В саду Твоей Любви — и мы...

2016

Александр Свирский

(Поэма)

*За всю историю человечества
Святую Троицу видели два человека —
св. Авраам и св. Александр Свирский.*

Свет вырос из полночи обледенелой,
И сосны застыли над Свирью метельной.
А в свете безбрежном — три ангела в белом.
В ночи бесконечной — Господь беспредельный.

Под кровлю вошли три сияющих мужа,
И нищая келья наполнилась светом.
Слепящим, летящим... А далее нужно
Молчать — как молчали преданья об этом.

Ведь в старых преданьях как чистое знание
Даются лишь света слепящего волны:
Сиянье-сиянье-сиянье-сиянье —
Всё знание — в сиянье. И знание — полно.

И голос раздался в сиянье глубоком:
«За чистое сердце, что Сущему внемлет,
За то, что просил о познании Бога,
Мир дам, Александре, тебе Я — и Землю».

И сосны над низкою мшистою крышей
Всей плотью — корнями, стволами и хвоей —
В сиянии светлом качались всё тише:
Их плоть изменилась, вобравши другое.

И святость впитавшие чёрные ели
Летели в снегах, пережив своё время,
Свирелями света над Свирью звенели —
И сеяли в землю священное семя.

И Троицы Царство впечаталось в дали —
Огнём отразилось в ручьях и озёрах,
Вросло, запылав куполами-свечами,
В сосновое чистое сердце простора.

Три ангела — в снеге! Три ангела — в буре!
Три ангела — в гневной войне без предела!
Три ангела — в мгле революций и тюрем!
Три ангела — в лютой ночи поседелой!

И ты, милосердья земная сестрица,
Как свет, долетевший из века иного.
Спит век милосердия. Что ему снится?
Три ангела у изголовья больного.

Не зря, Александре, в младенчестве дальнем
Как Сергей, просил ты, желаний не множа,
Прожить, не вкушая земного познания,
Душой уповая на знание Божье!

А мы, соблазнившись на ложное знанье,
Заморские ереси, злые химеры,
Стоим, растерявшись, среди мирозданья,
Не зная — где Родина наша и Вера.

Плывут на экранах кровавые даты.
Убиты цари. Рождены лжемессии.
И трудно поверить, что было когда-то
Священное Троицы царство — Россия.

И нету конца этой ночи огромной
С огнём телебашен во тьме законной.
И нету конца этой ереси тёмной,
Войне многоликой — информационной.

И разум разнузданный круче и круче
Жжёт фарами ночь на крутых поворотах.

И опыт веков ничему нас не учит —
Что было, да сплыло — не наша забота.

Но мощи святые нетленны и ныне.
Что видело Бога — не знает о тленьи!
И чистое сердце веками не стынет
В свирелях снегов — глубиной искупленья.

И тот, кто молил за царей и народы
И ересям века сказал: «Да изыдет!» —
Лежит, отрицая законы природы —
И дышит, и слышит, и знает, и видит.

В ладони живой — даром Бога тяжёлым —
Мир Божий с любовью и бедами мира.
А к раке слетаются вьюги и пчёлы
И пьют драгоценное милости миро.

Но там — в буреломах, в чащобах старинных,
Ещё не испиты запасы покоя,
И память России в запретных глубинах
Сквозит недоступной Небес чистотою.

Летишь ли в машине — ни света, ни знака:
Закат над шоссе да старинные ели.
Вдруг выхватят фары из снежного мрака
Трёх ангелов в белом — в безбрежной метели.

Три ангела — в снеге! Три ангела — в буре!
Три ангела — в гневной войне без предела!
Три ангела — в мгле революций и тюрем!
Три ангела — в лютой ночи поседелой!

А чудо мгновенное длится и длится.
И пар со свеченьем идёт от капота.
И свет остывающий долго струится.
Немного — и скроется за поворотом.

И вспомнишь, седой гражданин мирозданья —
В старинных преданиях над головою

Шумит не замшелое Древо познания —
Сосна покаянья поёт над тобою.

И спросишь: а ты-то — кто ты в этом мире?
Кто ты — пред любящим этим простором?
Пришёл Александр в урочища Свири,
Чтоб каждый прозрел через Троицу — кто он.

Чтоб ясно сияло небесное знание,
Сметая всех ересей злые химеры,
Где — вечное место твоё в мирозданье,
Кто — Бог твой, и в чём твоя главная вера.

2020

Простёр Ты землю,
как кленовый лист

* * *

**За всех, погибших в пучинах моря.
За всех, почивших в далёких землях.
За всех, погребённых у отчего дома.
За всех, ещё никогда не живших.**

А трактор лезет на холм пологий,
И сельсовет в полынью глядится.
Все — по весне развезло дороги,
И рощи в небе летят, как птицы.

Не трусь, парнишечка, — все под Богом.
А что до смерти — да кто ж подскажет?
Вишь — Русь стоит на холме пологом
И в тучах рыхлых — берёзой машет —

**За всех, погибших в пучинах моря.
За всех, почивших в далёких землях.
За всех, погребённых у отчего дома.
За всех, ещё никогда не живших.**

1986

* * *

Олегу Ермакову

Заревёт ли медведь, зазвонит ли рассвет,
Тронет душу неведомый сон —
Здесь великие реки выходят на свет
Из берложьего зева времён.

Здесь медведицы-сосны на лапах рудых
Лижут мёды зари спозарань.
Не напейся из следа болотной воды
И медведицей лютой не стань.

От Днепровских ворот в молодом сосняке
Пеплы войн на долины летят.
Треплет русые волосы в березняке.
Узнавающе щурится взгляд.

Нас сквозь дебри смертей и рождений вели
Знаки войн и горящих планет.
Это — глубже меня, это — дольше земли,
Это знание древнее, чем свет.

Мы пришли из России и канули в Русь,
След оставив и песнь на земле.
Всё пройдет и исчезнет — но я не боюсь
Раствориться в светающей мгле.

Не рыдай о прошедшем — а тропку приметь
Через гари — в страну старину.
Заиграет ли лось, заревёт ли медведь,
Взроет дикий кабан целину.

Там, на просеке, чёрные тени лежат,
Гривы сосен от ветра дрожат,
И медведица-мать ревёт на закат
И выводит к Днепру медвежат.

2009

Детское воспоминание

Лошадь старая. Чёрны глазницы.
Чёлку трогаешь — зябнет рука.
Лошадь чутко смежает ресницы,
А во взгляде — такая тоска!

Дед-крестьянин в катках-сапожищах,
С рваной торбой великих судеб.
В магазине пустующем нищем
Только спички сырые и хлеб.

Лошадь глаз влажноватый скосила,
Хлеб с ладони снимает губой.
Мама шепчет: «Увозит Россию
Эта лошадь под старой дугой».

Над сугробом лежалого сена
Дед поёт среди мёрзлых овчин.
Катят сани по снежной вселенной,
Покидая пустой магазин.

Я смотрю сквозь морозы и слёзы.
Завороженный плавится взгляд.
На дороге навозные розы,
Как кострища тевтонцев, дымят.

Миг — и, чёрной беды не осилив,
Даль сомкнется под старой дугой.
Не шепчу я: «Куда ты, Россия?» —
Я не знаю России такой!

Но кричит глуховатый крестьянин
И вожжами о воздух звенит,
И ныряют в сугробинах сани,
И смыкается снежный зенит.

2008

* * *

Никто не косит чёрные бурьяны.
По всей округе — тленье и распад.
Глядят сквозь ночь в тягучие туманы
Глаза пустых, забытых Богом хат.

И собранный по чьей-то дивной воле
В честь жизни той, что пела и цвела,
Стоит музей в безлюдном диком поле
На улице умершего села.

О жизни той, что пела и светила,
Ржаной косой пленив пределы стран,
Горят горшицам сонные светила,
Рубахам красным пляшет сарафан.

А у светца, где в пёстром полушалке
Крестьянка-мать детей учила жить,

Соломенное чучело на прялке
Сучит судьбы таинственную нить.

Растут в бурьяне племена другие.
И на могилах родины моей
У древних хат легко зовут Россией
От чужаков родившихся детей.

А ты всё ищешь правды и исхода,
Пока, дыша в затылок тяжело,
Других миров ненужная свобода
Летит с дождём в разбитое стекло.

И не смирившись с пагубой и тленом,
Музейный зритель родины своей,
В умершей хате споришь со вселенной,
Но лучшей жизни — не находишь в ней.

2010

* * *

Свет плывёт по великому кругу
От коптилки к Душе мировой.
Ночью в чёрные дыры округу
Тянет вместе с землёй и травой.

Под свеченье пастушьего зрака
Тают в вечности головы стад.
В чёрный омут великого мрака
Затянуло деревню и сад.

Только аист, по росным орбитам
Налетавшись на красной заре,
На фонарном столбе позабытом
Вьёт гнездо на крестьянском дворе.

Он сгорает в земном настоящем,
В брэнном теле познав бытиё,
Токи вечных вселенных горящих
Замыкая на сердце своё.

Выйдет бабка под старые липы.
Перекрестится, глядя туда,
Где под птичьи порханья и хрипы
Бьют смертельным огнём провода.

Тянет в омут познанья планету.
В чёрных дырах — а всё же живём.
Видишь, Боже, и мы не без Света
В погибающем мире Твоём!..

2009

Корявые ивы! Столетние ивы!
Под сонными вёслами — света извивы.

Летучие лозы! Покой долгожданный!
Луч, в кронах сквозящий над галькой песчаной.

Мир, светом представший сквозь влажные тени.
Рок, ласкою ставший в лучах примиренья.

Прилечь, и забыться в траве у дороги,
И вытащить лодку на берег пологий.

Пусть дикие утки, поднявшись на крылья,
Бегут по стоячей воде без усилья,

И селезень плачет над ряской зелёной,
И падают в воду шуршащие кроны.

2004

Лягушка

Хлестнёт стрелой осока по рубашке,
И топь, обдавши жижей от щедрот,
Откроет вдруг царевну в камуфляжке —
Зелёную красавицу болот.

Она сидит на чёрной кочке тронной
Среди ужей, стрекоз и древних жаб,
И ласты, как дрожащие короны,
Сияют на концах бугристых лап.

А поутру, когда лучи играют
В протоках — вновь в пространстве разлита
Манящая трясиную, чужая,
Отчаянно *не наша* красота.

Отчаянно, нечаянно — не наша
Любовь и неизбывная вина,
Как кем-то опрокинутая чаша,
Что нашею на свадьбе быть должна.

Но, красоту легко назвав уродством,
Забыли мы, что в тине сонных дней
Тебе, царевне, радостней поётся.
Тебе, царевне, видится светлей.

Что в многоликой песне сотворенья
Под утреннее пенье соловья
Была и ты как чудное мгновенье
Записана в болотах бытия.

2022

* * *

Купол и крест в златоструйной листве.
Тёмные лица старух.
Белые козы на синей траве.
Древний, сияющий дух.

В хвартучках пёстрых, седым вечерком,
Грабли забыв и ухват,
Сядьте своим говорливым рядом
Возле разрушенных хат!

Пусть пролепечут беззубые рты
Сказ о добре и о зле.

Это — последний оплот красоты
На запустевшей земле.

...Нюрки да Шурки... В поленцах — дрова.
В рощах — берёз шалаши.
Мысли чисты, как земля и трава,
В нищенстве тихой души.

Старое солнце зайдет за порог.
Песней взлетит красота.
Люди не слышат — но слушает Бог,
Ибо блаженны уста.

2003

Богородица и листопад

(По народным легендам из «Смоленского
этнографического сборника» А. Н. Добровольского)

1

**Высок мой Бог. А полдень мира — чист.
Простёр Ты землю, как кленовый лист.
Здесь между чёрных хат по солнцу вод,
Пугаясь, лебедь белая плывёт,
В борозде за островом осок
Трещит картошкой старый костерок,
И Богородица, откинув плат,
В грибном лесочке крестит листопад.**

**Мычат коровы. Пахнет сеном тьма.
Зачем мечтать? Мечта сведёт с ума.
Копай картошку, пей дожди полей
И песню пой о родине своей.
Пространство — слушай. Времени — внимли.
Лишь коротких ждёт наследие земли.**

**И дедам Бог — к молитвам гордых глух —
Земную ширь — вручил за кроткий дух.**

**А клёны полыхают всей листвой,
Что жив — Господь. Что Бог — всегда с тобой.**

2005

2. Четыре матери

Крест на хлебе, крест на скатерти,
Крест на небе и земле.
Дал Господь четыре матери
От рождения тебе.

Мать Божья чистой верою
От греха тебя хранит.
Мать Россия с вечной верою
Пасть за Родину велит.

Мать Земля дарует силушки,
Тянет в глубь свою по грудь.
Мать родная тянет жилушки —
Ты её не позабуди.

2005

3. Богородица и листопад

Шла Богородица в лес за грибами,
Куталась в старенький плат.
Жёлтые листья мело под ногами,
В рощах горел листопад.

Добр боровик. Толст маслёнок лиловый.
Светит опятами пень.
А по холмам разбрелись, как коровы,
Хаты больших деревень.

Храм мой земной, как собор, многоглавый!
В жёлтых берёзах закат!

Вдруг из-под ёлки приходит лукавый,
Просит: «Отдай листопад!»

В шорохах леса — очнись и послушай! —
Ропот укора: «Умру!»
Это не листья, а умерших души —
Души шумят на ветру!

Древо Креста и страдания Древо
Грезится клёном воде.
Молится вечности Вечная Дева —
Время гудит о беде.

Смотрятся тьмою в ручьи бездорожья
Окна заброшенных хат.
Что Ты наделала, Матушка Божья,
Как отдала листопад?

Минули годы в тоске бесполезной.
Где ты, Россия моя?
Всех засосала нас адская бездна,
Как колесо колея.

Вечное поле не гнётся под хлебом.
Горькую пьёт гармонист.
Носится между землёю и небом
С дерева сорванный лист.

Чтобы не стало страдание вечным,
Раной припав к высоте,
Станет теперь распинаться Предвечный
Сын Твой — на древнем Кресте.

2005

4. Воробьи и ласточки

— **Жив! Жив!** — кричали воробьи.
— **Умер! Умер!** — кричали ласточки.

Сменила орбиту планета,
И звёзды померкли окрест,
Когда в полусфере из света
Над миром возвысился Крест.

Стонали в наитии древнем
Петух и кобыла во тьму,
И жалобно жались деревни
Домами — к Кресту Твоему.

Шли тучи угрюмо и плотно,
И бабы срывались на плач,
И плотничать адский работник
Учился у Бога — палач.

Весна, Твои стоны скрывая,
Гремела ручьями вдоль нив.
И лишь воробьи, предавая,
Свистели безжалостно: «Жив!!!»

А ласточки гвозди таскали
И прятали в сердце гнезда,
И «умер!» надрывно кричали,
И падали на провода.

2005

5. Трагедия

У апостолов на скатерти
Пар рассыпчатых картох.
На поминок Сына — Матери
Доброй снеди выдал Бог.

Входит Сын — рукой безгрешною
Тёплый хлеб в печи берёт.
Видит Мать Христа воскресшего —
Но никак не узнаёт:

— Как прекрасны снеди постные —
Груздь с опёнком золотым!
Благодарна я, апостолы,
Угощениям земным.

Надкушу я рыбку малую,
Изолью криницы слёз.
Коль воскреснет рыбка камбала,
Значит, жив Мой Сын Христос. —

Рыбка — трёп! Как будто в вечности
Бог простил и свет возник.
Встрепенулась снедь беспечная,
Вольный вскинула плавник.

— Вот Он, Вот Он, Сын кручинный мой,
Хлеб спасенья ест тишком
Под иконами старинными
С вышиваным рушником.

Вот Он, вот Он, тьмой весеннею
В рощах ветел и берёз
Весь в цветах и юной зелени —
Мой Возлюбленный Христос!

2005

6. Никола

Ох, а куда ж ты идешь, Никола?
Ай за малиной? Ай за грибами?
За позабытой сельскою школой
Есть ещё роща с боровиками!

Не в лапоточках, как на иконе, —
В старой кирзе по полям шагает.
Можа, в больнице, а можа, в поле
Сновастряслася беда какая.

Или нужда завелась в народе?
То-то ты ходишь по хатам чёрным.

Тут и спасать-то некого вроде —
Кто поживали, все перемерли.

Редко сосед погостить с погоста
Придет — как ветер хлопыстнет дверью!
А что до веры — так с этим просто:
Сдохнешь, когда перестанешь верить.

Ты проходи, не стеснясь, в хату,
Ноги погрей, посуши-ка спину.
Много вас, вестников сил крылатых,
Ходит по нашим полям пустынным.

Наша Россия — дожди да лужи,
И ни словца о земной потребе.
Да ничего — не помрём, так сдюжим!
Что-то тут есть, чего нет на Небе!

Ай, потрусил, потрусил по лужам,
По бездорожью, по раздоржью,
Наш торопыга, святой услужник,
Дивный Никола, помощник Божий!

Может, ещё и спасёшь однажды.
Дождь барабанит в крыльцо и в спину.
Вечно томима духовной жаждой,
Буду молиться — тогда не сгину.

2021

7. Угодники

У вётел кроны сини.
Покой и сонь в селе.
Угодники святые
Проходят по земле.

Стрекозы золотые
Садятся в пыль дорог.
Идут землёй святые,
А вместе с ними — Бог.

Петр с Павлом в торбе рваной
Несут молитвы в рай.
С косою за Касьяном
Шагает Николай.

Иван Креститель грабли
Несёт — как Бог, речист.
Поют Егорий Храбрый
И Марк Евангелист.

Ведёт вдоль вётел стёжка
В деревню Упокой.
Отличная картошка
В селенье за рекой!

Гудит колодец древний
В дремучих лопухах.
Как козочка, деревня
Бежит пастись в овраг.

На окрик бабка выйдет.
Морщины в пол-лица.
Глядь — никого не видит
Со старого крыльца.

— Поможем бабке трошки, —
Апостол Петр велит. —
Касьян, копай картошку!
Иван, грузи кули!

Никола за лопату
Хватается в сенцах.
Ведром Егорий Святый
Гремит полдня в сердцах.

Пускай с небес на лица
Ложится свет иной,
Но нечего гордиться
Перед родной землёй.

Не хуже Царств Господних —
В капустных грядках скат,
На старом огороде
Клубящийся закат.

А если возгордимся
Перед родной землёй,
Навряд ли мы родимся
В небесный край иной.

Сверкает соль на хлебе.
Летит благая весть:
— Мы пригодимся в Небе,
Кольгодились здесь.

2005

Найдёшь ли рушник вышиваный
С поющим на льне петухом —
То солнце встаёт за туманом,
Храни его в сердце своём.

Найдешь ли народное слово,
Расшитое ярким крестом, —
То розан из мира былого,
Храни его в сердце своём.

Найдешь ли гниющую хату
С забитым крест-накрест окном —
То ищет ночлега Распятый,
Храни Его в сердце своём.

2008

* * *

Екатерине Козыревой

Чей там взгляд — летит, смеётся,
Бьётся синим в синеве
На заборе, на колодце,
На крылечке, на скамье?

Алый шелк крыла резного,
Взора древнего топаз,
Вьётся в воздухе сосновом
Бабочка павлиний глаз.

Взмах — глаза глядят с испугом.
Взлёт — парят, шепча: «Ты чей?»
Над обочиной, над лугом,
Над Россиею моей.

Никуда от глаз не деться.
Виден грех и виден рок.
Часто-часто бьётся сердце.
Близко-близко дышит Бог.

Воздух зряч — и зрячи дали.
Зряч — в затонах рек закат.
Зрячи — правдой слёз печали.
Зряч — крылатой мыслью взгляд.

Потому дороже жизни
Боль и свет души моей,
Небывалая отчизна:
Мир, исполненный очей.

2003

* * *

Эту нищую землю никто не спасёт.
Византийских преданий гниют купола.
Пантократор всё держит разрушенный свод.
Панагия всё молит над прахом села.

Здесь великие войны и моры прошли.
Стогны царств погрузились в закат за леском.
И крестьянские кости давно поросли
Молодым сосняком да густым лозняком.

В этот жирный репей, в этот буйный осот
Много вёсен ничья не ступала нога.
Если враг в запустение ратью придёт —
Кто Россию собой заслонит от врага?

Лишь расстрелянный батюшка в Бозе лежит
Недалече от церкви — под чахлым кустом.
Да убитая матушка в Бозе молчит
Недалече от церкви — за сгнившим мостом.

Не понять им с креста после жертвы святой,
Как округа томится за миг до беды.
Если вера искуплена кровью живой —
Почему ты боишься бессильной орды?

Здесь под каждым крестом и под каждым кустом
Сонмов мучеников упокоился прах.
Погибали они, чтоб восстать над врагом,
За Христовый живот — не за вражеский страх.

Всевластитель косою сметает репы.
Всесвятая граблями сгребаёт осот.
Православное Царство стоит на Крови —
Почему ты твердишь, что никто не спасёт?

Много сгибло досель. Много сгинет потом.
Сроки близки. Земные долги велики.
Под царьградским крестом и под русским крестом
Всюду — мученики. Только — мученики.

2013

Всемирная церковь

Давно деревни вымерли в округе.
И за молитвой жизнь простую для,
В забытой церкви, в обветшавшем круге
Остались тихий поп да попадья.

Они стары как мир. На клирос сонный
Сквозь дыры в крыше дождь звенит светло.
То мышь шуршит за чёрною иконой.
То выпь кричит в разбитое стекло.

То бабка Марья, что ещё старше,
Чем мир окрест, забыв о счёте лет,
Через овраг в промокшей душегрее
Бредёт спросить — каков он, белый свет?

Всё глуше мрак. Но служба в храме длится.
Под сенью проржавевшего креста
Вино и хлеб желают претвориться
Во Кровь и Плоть Пречистого Христа.

И сходят с туч, как даль окрест, убоги,
Тревожа сон зачитанных житий,
Святые старцы, прожившие в Боге —
Лампады Палестин и Византий.

Гудит бурьян, что минула Россия.
Но надо мхом церковных сгнивших стен
Восходят Царства — вечные, святые,
Не знающие тлена перемен.

И сам Христос, продрогший в ветхой раме,
Сквозь дождь и мрак несёт Благою Весть,
Чтоб знали все в забытом этом храме,
Что центр мира — пребывает здесь.

Черёмуха в щёлканье веток —
Сквозящий резной силуэт.
Как будто слепили из света
И в плоти оставили свет.

Парит себе, не беспокоясь,
В цветении сбросивши вес.
Какая-то чудная прорись
Энергий, упавших с небес.

А рядом — канавы и склоны,
Крылечки, калитки в цвету.
Господь, как большую икону,
Весь мир написал — *на свету*.

В сплошной похвале благодати
Ни тени, ни тления нет.
Но всё здесь — божественно кстати,
И всё, что здесь явлено, — свет.

2007

Когда цветёт стоячая вода
и зелен воздух, как заросший пруд,
и небо зелено от мелкой ряски,
и время зеленеет и дрожит,
а тина жизни поглощает всё
и всех, и подчиняет мир себе —
зачем тебе ненужное движенье
и беспокойство вечных перемен?
Цвети, вода, цветите, небеса,
ленитесь жить, и размышлять, и тлеть.
И трудно догадаться невзначай,
что эта плавность медленных равнин,
что эта леность медленных колосьев,
что эта сонность медленных дорог
не есть покой души,

не есть любовь,
не есть оплот созревшего терпенья.

Да что терпеть, чего в терпенье ждать?
всё погрузится в тину, всё впадёт
в глубокий сон и будет зеленеть
торжественно на самом дне болота...

Но я люблю, когда зелёный луч
скользит сквозь тину, и не видно дно.
А луч скользит всё дальше, как ныряльщик,
покуда воздуха хватает в лёгких.
И вечно что-то высветить он хочет,
но зеленеет, обрастая тиной,
теряет быстроту и остроту
и вынырнуть не может на поверхность —
тяжёл, тяжёл,
он слишком стал тяжёл!

А головастик вынырнет из ряски,
и косиножка пробежит по водам,
и стрекоза крылом коснётся тины.
И хочется от дна
ногою оттолкнуться —
и на поверхность выплыть, и вдохнуть
бодрящий воздух жизни.
И снова — жить.

2022

* * *

Взяла себя глина по рвам, колеям да ручьям,
Схлмила холмы, настелила на камни траву
И, трудно вздымаясь, слепила приземистый храм,
Глазастою маковкой вплавивший взгляд в синеву.

Невзрачен тот храм, непригляден, по-детскому прост,
Тяжёл на подъём в глинобитной кривой городье.
Ему не взлететь над полями, не встать в полный рост.
Слепил себя сам — и стоит, прилепившись к судье.

Но надо же как-то молиться холмам и полям,
Кипрею с крапивой, огню молодой муравы.
Не всем же летать, как беспечным шальным журавлям,
И с неба кричать беспечно — курлы да курлы!

А глины молитва всегда приземлённо-тиха,
Ни высшего смысла, ни проблеска вечной любви.
Но сырых — расслышь распахнувшимся сердцем стиха
И словом открытым в закрытую высь позови.

Да есть ли заслуга — ценить на беспутьях земных
Везенье полёта — курлы да курлы! — в синеву.
Ведь должен же кто-то любить безответно и их —
Заброшенных, нищих, ненужных давно никому.

Своих до озноба, слепивших судьбину не так:
Дорожища — в лужах, травища — пырей да осот.
И всё-то беспутно в них, всё-то наперекосяк.
Но ты не полюбишь — и Бог их, родных, не спасёт.

2016

* * *

Запутались в волосы пчёлы.
В ведре — золотящийся зной.
Покорная муке весёлой,
Я прядь расчешу пятернёй.

За пасекой — клевер и мята.
Не зная житейских тревог,
Бегут облака и закаты
В обочинах пыльных дорог.

Я верю горящему духу,
И горе меня не берёт.
Лишь бродит, родя медовуху,
Гречишный и липовый мёд.

Плесну себе браги горячей.
Свободно — была не была!

Махну на лихую удачу —
И руку ужалит пчела.

2006

* * *

Звенит, сквозит черёмуха лесная,
Привольна и прозрачна, как вода.
А мимо рельсы с шумом пробегают,
Ревут в просторе гулком поезда.

В смиренном сне над вырубленным склоном,
О прожитом не думая всерьёз,
Она цветёт и смотрит удивлённо
На вечное движение колёс.

На гневное алканье на пределе.
На дерзкий поиск счастья и любви.
На вечное стремленье к вечной цели.
На гордый шум в бунтующей крови.

Ей гром шоссе и шум столиц не снится
И вечный путь в блистании огней.
Она цветёт — ей некуда стремиться
В самодостатке полноты своей.

Ей дал судьбину Боже бездорожий,
Ведущий верных духом высоко.
И суть свою познав в неволе Божьей,
Она сбылась беспечно и легко.

Она хранит любовь у края ада
В сокрытой за туманами дали.
О, всё в ней есть — ей ничего не надо
Ни от благих Небес, ни от земли.

2010

***Пусто в осенней тьме заоконной,
Всеми ветрами насквозь продутой.
В красном углу, рядом с иконой,
Чёрной тарелкою — репродуктор.***

Трудно в печурке дымит осина.
Тело древесное стонет глухо.
Молит старуха Отца и Сына,
Молит старуха Святаго Духа.

Это ль не глас Его льётся с Неба
Птицей кружащейся — шире, шире —
Над золотую ковригой хлеба
Из ничего возникая в мире?

Он возникает в пустой деревне,
В хате, где вечность гудёт по дырам,
В полном согласьи с писаньем древним,
И — примеряет старуху с миром.

Муж — опочил за Полярным кругом.
Сын — под Берлином в могиле братской.
Дочка — в зелёном холме за лугом.
Как до Небес, до них не добраться.

Ты их прости в их летучих хатах,
Нищих старух по пути на Небо.
В мире подмен для судьбой распятых
Эта наивность — дороже хлеба.

Слухая клятвы, дивясь на речи,
Долгонько шли они бездорожьем.
Разве учуешь, где речь человечья,
Где благодатное Слово Божье?

Терпят они — под платком пуховым.
Верят они — и в добро, и в славу.
Тот, кто их ночи глаголет Словом,
В Деле всегда остается правым.

**Пусто в осенней тьме законной,
Всеми ветрами насквозь продутой.
В красном углу, рядом с иконой,
Чёрной тарелкою — репродуктор.**

1989

* * *

Ивы да хаты, родная сторонка,
Отчей судьбы уголок!
Ходит по полю коровка Бурёнка —
В пятнышках клевера бок.

В поле — коровьи лепёшки да ветер.
В стойле — крапива да мох.
Звякнет подойник дождём у повети.
Скрипнет в бурьяне порог.

— Му-у, ненаглядные, что это с вами?
Отчая память кратка.
Некому в руку уткнуться губами.
Некому дать молока.

Небо лиловыми смотрит очами
В ямки коровьих копыт.
И колокольчик звенит о печали,
Всё о печали звенит.

2003

* * *

— Да тихо всё.
— Ну и добро.
Всё в мире тихо, что мудро.
— Покой и сон — не злоба.
А у деревни Боровки
Вчера (видали старики!)
Мертвец восстал из гроба.

— Куда ж он, родненький, пойдёт?
То дождь идёт, то снег идёт.
Ишь — хлещет как по рамам.
Слышь, что-то грустно.
— Ты о чём?
— Да кто-то звякает ключом.
Не он ли?
— Ну уж, прямо!

— А если он — так что теперь?
— Да выключь свет, захлопни дверь.
Мертвяк к добру не ходит.
Хлеба — в земле. Гробы — в цене.
И дело, кажется, к войне.
— Да нет же, тихо вроде.

Но кто-то крикнул:
— Кто тут есть?
Я вам принес благую весть,
Земным, забытым, милым.
Я шёл сквозь годы — напролом.
Я землю протаранил лбом.
Я послан был за миром.

Но у деревни Боровки
Глядятся хаты в глубь реки.
И тихо так, что странно.
— И впрямь, куда же он пойдёт?
— Да ну, покличет и уйдёт.
То дождь идёт. То снег идёт.
Ишь, хлещет как по рамам.

1987

* * *

Куда нам лететь?
Алый парус любви и тревог
Трепещет, как солнце, в заросшем травую просторе.
И это ступившее вольно на сгнивший порог
Огромное небо — синее, чем всякое море.

И знаешь ты сам, что умею я петь и летать,
Мечтою стремясь во все дальние стороны света,
Под смуглой рукою твоей расцветать-трепетать,
И в небо нестись, облетая от солнца и ветра.

В движеньях и мыслях вольны и бездумно легки,
Так маки огнём полыхают в траве у забора,
А ветер пахнёт —
и летят, разбросав лепестки,
Огромною алою бурей земного простора!

Ступлю, не прощаясь, на старый дощатый порог.
Пыльцу с лепестками в крапиву стряхну с сарафана.
И вдруг задохнусь от нахлынувших к сердцу тревог.
И снова услышу — горит моя старая рана.

2023

* * *

Густеет в соснах ночь июльской прохладой.
В смолистый запах звёзд вплетает дух чабрец.
И так же, как с тобой, с литкою и жабой
О смысле бытия беседует Творец.

И так же, как твои, Ему привычно внятны
Их щедрые миры других забот и бед.
Он рад спасти червя, пока морзянка дятла
Тревожит древний ход сияющих планет.

Он всех их сотворил — провидец и художник.
Он познавал Себя, вложив Себя в других.
Но суть Любви не в том, что Он без них не может —
Неполон и лукав огромный мир без них.

И если кто-нибудь на зов не отвечает
Творцу — свою судьбу и тяготы кляня,
Он, как Отец, скорбит, тоскует и скучает:
— Неполон мир без вас! Безрадостна земля!

И ищет Он в смоле потухших звёзд планету.
И ищет Он червя в суглинках темноты.

И дрожью зов плывёт без слова и ответа
По кронам и ветвям:

— Куда же делся ты!

2017

Звёздный Коловрат

Где пасёт коней святой Меркурий
И в Силах Архангелы трубят,
Семь Небес прошёл Гагарин Юрий,
Божьей волей — Звёздный Коловрат.

На разведку к Вере и Надежде,
На крыло и лапки легки,
Здесь ходили в Небеса и прежде,
С обмолотом кончив, мужики.

Были б торба да рубаха с кантом,
Да высокой веры на вершок,
С медным грошем да с большим талантом
Разве мужичка отринет Бог?

Там парят в рассвете Херувимы
Над волшбою ржи и чабреца,
И Христос бредёт, С собой хранимый,
В лапоточках — полем без конца.

Пролетим по весям и по градам
Семь небес, покуда носит конь,
Где рубины тянутся к смарагдам,
Вьёт дворцы сияющий огонь.

Ты, Господь, прости нам прегрешенья,
Тяжкий колос вечного греха!
Нам бы только выстоять в лишеньях,
Не предать Тебя до петуха!

Киселём наполнятся колодцы,
Засвистит, как сирин, соловей.

На Руси мы все — космопроходцы
В сто молитв прадедовых кровей.

А какие в небесах иуни
И о чём там сирины свистят,
Рассказал улыбкой людям Юрий,
Божьей волей — Звёздный Коловрат.

2008

Дорога к звёздам

Над Клушиным — сухой прозрачный воздух.
Позёмка вяжет белые шлеи.
А мимо изб бежит дорога к звёздам
В две снежных неглубоких колеи.

С землёй мешая вьюжные туманы,
Гудя в простор морозного утра,
Её машины месят неустанно,
По ней ползут большие трактора.

Она бежит и тает во Вселенной
Среди берёз и бьющих жаром звёзд,
И шофера гудят лошадке с сеном,
Везущей к избам золотистый воз.

А в избах прядут белые былины
За прялицами снежными зимы,
Что мы и космос — вечны и едины.
Ещё точней, что космос — это мы.

Что до звезды неизвестной дорога
Не дольше, чем к колодезю во мгле,
Но те слова, какими славим Бога,
Творят леса и горы на земле.

И Русь, за жизнь намоленная нами,
Как изо льнов, натканная из вьюг,

Поёт всю ночь снегами и звездами,
Горит в светцах лучинами старух.

А в санках туч, как ртуть небес, подвижен,
Уставши за ночь править под дугой,
Планет горячих плазменную жижу
Живой Гагарин трогает рукой.

2008

Гнёздова

Мы придем однажды, утром рано,
Хвойною дорогою туда,
Где о камни гнёздовских курганов
Шкуру трёт днепровская вода.

По долинам смерти — свет клубится,
И курганы чуть дрожат во мгле,
Будто это свили чудо-птицы
Гнёзда исполинские в земле.

И мальчишкой, птицеловом грозным,
В травостой лесной упавши ниц,
Шарит ветер земляные гнёзда,
Будто ищет крапчатых яиц.

А над мраком земляных гнездовий,
Встав во весь древесный дивный рост,
Тополиха держит в изголовье
Чёрные стога грачиных гнёзд.

Всё гнездится, всё покоя ищет,
Гнёздами очерчивая круг,
И над люлькой, и над пепелищем
Замыкая тёплый обруч рук.

И в поре распада ли, цветенья
Молит мир на долгие года

О спасенье, и о воскресенье,
И о возвращении сюда.

1990

* * *

Присядь на коряги. О прошлом печалиться — поздно.
Кипит котелок, и лещами трепещет сума.
Над волоком древним — горячие древние звёзды,
И древние сосны, и древняя, древняя тьма.

Огромные сосны, гудите вы в счастье свободы,
Века вам шуметь или миги — конечно, одно.
Бегут через сети по-щучьему скользкие воды,
И в лодке моторной коряги не трогают дно.

Каган или конунг смирили великие реки,
Купец или князь в алый парус воткали зюйд-вест,
Смолёные струги прошли из варягов во греки,
Из Азий в Европы, в пространство впечатавши крест.

Здесь водятся сомы, и щуки, и сонные язи,
И в древних чащобах медведи живут до сих пор.
Здесь выгнулись парусом дали над хвойною вязью
И солнцем-Христом на закате алеет простор.

Мы памяти ищем — а сосны всё выше и выше,
Как мачта земли, корабельный сгибается ствол.
Здесь всё отзывается слову, и помнит, и дышит,
Листком и букашкой впечатавшись в летопись смол.

И знаю я точно — была я и, дерзкая, буду,
В мгновении брэнной любя всё сильней и сильней.
Не надо былого. Не это ли главное чудо —
Жизнь, бьющая пульсом в сплетениях крон и корней.

А всё, что случилось однажды с тобою и мною,
Осядет любовью в священные илы окрест,
В борах заповедных родной прогудит глубиною,
В пространство галактик впечатает парус и крест.

2008

На варяжской ладье —
солнце красное на парусах.
А на русской ладье —
зацелован бродягами парус.
И трепещет Христос
на сосновых днепровских ветрах,
и горит Богоматери ликом
старинный стеклярус.

— Эй, заезжий варяг,
не играй топором и мечом.
Ты меня невзначай
не заставишь ничем удивиться.
И у местных купцов,
ясно знающих, что тут почём,
покраснев, не спрошай:
«Это что за чудная девица?»

Я за местную дуру сойду —
только слово скажи,
только глаз отведи,
не надеясь на лёгкое чудо.
— Как зовут тебя, девица?
— Ненасытимая жизнь,
что над прахом поёт,
пробиваясь бурьяном повсюду.

И меня не поймать
ни силками отдельных времён,
ни лазоревым взглядом,
подспудно крадущим свободу.
— Что за странная речь!
Я таких непонятных имён
никогда не слышал,
хоть владетельный конунг по роду.

Что за дикая речь!
Норманн выдал — да русич не спас.

Ты повадкой своей
не похожа на наших валькирий.
Увезу тебя в рай,
что Вальгаллой зовётся у нас,
а на вашем наречье
зовётся по-птичьему «Ирий».

— А в колодце времён
так зияют мои голоса —
в родниковой воде
так струятся и множатся лица...
Хохочу на ветру —
бьётся птахой шальная коса,
а доносится плач —
это голос сквозь время дробится.

И поёт моя Русь
из колодцев забытых времён,
из седых валунов,
из сосновых распадков дремучих
в полном своде молитв —
полный перечень Божьих имён,
полный перечень воинов,
павших в сраженьях горячих.

Полный перечень бед,
полный список вознесшихся в Новь,
полный перечень всех,
спасших души в пространстве едином
в вольном городе том,
что у русских зовётся «Любовь» —
Ты туда не ходил
со своею наёмной дружиной.

2019

Освящение истока

(Поэтический репортаж)

Здесь двойною дугою небесного чистого тока
Арки маленьких радуг над чёрным болотом легли,
И растёт монастырь, и, головки склонивши к истоку,
Пьют болотную воду, теряясь в траве, журавли.

А в таком запустении и журавлю одиноко —
Сотни брошенных хат по далёкому лугу летят.
Все с уставшей земли улетели к другому истоку —
Лишь Владимир Креститель с иконы глядит на закат.

Он крестил этот край...

И доволен, что в новой фелони
Свежесрубленный храм светит солнцу смолой на шатрах,
Что с водою болот зачерпнувши кувшинку в ладони,
Над истоком Днепра Богу молится кроткий монах.

А потом облака разорвал оглушающий стрёкот —
И гниющая хата в испуге закрыла окно.
Вы зачем прилетели? Тревожить забытых жестоко.
Мы болеем давно. Мы оставлены всеми давно.

Но огромные радуги встали над плотным эфиром,
И винтом вертолёт растревожил в лугах клевера,
И седой патриарх

вышел с тихой молитвой и миром
И к купели прильнул — освящая истоки Днепра.

И прошёл по земле вечный свет от святого истока —
И по соснам седым пробежал от вершин до корней.
Это кто там сказал, что тревожить забытых жестоко?
Кто там верить устал вечной русскою верой своей?

Крест взлетел и застыл

в золотистом бревенчатом срубе,
В журавлиных лугах заиграли, паря, клевера,

Принцесса Тита

Где сосны на древней поляне
Льют в небо таинственный звон,
Лежишь ты в днепровском кургане,
Принцесса английских племён.

Давно уже стали землёю
Живые мечты и черты,
Лишь с черепа вольной волною
Свисают литые колты.

Судьбу твою Божия Пряха
Вплела в приднепровские сны.
Была ты женой Мономаха
В лесах чужедальной страны.

А там, на далекой чужбине,
С роднёй расквитались твоей,
И русскою стала отныне
Корона чужих королей.

Ведь властью наследного права
С рожденья доныне — твои
Все пашни державы туманной,
Все замки далёкой земли.

Жаль, правнуки с кровью старинной,
Забывшие напрочь о ней,
Давно не слагают былины
О битвах чужих королей.

Нас много — весёлых и сильных —
Летит вдоль шоссеек, руля.
Мы жизнь отдадим за Россию —
На что нам чужая земля?

Но кроме наследного права,
Есть право, что скрыто в крови.
И тайны туманной державы
Вобрали мы в гены свои.

И власть над далёкой землёю,
Что в венах нам кровью дана,
Смешавши с днепровской волною,
Проносим мы сквозь времена.

Эй, отпрыски Англий кичливых,
Америк, гнилых изнутри!
Нас множество — русых, красивых,
И все мы над вами — цари!

Нас множество — дерзких и юных,
Способных судьбу превозмочь,
И русская Родина струны
Вручила нам в звёздную ночь.

Вы вечно кричите: «Свобода!»,
Но сладить не можете с ней —
Ведь Бог отвечает народам
Всегда — по молитвам царей.

Вассалам, визжащим от страха,
Уроки столетий не впрок.
Но шапкой крутой Мономаха
Накрыл вас всевидящий рок.

Без имени, права и рода
Тропы к тем местам не найти,
Где спорная ваша свобода
Зажата в истлевшей горсти.

Там тайну заморского лика
Днепровская прячет земля.
Над кочкой болотной — брусника.
Над поймами — крик журавля.

Там сосны звенят по полянам
О тайнах племён и времён,
И в ночь над днепровским курганом
Туманный поёт Альбион.

Стыдно Потапычу пить да реветь —
Тешить в Париже народ.
Пляшет на ярмарке русский медведь,
Ржавую цепью трясёт.

Медный ошейник в кровавых шипах —
Силой артист знаменит.
В алой рубахе, в атласных портах,
В лапах — гитара звенит.

В русских берлогах — покой да зима.
Спят медвежата, урча.
Снится медведице белая тьма
С шишкой луны в кедрачах.

Много лесов и берлог на Руси.
Звёзды смирили свой бег.
Спи себе мирно и лапу соси,
Да сохранит тебя снег!

Но, пробуждая Урал и Сибирь,
Стонет гитарная медь.
Плохо придётся тебе, поводырь,
Если проснётся медведь!

Вспыхнет мехами заснеженный бор —
Соболь и белка равнин.
Вспыхнет вулканом камчатский простор —
Сёмгой блеснет Сахалин.

Глубь китобойных морей закипит
Волей играющих сил.
— Кто там веками водил на цепи,
Кто там сивухой поил?

Наших былин окровавленный снег
Не зарастает быльём.
Глупый охотник, дурной человек,
Поосторожней с ружьём!

Этим летом я богом была для лягушки, живущей в колодце.
В глубине зеленело. По бревнам соскальзывал свет.
Я воды набирала, и билось на вогнутом донце
Измурдное тельце, сходя от испуга на нет.

Свет дробился и пел. Ивы кронами сизыми никли
К отраженьям и влаге, и было в глубинах темно.
Две души вызревали в протяжном и горестном крике.
Ударясь о сруб, жестяное гремело ведро.

Кто тут — я? Кто тут — ты? Всё условно в таинственном мире.
Из неволи моей — только шаг до неволи твоей.
Научал меня Бог мыслить проще и миловать шире.
Спи, царевна, в ведре. Не выманивай древних скорбей.

Громыхая ведром, я её отпускала на волю.
Ей глядела в глаза и пыталась понять её речь.
И своё отраженье ловила в испуганном взоре:
Измурдная кожа сползала и падала с плеч.

1982—2007

А зверь и птица человека ждут
У чёрных изб — одни на белом свете.
И если люди жить решатся тут,
Они придут, доверчивы, как дети.

Прёт лебеда. Ржавеют провода.
Но ёж и крот о будущем не тужат.
Так в церкви ждут священника — когда
Придёт и службу Господу отслужит?

А ты — то лося ранил наповал,
То птиц стрелял в жестокости незрячей.
Что ж — царь зверей, ты сам себя назвал,
В себе звериный облик обозначив.

Ты видишь мир, как некий страшный сон,
И на живое чёрной прѣшь лавиной.
Ты паче зверя зверь во тьме времён —
Царь над зверями в самости звериной.

Но в громе туч, как в грохоте телег,
Ежу с кротом под утро сон приснится,
Что вызревает новый человек
В какой-то залетевшей в рощу птице.

И ей, прошедшей через забытьѐ,
За вековое кровное сиротство
Всѐ без возврата отдано твоѐ —
Людское к человеку не вернѣтся.

Она поѣт над разореньем гнѣзд
У хат гниющих в запустеньѣ диком,
Синица — не синица, дрозд — не дрозд —
Неведомая птица с женским ликом.

Вплетает в ночь крапиву и репей,
Слова людей мешая с птичьей речью,
И плачет над жестокостью твоей,
И просит Бога дать ей человечьѐ.

2019

* * *

Других измерений раскрыто в крапиву окно,
И сорные травы цветут в тишине оробелой,
А хата из брёвен в дождях обветшала давно,
И мальвы в бурьяне текут то багряным, то белым.

Как женские лица на стебле, качаются, смотрят в провал
Окошек разбитых.

Мгновенно поддавшись испугу,
Вздохнут — оглянутся — как будто бы кто их позвал.
И — слушают — чуткие. Чуткие — слышат округу.

И жизни другой поражает неведомый вид
Своей новизной и непонятой сутью самою —

То дождь их размочит, то ветер в листве загудит —
А лица поют и летают над мокрой травой.

Шевелятся губы, прозрачные смотрят глаза,
Качается стебель — трепещущий, тысячелицый.
В земном запустенье безмолвно звучат голоса
Всех тех, кому здесь доводилось когда-то родиться.

Колеблются в мареве над запустеньем дорог,
О чём-то сияют шмелям быстрокрылым лохматым,
А всё норовят — хоть корнями — ступить на порог
И прошлое вспомнить. А всё не уходят от хаты.

2017

Всенощная

Бык не мычал, не бился лай собачий,
Зажглась в окошках мира темнота.
Вдоль изб пустых леса тянулись, плача —
Припасть к ногам распятого Христа.

Взошла луна на синих древних хорах.
И ночь, держа подсвечник тысяч звёзд,
Слагала строки в библии простора,
Чтобы воскрес, с Креста сойдя, Христос.

И было страшно на тропинке тесной
Прозреть в провале душевной темноты,
Что с нами будет, если не воскреснешь
Когда-нибудь в Святую полночь Ты!

Каким забвеньем грех покроет лица!
Какою смертью съест живое прах!
И ничего уже не повторится
Ни на Земле, ни в падших Небесах!

Но в дребезжащем голосе старухи,
Поющей в церкви всю Святую ночь,
Такие выси брезжили и духи,
Что даже смерть сумели превозмочь.

И за древней брошенной дорога
Свернула в храм, и бор зашелестел,
И всё, навек отпавшее от Бога,
Опять текло в Его святой предел.

И вышнею стремительною силой
К больным и нищим сведена с Небес,
Вдруг — жизнь пришла и вечность наступила
Под облегчённый вздох: «Христос Воскрес!»

2008

* * *

...Но, подвергая всё вокруг сомненью,
Пустую отвергая новизну,
Всю жизнь смотрела я не на явленья —
В их тайную живую глубину.

И глубина из-за того предела,
Где каждый куст и камень мне знаком,
В мои глубины медленно глядела
Мерцающим невидимым зрачком.

Изменчивая, чуткая, живая,
Вмещающая все, что будет и сбылось,
Она смотрела в душу, узнавая,
Всю суть мою — и видела насквозь.

Мерцала — в маках, грезилась — в крапиве,
Казалась — в переменной воде,
Светилась — в соснах, колыхалась — в иве,
И — тихая — мерещилась везде.

И в этом взгляде в краткие мгновенья,
Глубины тайно озарив мои,
Мне чудились то возглас сожаленья,
То тихий вздох непонятой любви.

А выдохнешь в прозрении случайном:
— Что нашу жизнь делить на «здесь» и «там»!

Отдай мне, мир, непознанную тайну! —
Всей глубиной ответит:

— Не отдам!

2017

* * *

Дорожного знака на вечность мигнёт поворот.
Расплавятся сосны в горячем огне небосвода.
И ты удивишься —

какой это город и год? —

Когда над холмом обозначится купол завода.

И выстрелом громким — навывлет — сквозь дни и века —
Из воздуха прямо, из жерла пространства пустого,
Над полем кипрея появится чья-то рука
И вычертит светом фаворские лики Рублёва.

А ласточки сядут рядком на стальных проводах,
И вечер наполнят высокие вольты энергий.
И прямо из воздуха выйдет к шоссейке монах —
И снова исчезнет. И выдохнешь древнее: «Сергий».

И исподволь входит за годы в привычки твои,
Что нету границ у сквозящих сосновых обочин,
Где время с пространством распахнута Божьей Любви.
Сквозь воздух шагай —

и насквозь проходи, куда хочешь.

И ты, заблудившись в сосновых борах и веках,
В другие пространства шагаешь всё шире и шире,
А царства сгорают и снова встают в облаках —
И ты исчезаешь и вновь появляешься в мире.

Но главное — тише! Не надо вопросов и слов!
Лишь имя шепни — и простор заклубится вечерний.
И светом фаворским наполнит просторы Рублёв.
И духом высоким скрепит бездорожия Сергей.

2017

Прокричал с высоты лебединый вожак:
— Мы гнездились здесь долгие тысячи лет!
Я привёл на лебяжем крыле молодняк,
Но исчезли озёра, и гнёзд наших нет.

А бульдозером так размешало пласты,
Что в могиле одной, примирившись, лежат
Русский царь — и бродяга с последней версты,
Князь смоленский Роман — и афганский солдат.

Но машу я крылом над озёрами слёз,
Над культями солдат, над тоской матерей,
Что опять в лебединой упряжке Христос
Возвращается в церкви России своей.

Что ж — ржавеют «катюша» и меч золотой,
Порастая кровавою клюквой болот,
Голодают солдаты Второй мировой,
И кутит полицай, предававший народ?

Будто с первопроходцем апостол Андрей
На собачьей упряжке не шёл сквозь тайгу,
Не водили мы в космос своих кораблей,
Не построили царство на вечном снегу.

Только трубы качают из недр всё сильнее
Газ и нефть — для Европы назначенный груз,
И мечтает калмык о России своей,
По России утраченной плачет тунгус.

Но любой, от земли поднимающий взгляд,
Видит быль, от которой немеют слова:
Над Россиею лебеди к солнцу летят,
Выплывая из тучи, как из рукава.

Догнивают двory на замёрзшем Чудском.
Жмутся к озеру чёрные хаты.
К ржавой банке примёрзшая сеть со снетком
Колокольню звенит на закаты.

Словно княжеский плащ расстелили в огне
Между млечного звёздного хора —
Александр Ярославич на белом коне
Земли вечным обходит дозором.

Та же глушь — только ступишь с дороги в пургу —
И в сугробы нырнёшь по колено.
Те же Псков и Смоленск в вековечном снегу,
Тот же Новгород с льдами славенов.

Та же ночь, та же хмарь, тот же морок времён,
Те же лютые немцы и шведы,
Тот же русский усталый пронзительный сон,
Где ещё далеко до Победы.

Но о князе святом в полыханье побед,
Чтобы местный задумался зритель,
Прокрутил киноленту забывшихся лет
В догнивающем клубе учитель.

И мальчишка, лишь кончится в школе урок,
Рубит палкою льдины чудские,
Бьёт ливонцев, и, верности давши зарок,
Мчит с дружиною в ставку Батыя.

Батя спился, а добрая мамка его
Плачет: «Хоть ты помри — всё едино!»
Он же словно не видит вокруг ничего —
Перепрыгнет со льдины на льдину —

И клянётся не сдать ни кола, ни двора
Никакому врагу на потребу
В этом мире, где святы снега и ветра
И пронизано святостью небо.

Василиса Кожина

Втянут немцев в трясины болота,
Вступят чащи с французами в бой,
В лапотках и тулупах пехота
Выйдет к свету звериной тропой.

Примет битву — и вновь растворится
Среди белых валежин и хвой.
Лишь таинственный знак — «Василиса» —
Шишкой вспыхнет на ёлке седой.

Плат цветастый, тулупчик овчинный,
Очи — солнце рассыпанных брызг.
В партизанских отрядах былинных
Много, много таких Василис.

Прянет в ноги огнём-василиском.
Пустит поезд с откоса в овраг.
Скажет: «Кожина я, Василиса.
Возвращайся до хатушки, враг!»

Наговорной болотной травой
Пересыплет нагноища ран,
Снежным бором, медвежьей тропой
Уведёт от врага партизан.

Сгинут к лиху тевтонцы и шведы
В вечном царстве, где сосны и лёд,
А она доживёт до Победы
И о подвиге внукам споёт.

В этой песне над снежной куделью
Запевают огни-снегири,
И землянки под вьюгой свирельной
Чёрным елям поют до зари.

Укрываются пеший и санный
В белой вьюге на краткий ночлег,

И следы за лесною поляной
Замечает союзником снег.

2008

* * *

Посмотришь ввысь, застыв в старинном рву:
Шеломы утопив в вечернем небе,
Роняет крепость красная в траву,
Ветшая на глазах, кирпич и щебень.

В колодце, полном звёздной темноты,
Наивны и доверчивы, как дети,
У красных башен синие цветы
Цветут после войны тысячелетней.

Как говорит живая даль времён!
Судьбу племён сливая с вечной верой,
Колодец, полный судеб и имён,
Рокочет басом русского Гомера!

Под звёздным небом встанем ты и я
И глубь веков легко разбудим взглядом —
В безудержном потоке бытия
Здесь всё живет и существует рядом.

Россия! Кто тебя такую знал,
Тот ощутил в груди немое жженье,
Тот пил тебя вздохом — и вновь алкал
Твоей любви — до головокруженья!

Тот ощутил невольный сердца сбой
В потоке благодати неделимой:
Чтоб быть собою, надо стать тобой,
Уйдя подспудно на твои глубины —

Где льёт за ворот, плещет на траву
Твоих столетий чёрная водица,
И всё, что было — словно наяву.
И снова пьёшь — и жаждешь вновь напиться!

2024

Сказание об Андрее Первозванном

С той метельной зимы минул снег неизвестно какой,
Но живёт до сих пор свет предания, Господом данный —
Как с заплечным мешком

да сосновым простым посошком
Да по тропочке той шёл апостол Андрей Первозванный.

Он за Киев пошёл — к неизвестным истокам Днепра,
К лютым северным льдам

в скифском сне беспробудном медвежьем.
Тёмен город в снегу — ведовская курная нора!
Грозен царь Борисфен, залепивший метелями вежды!

Морды бесов и змей на долблёных кривятся ладьях.
Шкуры вепрей и лис на парнях и зазнобах счастливых.
Курит град Смоленец смолы в красных кипучих кострах.
Эту лютую тьму не развеять и Божьим огнивом!

И такая тут ночь, и такой вековечный мороз,
И такая пурга — что надёжней совсем не родиться!
Но на Тайной Вечере апостолам молвил Христос,
Чтоб страдали и шли — ибо всем надлежит причаститься!

Только здесь и слова, замерзая, плывут в пустоту.
Есть лишь зверьи следы да алмазные звёзды на черни!
Шёл апостол Андрей — и сквозь вьюгу молился Христу,
И просил у Христа вразумленья в молитве вечерней.

И услышал Христос, и по свету сошёл в снегопад,
Рядом встал на холме и взгляделся в морозные дали.
Что за тихая ночь!

Этот лес, как Божественный сад
В голубых хрусталях, утоливших земные печали!

Мерно сосны поют над сугробами трубами царств.
Тонок звон тишины в заповеданном царстве зверином.
Под лосиным копытом не хрустнет прогнувшийся наст.
Не шелохнется снег под бесшумною стаей волчиной.

И руками развёл над великим простором Христос —
И холмы поползли над рекою подобно телегам.
И великий простор городами сквозь вьюги порос —
И во тьме зазвенел куполами, крестами и снегом.

И из снега, из тьмы, из медвежьих и заячьих троп,
Из праскифского сна, глушь медвежьих распадков осилив,
Из глубин Борисфена, из белых сосновых чащоб
Сквозь седой снегопад
за холмами явилась Россия.

В золотых куполах — как свеча над снегами горит!
В красноглавых кремлях —
с ясным пламенем чистого сердца.
И идут за Христа на Голгофу князья и цари.
И идут за Христа на мученья и смерть страсотерпцы.

Невский князь Александр солнцем битвы звенит на ветрах.
Инок Сергей поёт песню жизни бойцам Куликова.
Смуту чёрных времён разгоняет Крестом Иринарх.
Мирным Духом горит Серафим из святого Сарова.

И растут города из метельных сугробных берлог.
И заводы дымят по сосновым чащобам морозным.
И плывут корабли льдами синих штормящих дорог.
И летят корабли к замерзающим медленным звёздам.

Это, Господи, рай!
Это дивных чудес снеговой!
Это, Господи, сад на искрящей алмазами черни!
Так стояли Они — сам Христос и апостол Андрей —
Замышляя Россию в великой молитве вечерней.

Как на тропочке той, где в сугробе дрожит березняк
И завода труба вмёрзла в тучу над красным закатом.
И люблю я смотреть сквозь огнями вихрящийся мрак,
Прозревая легко, что заведомо было когда-то —

Вот у этих седых крепостных развалившихся стен,
У церквей и мостов, вмёрзших в снега родную стихию,
Где из тьмы вековой выплывает, клубясь, Борисфен —
И священным Днепром за холмами впадает в Россию.

Фотоархив

Список фотографий

№1 — Прадедущка Иван Ефимович Евфимов. Священник Поречского уезда Смоленской губернии. Служил в церкви деревни Ельша и в храмах Демидова (Поречья). Мученик за веру. Как православный священнослужитель отбывал срок и был расстрелян в 1937 году. Прабабушка Валентина Сергеевна Евфимова, урождённая Полканова. Происходила из семьи потомственных поречских священников.

№2 — Бабушка Ефимова Янина Ивановна. Работала бухгалтером. Интеллигентная и начитанная. Прекрасная хозяйка. На ней держался семейный очаг. Хорошо готовила и вышивала. Любила и выращивала цветы и учила меня видеть и ценить красоту природы.

№3 — Дедушка Ефимов Сергей Иванович. По образованию инженер-землеустроитель. Прекрасный специалист. После войны долгие годы возглавлял все землеустройство и землепользование Смоленской области. Смоленщину знал — до малого островка земли.

№4 — Мама Егорова Ираида Сергеевна. Окончила Смоленский педагогический институт и всю жизнь проработала учителем русского языка и литературы — в Талашкинской средней школе, в облоно, в детском доме и в Железнодорожной вечерней школе № 3 гор. Смоленска. Любовь к литературе и поэзии у меня наследственная — от мамы.

№5 — Папа Егоров Николай Александрович. После школы из Дорогобужа ушёл на фронт, был ранен, дошёл до Кенигсберга. Окончил Смоленский педагогический институт. Учитель истории. Всю жизнь проработал директором школ в Каськово, в Алексино, в Дорогобуже и в Железнодорожной вечерней школе № 3 гор. Смоленска. Папа прививал мне любовь к истории и учил думать.

№6, №7, №10 — Детство. Семья.

№№8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19 и фотография на шмуцтителе — Егорова Наталья Николаевна в разные годы.

№17 — На вручении премии им. св. Александра Невского в Александро-Невской лавре. 2014 г.

Содержание

Анатолий Аврутин «Терпеливая муза Натальи Егоровой» 5

ОГРОМНАЯ ДУША НА МАЛЕНЬКОЙ ЗЕМЛЕ

«Дрожит росой небесный белый крин...»	17
«Когда я вышла в путь в рассвете детства раннем...»	18
«В большой стране, которой больше нет...»	19
Прадед.....	19
Берестяная грамота	20
Похвала Александру Невскому.....	22
«И опять упаду я в кислицу и мхи...»	23
«Ни зги не видно в глубях ночи тёмной...»	24
Волоковая.....	24
«Когда отходил от соборов пылающих лях...»	26
«Из клубящейся мглы, как из серой золы...»	26
«В коричневых платяницах выше колена...»	27
«Вечный май, горячий бред любовный...»	28
«В последнем из странствий...»	29
«Разроют волны берег незнакомый...»	30
Кто мы?	31
«И синий дом за синей хвоей...»	32
«О, прекрасен ты, мир, в переплёте весны...»	32
«С лёгких вёсел срываются брызги вразлёт...»	34
«Горят мне звёзды, говорит мне рок...»	35
«Однажды и мне, если хватит отважного духа...»	35
Нищенка с голубями	36
«Поглядит Серафим с почерневших икон...»	37
«Мешались в кронах птичий шум и гам...»	38
«Сяду в травы над алою бездной...»	39
Русский дуб	40
1. «У Мамврийского дуба в поющем дупле...»	40
2. «Но века пронеслись, как сметающий вал...»	41
«По льду проскользивши с разбега...»	42
«Когда опускается ночь над твоей головой...»	43
«Жизнь стремилась, смеялась, летела...»	44
«Прощаю смерть в последней глубине...»	45
Маме.....	45
1. «Мама моя, из-под тихих седин...»	45
2. «Закаты и зори алеют...»	46
3. «Есть, синеглазая мама, о чём нам с тобой...»	47

4. «Сшей мне, мама, платье с юным пеньем...»	48
5. «В том детстве, где ангел случайно...»	48
«Здесь, где ивы ветви уронили...»	49
«Кроны сосен поднимутся выше...»	50
«В этом солнце сквозном — что мне твой вековечный укор!...»	51
«Третья скорость. Печаль и тревога...»	52
Старуха	53
«Сгоревших звёзд за снегопадом свет...»	54
Белые птицы	55

ВСЯ РУСЬ ПРОЛЕГЛА — ОТ БОРИСА ДО ГЛЕБА

«В огне любви сгорели дни и даты...»	59
Егорий Хоробрый	59
«Швырнёт Смядынь багряных листьев с неба...»	61
«В ведре позабытом железном...»	62
Окраина	63
«Какой дурной фантазии фантом...»	65
«В простор претворяйся, любви и огня волшебство...»	66
Гжатск	67
В Гжатске	68
Ёж	69
Улитка	70
«В эту даль не вернуться по воле своей...»	70
Папин колодец	72
«Сини очи бабушки моей...»	73
«Дочь поколений, выросших во тьме...»	73
Ворох черёмух	75
1. «Мир продрог и увяз в молодой тишине...»	75
2. «Разбудили черёмуху в чаще лесной...»	76
«Из нахлынувших противоречий...»	76
«Сад созревший знобит. То ли холодно, то ль одиноко...»	77
Цветы под ногами	78
Церковь Петра и Павла. XII век	79
Смядынь	80
1. «В колодце времён застоялась водица...»	80
2. «Над поймами — ивы, над ивами — холмы...»	82
«Рокочут, как тучи, в овраге лесной тишины...»	83
«Отведи меня, дедушка, в детство за белой горой...»	84
«Где травы вились, лету ворожа...»	85
«Две белые молнии ночь пересекают, светясь...»	86
Сирень — на счастье	86
«Ты мне мала, провинция моя...»	88
Разбитое сердце	88

Челночница.....	89
«А метель за окном заметает аллеи и крыши...».....	90
«И нас волною времени накрыло...».....	91
Ещё черёмуха.....	92
1. «Не вянь! Не вянь! Ни в темноте ночами...».....	92
2. «Неизбывный, протяжный, пронзительный сон...».....	93
«Вьюнок завил калитку и забор...».....	94
«Время будто сгустилось в бездонном колодце двора...».....	95
«Сто тысяч раз полюбишь и разлюбишь...».....	95
«Если ты хочешь прожить свою жизнь без беды...».....	96
«О счастье и жизни — в дороге какой разговор...».....	97
«Отхлебни студёной отчей славы...».....	98
«Не говорите со мною...».....	99
Днепровские строфы.....	100
1. «Шумят в старинных поймах ковыли...».....	100
2. «Гей, батька Днепр! Красна былин ладья...».....	101
3. «Здесь всё славянской речью поросло...».....	102
4. «Ой, Днепр, Днипро, река славянских слёз!..».....	103
5. «А женских слёз гремучая кудель...».....	105
6. «Нет, Днепр Славутич, музы не молчат...».....	106

ДЛЯ ВСЕХ ВЛЮБЛЁННЫХ В ГОРОДЕ ЛЮБВИ

«Времён последних неразумный житель...».....	109
«В переулках глухих, под мостами...».....	109
«Дай мне пройти цветущими садами...».....	109
«В мире ли страшном, в мире ли тёмном...».....	110
Фонарь.....	112
Русалочка.....	113
«За годами и снегом не видно во мгле...».....	114
Магдалина.....	114
Птицы в городе.....	116
1. Ворон.....	116
2. Голубь.....	117
«Никто не позвонит, пока никто не умер...».....	118
«Льёшь без меры, чтоб пьяной я стала...».....	119
«Не мучь меня, память! Пространство потерь и утрат...».....	120
«Да много ль нам с тобой от жизни надо...».....	120
«Накопилась за годы усталость...».....	121
Бомж.....	122
«Ну а ты, неживое, всё ближе и ближе к живому...».....	123
Поджигатель.....	124
«Я ждала его ветром дворов проходных...».....	125
«Сыпнёт снежком за ворот шубы тьма...».....	126

«Рогатые, хвостатые, хмельные...».....	126
«В этих хлещущих тьмах, в этих гиблых краях...».....	127
«За каплю веры — свет в ночном окне...»	129
«Герой обязан умирать...»	130
«Брошу плащ на диван полусонный...»	130
«Скользнуть из дома в плащике не новом...».....	131
Матрона Московская.....	131
1. «Словно бы красное солнышко...».....	131
2. «И роза не вянет, и свечка горит...»	132
«Прогнутся хребтами мосты над гремящей округой...».....	133
В метро	134
Перо Гамаюна.....	135
«Гулки, гулки улицы пустые...».....	137
Неизвестный таксист	138
«Фата невесты светит белым...»	139
«Строил — вор, воровавший без меры...».....	140
«Припомню друзей и устало прикрою глаза...»	140
«Сбившись с ритмов заученных чётких...»	141
Мутант	142
«Полистаем бестиарий...»	143
Телебаллада	144

ЛЮБОВЬ И СЛОВО — ВМЕСТЕ ВЫ ВСЕГДА

«Зазвучит в тишине Иоанн Златоуст...».....	149
«Когда гремит по всей округе гром...».....	149
«— Кузнецов! Кузнецов! — Свист и гром восхищения в зале...»	151
«Опять взойдут, сметая тьму обмана...».....	152
Александр Блоку	153
«Замолчите, завалы словесной трухи...»	154
Прощание с Матёрой	155
«Пасха Господня. Едина судьба...»	157
«Все ушли. И в кладбищенской зыбкой тени...»	157
«Понимаешь ли, птица...»	158
«Здравствуй, мир провинциальный...»	160
Секреты.....	161
«Два брата тягались за славу умершего брата...».....	162
«Обмануть поэзию пытаюсь...»	162
Орфей и Давид.....	163
1. Орфей.....	163
2. Давид	164
«Страницы книжки записной — как рай...»	165
Виктору Смирнову	166
Легенда ГУЛАГа.....	167

Памяти Светланы Кузнецовой.....	169
Самородок (<i>Маленькая поэма</i>).....	170
Когда, взрывая тьмы отвес.....	172
Поэт.....	173
В Оптиной пустыни.....	175
Берёзовый венок.....	176
«Что за дурь, что за бред, ты великую правду скажи...».....	177
«Старый парк пройдем навывлет...».....	178
«Не вещь в себе — но мир, открытый взорам...».....	179
Андрей Рублёв. Спас Вседержитель.....	179

(<i>Маленькая поэма</i>).....	180
---------------------------------	-----

ПРОВИНЦИЯ, МЕЧТЫ МОЕЙ СТОЛИЦА

Андрей Рублёв.....	185
«Русской провинции тайна...».....	185
«Тряхну друзьям лохматой русой гривой...».....	187
«Дорогобужские мещане который век живут — не тужат...».....	187
«Все, что прожито здесь, и горчит, и свободую ранит...».....	188
«Надену сарафанчик продувной...».....	189
«Полегли до земли золотые шары...».....	190
Рогнеда.....	191
«Айсберг, Россия!..».....	192
«Не шуба да цепи — буранная тьма...».....	193
«Меняются тревожные картины...».....	193
«Дом стонал и скрипел, чёрной глыбой сползая в овраг...».....	194
«Жужжит простор. Качается земля...».....	195
«— Как дела? — Как дела? Ерундовы дела...».....	196
Алексино.....	196
«Июль лишь начался, и времени до черта...».....	197
«Древний храм среди тлена сквозит за версту...».....	198
Сирень.....	200
Стриж.....	200
Лампада Ильи Муромца.....	201
Лампа Гагарина.....	203
«Флюгер на башне, в кармане репей...».....	204
«Кто посмеет меня обогнать-перегнать?..».....	205
«Пойдет снегопад. С колокольни зимы позабытой...».....	206
«Русская тройка с разбегом...».....	207
«Ночь да ночь без конца и исхода...».....	208
«Сугробы и крыши — в сумбуре нахлынувших строк...».....	209

Гитара.....	210
1. «Дышат кони белым паром...».....	210
2. «Бери — все проспекты столицы...».....	210
«В кварталах — иней. В подворотнях — мгла...».....	211
«Ранним утром Христу причаститься...».....	211
«Поют сквозь годы и житейский мрак...».....	212
Глагол.....	214
«Встану — особою статью...».....	214
«Продрогшие дали. Дрожащая зыбка вода...».....	215
«В черничнике — личинки и жуки...».....	216
«Пока ещё силы, и счастье, и молодость с нами...».....	217
«У леса луна в изголовье...».....	218
«Разъярившейся бурей могучей...».....	219
«Чтобы измерить тяжесть детских слёз...».....	219
«Над могилою папы — молчание льдин...».....	220
«Ты бил в те дни ракеткой воздух с гудом...».....	221
«Был ты — богом, судьёй, дон-жуаном...».....	222
«Пар дыханья и воздух морозный...».....	223
Легенда о башне Веселухе.....	223
«Погоди, реставратор, не сетуй...».....	224
«Над репьем пустырей льётся свет удивительный ранний...».....	225
«Белый бант, коричневое платье...».....	226
В лодке.....	226
«Сто шмелей из ста ромашек пьяных...».....	227
Флёново.....	228
Провинциальный вальсок.....	229
«Вспоминай: тётя Феня — уборщица в школе...».....	230
«От Васькина ушла жена...».....	231
«В поезде, поезде тёмном...».....	232
«Я ненужных люблю — кого мир нам любить не велит...».....	233
«Прохожу по цветным тротуарам...».....	233
«Домики жёлтые с белыми трубами...».....	234
Одигитрия Смоленская.....	235
1. «Распахнул благодатных энергий ответ...».....	235
2. «Мчались конюшки снежной пустыни...».....	236
3. «Под светом тихим, светом невечерним...».....	237
4. Если пошлёт Богородица... (Чудо о Меркурии Смоленском).....	238
5. «На акафисте в красном закате...».....	239

ТРИ АНГЕЛА В БЕЛОМ — В БЕЗБРЕЖНОЙ МЕТЕЛИ

Terra fatalis.....	243
«Тёмное небо. Провал в неизведанный мрак...».....	243
«Там, где смыкает кроны старый бор...».....	244

«Бросить рюкзак. На траве растянуться...»	246
«Где хвоя в полнеба и небо в полмира...»	247
Хома Брут	248
«В туристический тур не поеду в Египет и Смирну...»	249
«Лазарь, Лазарь, как ты встал из гроба...»	250
Вербное воскресенье	251
«Который век — сойдёшь в бурьян с порога...»	251
«Стареет сирень ветеранов...»	252
Варвар	252
«Эй, скиталец, куда ты? Вернулся б в натопленный дом...»	253
«Попросила я Бога: «Даруй мне, Господь...»	254
«Когда приходит пушкинская осень...»	255
1993	256
«Эти люди с глазами крыс...»	257
«Этот крик, сухой и жёсткий...»	257
«Охряный клён. Горящее окно...»	258
«Нам снится горячее солнце в густой синеве...»	259
«Мысли филина огненно-сини...»	260
«На новенькой, белой, нагретой за день корме...»	260
Забывтое имя	261
«Утром Солнце-Христос освещает восток...»	263
Икона	264
«За кручинами дней, за пучинами лет...»	264
«Колышет травы и цветы колышет...»	265
В карьере	266
«...И царской водкой царские тела...»	267
«Свита царской семьи крестным ходом идёт, помышляя...»	268
«Мы меняли коней на коней...»	268
Легенда о Феодоре Томском	269
Гефсиманский скит	270
«Чай подаст проводник. За окном промелькнёт семафор...»	271
«Что там? На площадь упал самолёт?...»	272
Лев Святого Герасима	273
«О, как прекрасен этот куст...»	274
Александр Свирский (Поэма)	275

ПРОСТЁР ТЫ ЗЕМЛЮ, КАК КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

«За всех, погибших в пучинах моря...»	281
«Заревёт ли медведь, зазвенит ли рассвет...»	281
Детское воспоминание	282
«Никто не косит чёрные бурьяны...»	283
«Свет плывёт по великому кругу...»	284
«Корявые ивы! Столетние ивы!...»	285

Лягушка	285
«Купол и крест в златоструйной листве...»	286
Богородица и листопад	287
1. «Высок мой Бог. А полдень мира — чист...»	287
2. Четыре матери	288
3. Богородица и листопад	288
4. Воробьи и ласточки	289
5. Трапеза	290
6. Никола	291
7. Угодники	292
8. «Найдёшь ли рушник вышиваный...»	294
«Чей там взгляд летит, смеётся...»	295
«Эту нищую землю никто не спасёт...»	295
Вселенская церковь	297
«Черёмуха в щёлканье веток...»	298
«Когда цветёт стоячая вода...»	298
«Взяла себя глина по рвам, колеям да ручьям...»	299
«Запутались в волосы пчёлы...»	300
«Звенит, сквозит черёмуха лесная...»	301
«Пусто в осенней тьме заоконной...»	302
«Ивы да хаты, родная сторонка...»	303
«— Да тихо всё. — Ну и добро...»	303
«Куда нам лететь? Алый парус любви и тревог...»	304
«Густеет в соснах ночь июльской прохладой...»	305
Звёздный Коловрат	306
Дорога к звёздам	307
Гнёздово	308
«Присядь на коряги. О прошлом печалиться — поздно...»	309
«На варяжской ладье...»	310
Освящение истока (Поэтический репортаж)	312
Принцесса Гита	314
«Стыдно Потапычу пить да реветь...»	316
«Этим летом я богом была для лягушки, живущей в колодце...»	317
«А зверь и птица человека ждут...»	317
«Других измерений раскрыто в крапиву окно...»	318
Всенощная	319
«...Но, подвергая всё вокруг сомнению...»	320
«Дорожного знака на вечность мигнёт поворот...»	321
«Прокричал с высоты лебединый вожак...»	322
«Догнивают дворы на замёрзшем Чудском...»	323
Василиса Кожина	324
«Посмотришь ввысь, застыв в старинном рву...»	325
Сказание об Андрее Первозванном	326
ФОТОАРХИВ	328